

А
г
а
п
о
в
Н
и
к
о
л
а
й

КРХ... КРХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Агапов

Крх... крх

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70478530

SelfPub; 2024

Аннотация

Макс обнаружил в подземном переходе труп. «С кем не бывает!» – скажете вы. Но что вы скажете на то, что это тело обезглавлено, а? А что, если покойник взывает о помощи и превращает сны в кошмары, и маньяк продолжает свои убийства? Ну же, ну же: то же обыденно? А что, если за грезами скрывается нечто невообразимое? Если заглянуть в глаза этому кошмару? И представить невозможно, где в итоге окажешься...

Содержание

Часть 1

4

Часть 2

201

Николай Агапов

Крх... крх

Часть 1

Она сидела за столиком напротив, выбиваясь из обычного для таких заведений контингента своей утонченностью и дорогой одеждой. Она, очевидно, понимала, что сейчас все взгляды устремлены на нее, все разговоры, резко поменяв курс, сворой голодных псов-домыслов бросились терзать ее деликатный образ.

Я сам старался не смотреть на нее долго, но магнит, встроенный в нее, видимо, подействовал и на меня, и я, каюсь, поднял на нее глаза и уже не мог их оторвать.

Она воцарилась прямо перед моим аскетичным и уединенным убежищем в самом углу салона. Я не видел, как она вошла, но уловил краем глаза, как что-то красное всплыло в поле моего зрения и остановилось у столика напротив. «Это может быть только женщина, такая-то красная и плавная, – подумал я про себя. – Ну ничего, у меня есть подружка на этот вечер, – и я ласково погладил запотевшую кружку пива, – а на ту мне наплевать». И я пригубил свою «подружку», опустошив ее на треть.

Также краем глаза я видел, как к ней подошел официант,

и она, наверное, сделала заказ. Я понял, что что-то не так, по внезапной тишине, охватившей весь салон. Это-то и стало точкой невозврата, тончайшей границей, после которой ее магнит намертво притянул меня и уже не отпускал.

Я стал переводить взор в ее сторону. На самом деле прошло ничтожное время, но мне казалось, что передо мной открывается миллиметр за миллиметром некая таинственная картина, дотоле скрытая непроницаемым полотном от любопытных глаз.

После того как мой взгляд проскользнул по полу, он уткнулся в красные туфли на прозрачных шпильках. Из этих туфель выныривали точеные ножи, обтянутые тончайшей материей. Секунду спустя я понял, что это дорогущая проецирующая ткань, потому что рисунок стерся, и вдруг над туфельками появились две змеиные головки, выскочил и тут же скрылся язычок, и, обвиваясь и переплетаясь друг с другом, «переходя» с одной ножи на другую, змеи, формируя замысловатый рисунок, ползли вверх и... И все это засасывала в себя «черная дыра» черной же лакированной юбки, обтягивающей плавные волнующие изгибы ее бедер. Наверное, наблюдать этот мистический танец-сплетение можно было бесконечно: как и все в ней, он служил одной цели – подчинить ее воле, окутать ее чарами и не отпускать... никогда. Выше юбки ярко-алым пламенем пыжился пиджак, стремясь поглотить, задавить и затмить собой блузу с глубоким вырезом. Но вырез все же был более сильным магнитом, и пиджа-

ку оставалось только краснеть еще сильнее от сжигающей зависти. Что уж говорить о взгляде несчастного, пойманного этим декольте?.. Если даже цепочка, висевшая у нее на шее, словно две полноводные золотые реки, покорно и неизбежно стекала к ее прелестной груди, сливаясь в тоненький ручеек у волнительных полусфер? Затем она бесстыдно ныряла вглубь декольте – туда, куда мечтали попасть или хотя бы мельком взглянуть толпы мужчин, схваченных ее магнитным полем.

И если кому-то удавалось оторвать глаза от пленительного выреза и посмотреть выше, взгляд медленно облизывал стройную шею и подбирался к прекрасной головке. А после – потерянно замирал на лице с четко очерченным ртом, пропитанным кровью всех тех мужчин, что пали жертвами ее притяжения, и оттого сделавшимся таким сочным и алым. Изящный носик разделял собой две капельки шоколада, плавающие в сливках ее миндалевидных глаз, за которые хотелось сразу же отдать всю вселенную и себя вместе с ней.

Венчали эту божественную статую неизвестной богини черная диадема волос, уложенных в хитрую, но выглядывающую простой прическу, и сдвинутый слегка набок красный берет.

Она томно помахивала своими пушистыми ресницами и не спеша осматривала салон. Вдруг ее блуждающий взгляд задержался: она смотрела в моем направлении всего несколько мгновений, но я понял: что-то заинтересовало ее

тут – и скромно предположил, что это моя персона вызвала в ней искорку любопытства.

Официант торопливо подошел к столику и крайне учтиво поставил перед ней чашечку кофе. Она еще раз обвела взором салон и приподняла дымящийся черный напиток к своим бесконечно красным губам, позволив горячей жидкости насладиться ее упоительным поцелуем. И тут ее глаза, словно нехотя оторвавшись от созерцания напитка, остановились на мне и обожгли меня сильнее, чем мог бы обжечь тот кофе, который она пила, если бы его пролили на мои брюки. Я, не зная, куда деть себя от неожиданности, погрузился в кружку с пивом и, отхлебнув, стал размышлять, бывают ли гадания на пивной пене, – лишь бы не думать о том палящем взгляде.

А она, уже отставив чашечку, совершала ритуальное действие, за которым я, мгновенно забыв о пиве, наблюдал как замороженный. Достав из сумочки портсигар, она вынула сигарету и прикурила ее от стоявшей на столе свечи. Пепельницы, естественно, не было, и на некоторое время это ввело красавицу в некое замешательство, однако это тривиальное неудобство она устранила с изяществом, достойным ее красоты. Она мигом опорожнила стоящую на столе неподалеку солонку на стол и стряхнула первую порцию пепла на вершину соленой горы, превратив ее в курящийся, в прямом смысле, вулкан. Я смотрел и не мог оторвать глаз.

Ее локоть покоился на гладкой поверхности стола, а самими кончиками пальцев она держала сигарету почти вер-

тикально. Вспыхивающий кончик маячил в воздухе, словно маленький злой дух. Красный свет отражался в ее глазах и, казалось, плавил их шоколад, и в этой приторной сладости так легко было увязнуть. В то же время этот огонь продолжал прожигать что-то во мне, ведь я, не в силах оторвать взор, бесстыдно и, наверное, алчно смотрел на нее.

Наверное, невозможно курить сигарету вечно, но мне казалось, что именно столько я наблюдал за этим таинством.

Я вдруг заметил, что одна из змей не поползла вверх, а, повернув голову в мою сторону, пощупала воздух своим язычком и, скользнув по туфле своей хозяйки, переползла на пол, а после, извиваясь, заструилась в мою сторону. В то же время другая змея, решив не останавливаться на достигнутом, заползла сначала на юбку, затем, обвивая гибкий, стройный стан своей хозяйки, добралась до шеи и, обвив и ее тоже, встала в стойку у левого уха. В этом положении она начала гипнотизировать меня, потом медленно подалась вперед, почти касаясь мордой тлеющего уголька сигареты. Выскочил ее проворный язычок, окунулся в клубы табачного дыма, будто пробуя его на вкус, и снова скрылся в пасти. Змея втянула в ноздри весь дым от сигареты, и тут же краем глаза я заметил, что ее сестричка появляется у моей правой щеки, поворачивая свою чешуйчатую голову ко мне. Я вижу ее зрачки: в них горит огонь, нет, тлеют угли или... Она разевает свою пасть... Тут я ощущаю все ее мускулистое тело, обвившее мои члены («Какой же она длины?» – проносится молнией

ничего не значащая мысль). Она мерно то сдавливают, то отпускает мое горло, словно играя со мной в кошки-мышки... Из пасти выползают клубы дыма и окутывают меня, словно туман. Змея расслабляет свое тело, сдавливающее мое горло, и не сжимает его снова. И вдруг шипит мне: «Вдохни меня!» Я чувствую, как повелительно напрягаются все ее мускулы, обвивающие остальные части моего тела. «Это не пожелание – это приказ!» Пот струится по моему лбу и каплями стекает по лицу, оставляя холодные дорожки. Мне кажется, что глаза разбежались, каждый прикован к одной из змей, и я вижу их двух одновременно и четко. И вот они обе приближаются к моему лицу, каждая со своей стороны, я уже словно знаю, что будет. Страх парализует меня, или это их глаза с тлеющими угольками (или душами обреченных)... Их язычки высовываются и... слизывают капли пота, текущие по моим скулам. Я потею сильнее, и пот заливает глаза. Их язычки жгутся, режут кожу на лице, что-то теплое начинает капать на руки, сжимающие кружку. Но глаз не оторвать, а язычки будто уже щекочут мой язык, и он пытается сжаться, скрыться, затолкнуться куда-то глубже, в самое горло. Пот скатывается прямо в глаза... резь... моргаю... кажется... все это только кажется!

Докурив, она воткнула сигарету в созданный ею великолепный Везувий. И устремила свой чарующий взор прямо на меня. Что-то розовое и необыкновенно чудесное промелькнуло между сочными вишнями ее губ и увлажнило их сво-

ей свежестью. Ее глаза нашли мои, впитали мой взгляд, примагнитили к своему. Затем ее зрачки полетели вправо и, со всего разгона ударившись в край глаза, с ошеломляющей силой потянули за собой всю ее головку, что воплотилось в заметное движение головы в сторону выхода. После чего ее шикарные ресницы порхнули, и от этого движения она вся будто наполнилась воздухом и взлетела, плавно перемещаясь к выходу. На полпути она обернулась, словно хотела проверить, не забыла ли что-то на столике, и снова ее глаза нашли мои, а сила притяжения все росла, превращаясь в натянутый стальной канат. У меня захватило дыхание – что будет? Девушка снова повернулась к выходу и, призывно покачивая бедрами, растворилась за дверью.

Я, обрета-таки дыхание, рванул пулей за ее опустевший столик, пока все остальные еще пытались прийти в себя от потрясения. Я смотрел на окурок и думал: «Как же мне повезло – осталось еще четыре-пять миллиметров – хватит на одну затяжку». И в следующее мгновение я уже трясущейся от волнения рукой прикуривал остатки сигареты от свечи за ее столиком. Затяжка... да... какие ощущения... я пытался задержать дым в себе как можно дольше, старался запомнить каждое ощущение в каждой клеточке своего тела. Каждый ничтожный нервный импульс сотрясал до основания мое существо, поглощающее, нет, алчно пожирающее этот кусочек несравненного наслаждения, будто доставшийся мне чудом из какого-то другого мира или от богов, или... Да неважно

откуда – сейчас он был мой, и я был на вершине блаженства. Да, я понимал, что сейчас, возможно, упустил красивейшую женщину из всех тех, что еще, может быть, будут в моей жизни. Но это всего лишь женщина... Будут другие, в конце концов, и разница между ними... только поверхностная. А сигарета – такой шанс выпадает раз на миллион, если не на миллиард, и, если не я, так какой-нибудь другой счастливчик докуривал бы ее.

Я плавал в волнах блаженства, радуясь своей быстроте, смекалистости, везению, наконец. Когда еще в нашем бестабачном мирке среднестатистическому парню, как я, выпадет такая удача?... Ведь после той глобальной эпидемии болезни табачного листа теперь сигарета стоит миллион доллудблей, и только самая богатая часть человечества может позволить себе разрушать таким образом свое здоровье. А что самое удивительное – нынче лаборатории по выращиванию табака охраняются сильнее, чем какой-нибудь чертов секретный центр по производству биологического оружия. Бизнес, мать его, бизнес.

Докурив, я с удовлетворением вставил бычок на место – негоже портить произведение искусства, созданное самой Афродитой, и пошел на улицу, не допив свое пиво и ощущая вкус свободы на губах.

Я завернул за угол и прошел пару кварталов до своего дома. Кивнув по привычке хмурому консьержу, поднялся на лифте в свою квартиру. Я уже залез одной ногой в ванну, ко-

гда взорвал сонную тишину квартиры телефон – судя по мелодии, звонил начальник, и скрепя сердце, чувствуя, что моя ванна накрылась медным тазом, я поплелся к мобильнику.

– Да, слушаю, – сказал я как можно недовольнее в трубку.

– Доброго вечера, Гусев. Не соизволит ли ваше величество приехать на работу принять товар? – в голосе шефа явно слышались саркастические нотки. – Кстати, это приказ.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой лорд, – съязвил и я. – Я как раз собирался выгулять моего коня.

– Давай, давай. Пока. Позвони мне, как все примешь, и ты свободен.

– До свидания, Петр Васильевич.

Когда я вышел, у подъезда послушно стоял беспилотник, ожидающий компанию, которая шумно что-то обсуждала и смеялась.

– Привет, Максим. Едем с нами? – выделился из толпы Никита, бывший одноклассник.

– Не-е, Никит, меня шеф вызвал на дело, так что я мимо кассы сегодня.

Я бодрым шагом двинулся в сторону магазина, где работал. Пешком идти было полчаса, и я предался еще раз воспоминанию фееричного вечера, смакуя его подробности, словно ребрышки барбекю. Я прошел квартал до подземного перехода, спустился в его скудно освещенные недра и вынырнул на другой стороне, затем, пройдя дворами, где была возможность, я очутился у задней двери магазина, помещавше-

гося на первом этаже жилого комплекса. Мой палец потянулся к звонку.

– Бу! – прогромыхал коммуникатор, и в то же мгновение я, вздрогнув от неожиданности, отдернул палец от звонка.

– Че, испугался, как я погляжу? Ха-ха-хе, – продолжил говорить коммуникатор, – ну, входи, Макс, водитель уже тут.

– Ну ты и придурок, Степа, – сказал я, открывая отпертую дверь.

В комнатке охраны сидел с блаженной улыбкой Степа – охранник, тут же находился незнакомый мужчина – видимо, водила. Я в очередной раз удивился: как случилось так, что таксистов заменили беспилотными автомобилями, а водителей грузовых машин оставили? Может, из соображений гуманности или у кого-то из них было сильное лобби?

– Ну что ж, пойдем оформимся, – сказал я водителю.

– Давай, только бы поскорее все кончить, – отозвался хриплым голосом он.

– Да я и сам домой хочу, так что мы на одной стороне, – заверил я его.

С выгрузкой и оформлением документов мы проколупались до трех ночи. После того как я отпустил водилу, я хлебнул кофе со Степой, выслушав массу ненужных новостей из его соцсетей. Но кофе взбодрил меня, и, распрощавшись, я оставил Степу с его гантелями и соцсетями, а сам поплыл в сторону дома.

Стояла в меру теплая майская ночь, по небу плыли ред-

кие облака, периодически скрывая ухмыляющийся месяц. Я шел, иногда смотрел в небо и параллельно слушал гомон ночного города. Но, зайдя в переход, временно лишился неба, а ночной город, захлебнувшись гулким эхом моих шагов, умолк.

Я шел-плыл по переходу, как вдруг впереди замаячило что-то на полу. Адреналин быстро прояснил мне голову и взбодрил: от этого «чего-то» тянулась красная... Я не хотел думать о плохом, но каждый шаг приближал меня к этой зловещей цели. Метрах в пяти от трупa, а теперь можно было явственно разглядеть, что это он и был, я остановился в нерешительности и ужасе. На меня смотрел обезглавленный труп своей кровавой зияющей раной, будто широко разверстым оком. Лужа крови бурым озером протянулась к ливневке. Я вспомнил, что нужно дышать, лишь когда начал задыхаться. После глубокого вдоха недавно выпитый кофе требовательно заявил о своем желании пойти прогуляться в компании остального содержимого желудка. Я собирался повернуться, как вдруг мне почудилось, что у трупa появилась голова. Это была немолодая женщина: ее лицо было квинтэссенцией мольбы и боли. Она произнесла слова, едва двигая губами, но я явственно услышал:

– Помоги мне, сынок, прошу...

Дальше мое сознание высосала сногшибательным поцелуем тьма обморока. Судя по всему, я лишился чувств, наверное, на пару минут, когда же открыл глаза, труп лежал на

месте, а головы, как и прежде, не было. Я взял себя в руки и побежал мимо стен, покрытых переплетением граффити, к выходу на поверхность, попутно набирая номер экстренной службы.

– Здравствуйте, опишите вашу проблему, – ответил мне мужской голос оператора, принявшего вызов.

– Я... мне... кажется... тут труп в переходе, – мысли и слова словно высасывал из меня невидимый пылесос, и я едва смог произнести что-то внятное.

– Сохраняйте спокойствие. Вы уверены, что человек умер? Может, ему стало плохо? Вы врач? – оператор пытался наполнить мою пустую голову бессмысленными, в тот момент, вопросами.

– Я не врач, но поверьте мне, она мертва. Пришлите сюда кого следует, мать вашу! – сорвался я на ни в чем не повинного оператора, а рука тем временем судорожно стискивала мобильник. Если бы он был рядом – это могло бы быть его горло – я сейчас себя совсем не контролировал.

– Хорошо, сохраняйте спокойствие, дайте разрешение на определение вашей геопозиции.

– Определяйте уже скорее.

– Принято. Ожидайте, скоро к вам подъедут. Доброй ночи.

«Какой, на хер, доброй ночи, – думал я про себя, нервно вышагивая около лестничного спуска, – так хорошо все начиналось вечером! За что?! За что?! Почему меня вызва-

ли именно сегодня? Черт возьми, что это за гребаный псих, что мог сотворить такое с несчастной женщиной? Она ведь, наверно, чья-то мать, жена... Бедная женщина, бедные родственники... И что за глюки у меня были перед тем, как я отключился? Видимо, все это сказалось на нервах, вот они и не выдержали. Как это ужасно и скверно... Все это... Ну и как бы я мог помочь... Она уже была мертва, когда я ее увидел... Ведь без головы не живут, так ведь?.. Хотя я где-то читал, что сколько-то секунд голова живет, отделенная от тела... Бред... Что за бред я несу... Ну вот и гвардия на подходе наконец-то», – произнес я чуть слышно, уловив завывание сирен.

Через полминуты подъехали две машины. Из первой выскочили двое бравых подтянутых полицейских и поспешили ко мне.

– Что тут произошло? – спросил меня коротенький шатен с аккуратной бородкой.

– Я почем знаю, что произошло, но результат лежит внизу в луже крови.

– Понятно, пошли отсмотрим там, – обратился он к напарнику, а мне сказал: – Ждите здесь.

– А будто у меня есть варианты... – обреченно сообщил я удаляющимся спинам полицейских.

Через пару минут этот, с бородкой, вышел из перехода и с угрюмым лицом проследовал к другой машине, которая унеслась сразу после разговора.

Он посмотрел ей вслед и направился ко мне.

– Ну, молодой человек, расскажите все, что видели, как все случилось, что вы делали так поздно ночью в переходе? А я, если вы не против, включу диктофон. Память, знаете ли, такая штука – на нее нельзя положиться.

– Да включайте, не вопрос.

Он покопался в кармане, вынул диктофон – маленький серебристый гаджет, нажал на нем кнопочку сбоку и повернул ко мне красным глазом, который впился в меня словно клещ.

– Кстати, не вы ли замочили тетеньку, а? – сухо спросил полицейский, будто бросил камнем в хрустальный сосуд моего хладнокровия, разбив его вдребезги.

– КАК?! – только и хватило выдохнуть сил. Голова начала кружиться, а все внутренности сжались в комок, словно напротив меня стоял не человек, а маленькая черная дыра, которая пыталась раздавить меня в ничто.

– Ну-ну, вы не беспокойтесь: отсидите свое, а там выйдете на свободу новым человеком. Просто расскажите мне, как все было, и это облегчит вашу участь, поверьте мне, – доверительно посоветовал словно старому приятелю полицейский.

– Я... я просто возвращался домой, – начал я не своим от напряжения, каким-то совершенно осипшим голосом: во рту было суше, чем в пустыне. Понимая, что чрезмерное нервное напряжение играет не в мою пользу, одеревеневшим языком я попытался нащупать хоть чуточку слюны, чтобы

смочить горло и восстановить голос: тщетно. – Вот, смотрите, мне звонил шеф, – все тем же чужим голосом начал оправдываться я, вытаскивая телефон и дрожащей рукой пытаюсь найти вызов от Петра Васильевича. – Закончив свои дела там, в магазине... – внезапно меня осенило. – О! Кстати, там был охранник Степан, который может подтвердить, что я был там и принимал товар от водителя.

– Ну, это хорошо... Но у вас же нет алиби на момент убийства? Так что смиритесь и скорее признайтесь, – бородач даже по-дружески потрепал меня по плечу.

– Да как же так, ведь я не убивал ее! – я невольно отпрянул от его прикосновения. – Я просто шел домой, когда наткнулся на труп в луже крови, потом потерял сознание, кажется. И когда очнулся, побежал на поверхность звонить вам.

В этот момент подъехала машина, из нее вышла группа людей, «мой полицейский» махнул им головой в сторону перехода и снова повернулся ко мне.

– Вы еще кого-нибудь видели? Только сразу предупреждаю: не лгите мне – я чувю фальшь за сто километров. И к тому же этим вы только усугубите свою вину, – он выжидательно уставился на меня.

– Вы знаете, никого не было видно, мне кажется, даже противоположная сторона дороги была пуста. Сами видите, сколько сейчас времени.

– Хорошо, этого достаточно сейчас, – сказал полицейский, выключая диктофон. – Пройдемте в машину: мы до-

ставим вас в отделение и там дальше разберемся.

Я, предчувствуя неладное, направился к автомобилю и сел, куда мне указали. Нервное напряжение и не думало спадать, и меня колотила мелкая дрожь.

– Не ссы, приятель: все будет хорошо – помни, что я тебе сказал, – проговорил, ухмыляясь, тот полицейский, закрывая дверь.

Где-то через полчаса он вернулся в сопровождении нового мужчины, который, вероятно, прибыл в ранее подъехавшей машине. Тот, новый, сел на пассажирское сиденье и, когда машина тронулась, представился мне следователем Матросовым, сказал, что мы поедем в отделение и проведем все необходимые процедуры.

Далее все происходило в каком-то вязком, кисельном тумане, который заполнил этот фрагмент моей памяти. Помню, мы ехали в отделение, полицейские общались между собой и не обращались ко мне, в отделении же, наоборот, все их внимание было сосредоточено исключительно на моей персоне: были комнаты, вопросы, что-то делали со мной.

– Ну все, вы свободны. Никуда не уезжайте в ближайшее время: вы можете нам понадобиться, – до меня не сразу дошел смысл слов, сказанных следователем, но, когда это случилось, я будто вынырнул из киселя и вдохнул свежего воздуха – в голове стало яснее.

– Так что, меня не посадят в тюрьму? – спросил я Матросова.

– Нет, на данный момент доказательств вашего причастия к убийству не имеется. Если вы вдруг, конечно, не хотите в чем-то чистосердечно признаться.

– Но мне сказал ваш коллега...

– Ну, знаете, каждый делает свое дело, как умеет и как считает нужным – может, он и перегнул палку. Но все мы люди, знаете ли... В общем, не буду вас задерживать.

– До свидания, – произнес я рассеянно и повернулся, но потом снова обратился к Матросову: – А выход где, а то я дорогу не знаю?..

– Да вот, прямо и направо, там охрана сидит, за ней и выход, – охотно проинструктировал меня следователь напоследок.

– Спасибо, – выпалил я.

Прочь, быстро, на свежий воздух – это была квинтэссенция мыслей, желаний и целей в то мгновение, только это и звенящая нервная пустота.

Майский утренний (да, уже наступило утро, и народ спешил по своим делам) воздух напоил меня, мне стало чуточку легче, кажется, дрожь прошла. Я снова начинал быть собой. Навигатор показал, что до дома сорок минут пешком, и я с удовольствием дал своему телу еще и физическую нагрузку, преодолев этот путь за полчаса. Придя домой, я написал шефу, что у меня было приключение с полицией и что я буду недоступен сегодня, затем разделся и закутался с головой в одеяло, и сон утащил меня, будто желанную невесту по обы-

чаю горцев.

Проснулся я в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем. Последнее, что врезалось мне в память из увиденного сна, – это та женщина из перехода, лежащая в луже крови и говорящая: «Помоги, сынок, прошу». Но потом ее губы лопнули, словно в них накачали чересчур много воздуха, рот стала заливать кровь, и вместо слов доносилось лишь отвратительное бульканье. Затем я услышал, будто рвется бумага, но оказалось, что это трескается кожа на шее женщины. Внезапно, будто выстрел, мерзкий хруст наподобие ломающейся ветки – нет! Понимаю, что это позвоночник. Голова окончательно отрывается от тела, и из раны начинает хлестать кровь, она течет, течет... Сливается в ливневку, но та, видимо, забивается (ну не от крови же!), и глубина лужи все растет и растет (нет, не может же в человеке быть столько крови. Я не верю, нет, нет и нет!), вот она достигает того пика, что голова отделяется от пола и держится на поверхности, покачиваясь на волнах (волны... ну откуда тут волны?). Я замечаю, что волны идут в моем направлении, и голова, повинуясь их настойчивости, поддвигается ко мне все ближе, ближе и ближе. Она вращается в каком-то хаотичном медленном ритме, послушная все тем же волнам, и, когда поворачивается ко мне лицом, я вижу сначала один глаз, с которого стекают потоки крови, потом рот, пытающийся произнести что-то (я знаю что! «Помоги мне, сынок, прошу»), но опять получают только кровавые пузыри и отвратительное буль-

канье. И я, словно замороженный, смотрю на то, как с каждой секундой сокращается дистанция между нами и как вновь голова отворачивается от меня. И вот, когда она подплывает к самому моему носу (неужели я лежу? Плыву в этой крови?), она снова открывает рот, надувает пузырь (мне в нос ударяет запах вишни), и тот лопается, прорываясь оглушительным воплем... Это кричу я, проснувшись. И, будто пытаясь отбросить этот кошмар, откидываю от себя одеяло.

Мне казалось, что я больше не засну, боясь повторения этого ужаса, но усталость взяла свое, и часа в два ночи я отрубился во время просмотра какого-то нудного фильма. Встал утром по будильнику как огурчик. Кошмаров не было, и жизнь пошла своим чередом.

Так продолжалось три счастливых дня. На третью ночь жуткий сон повторился в тех же подробностях. И я опять проснулся в холодном поту и с сердцем, выпрыгивающим из груди. Благо скоро нужно было и так вставать на работу, так что я пошел завтракать и стал смотреть новости. Одна из них подкосила меня – диктор сказал, что сегодня ночью было вновь совершено жестокое убийство. Уже второе, и полиция считает, что это, возможно, дело рук маньяка. В новостном сюжете показали знакомого мне следователя Матросова, который призвал граждан, имеющих какую-либо информацию о происшедшем, незамедлительно сообщить об этом правоохранительным органам.

Следующие полгода стали настоящим адом для меня: с интервалами от нескольких дней до пары недель ко мне стали приходить эти ужасные кошмары, и в какой-то момент я заметил, что случилось это накануне нового убийства. Я никогда не был мистиком и до последнего отрицал какую-либо связь между моими сновидениями и реальными преступлениями, сообщения о которых периодически выплескивал на несчастных горожан «говорящий ящик». Я уже даже сходил к врачу, и тот выписал мне таблетки, и да, они помогали не видеть сны в обычные дни, но перед убийством... Было ощущение, что этот кошмар ломает любые барьеры, чтобы достать меня (но зачем? зачем?!). Статистика – вещь упрямая, и после сегодняшнего жуткого сна я опять включил телевизор, заранее зная, что услышу в новостях. Диктор с волнением в голосе рассказывала об очередном убийстве и о том, что общество обвиняет полицию в бездействии. После первого преступления прошло полгода, а у следователей результатов никаких. Но правоохранители настаивают, что делают все, что в их силах, и на поимку маньяка брошены все возможные ресурсы. После этого я вырубил телик и пришел к выводу, что если все будет продолжаться в том же духе, то я сойду с ума от этих кошмаров, а провести остаток жизни в психушке мне не улыбалось.

Я сел за стол и стал вырабатывать план действий. После некоторых раздумий он сконденсировался в три пункта:

1. Выяснить логику маньяка.

2. Предугадать следующее место убийства.

3. Передать информацию полиции.

Итог: после поимки преступника наслаждаться спокойной жизнью без выматывающих кошмаров.

Мне очень понравился план: все было просто, логично и красиво, но больше всего мне импонировал ожидаемый итог, подчеркнутый двойной линией. И я стал проводить свободные часы в Сети в поисках информации о маньяке. Оказалось, что я не один такой, кто решил заниматься поимкой преступника параллельно с полицией. Я нашел удобную карту с указанием мест и дат убийств, она предоставляла даже возможность последовательного появления всех точек совершения убийств. Это было очень удобно, и я часами смотрел на появляющиеся метки, закрашиваемые красным цветом, стилизованные так, будто карта начинала кровоточить. Безуспешно... Подчас казалось, что вот оно – я ухватил логику! Но... Следующая точка опровергала мою теорию. Правда, иногда это случалось через несколько подтверждающих-таки мою «теорию» мест преступления, что окрыляло меня, но последующий «промах» низвергал в пучину.

В какой-то момент я осознал, что ничего не получается: все метки появлялись в каком-то хаотичном порядке. Стало ясно, что надо сменить тактику. И я решил съездить посмотреть на эти места вживую. Может, там меня осенит гениальная идея и я пойму логику маньяка?

В свои выходные я стал ездить на места совершения

убийств. Ничего примечательного: то переходы, то какой-то проулок, закоулок или арка. Конечно, маньяк был не дурак и не обезглавливал жертв открыто на главной площади или улице, но выделить среди этих мест что-то особенное или общее мне так и не удавалось. Одни и те же унылые, серые и отпугивающие большинство людей закоулки большого города с паутиной граффити, хоть немного оживляющих стены окоченевших зданий. Я уже объездил все места, кроме одного – того, где произошло первое злодеяние, невольным открывателем которого я и стал по воле какого-то злобного рока или подленького божка. Я долго терзался, стоит ли вообще ехать туда? Мало мне, что ли, кошмаров, которые преследуют меня? Но в итоге одна мысль укрепилась в моем сознании: а вдруг там, где было совершено первое убийство, есть какой-то ключик, подсказка, которая станет путеводной нитью ко всем последующим целям маньяка? Это стоило проверить, и я, пересилив себя, собрался поехать туда в свой очередной выходной.

Было по-осеннему мерзко, шел дождь, и ветер, словно упорный задира, старался вырвать зонт из моих рук и унести прочь. Я стоял перед входом на лестницу, ведущую в переход. На меня, точно приливные волны, накатывали события той далекой ночи. Я будто перенесся туда и снова беззаботно спускался вниз... Но нет, не беззаботно: теперь во мне все сжалось, и уже два моих «я», тогдашнее и теперешнее, сливаясь в одно и растворяясь друг в друге, шли к чему-то

неизвестному и в то же время болезненно неотвратимому.

Да, переход был тот же. Те же лампы, бросающие тусклый свет на плитку серого оттенка на стенах и коричневую – на полу. Те же граффити кругом, тянущиеся вместе с переходом туда – по ту сторону... дороги. Все было, как и в прошлый раз. Все, да не все: у того места, где я обнаружил тело, была свалена куча тряпья. Я какое-то время помедлил, обескураженный новизной представшей мне картины, но затем неспешно двинулся вперед. Я старался почувствовать себя им (кем? Черт бы его побрал!). Искал подсказку на стенах, потолке, на полу: к каждой дырочке и трещинке, на которых задерживался мой взгляд, я обращался чуть ли не с мольбой: «Помоги мне, твою мать. Ты что, не видишь, как меня все это достало? Помоги же мне, прошу». Но глупо было ожидать ответа от неодушевленных стен, потолка, кучи тряпья. И вдруг эта «куча тряпья» пошевелилась. Признаюсь, в этот момент у меня душа ушла в пятки: по какой-то совершенно нелогичной причине, некому признаку, да бог знает почему, я решил, что это ОН – он, такую-то мать, нашел меня (как?!) и хочет расправиться со мной, как с той несчастной женщиной, облегчить мои страдания (ха-ха).

Из кучи тряпья появились два налитых кровью глаза, потом язык, ужасно красный, как мне показалось. Он скользнул по губам, и те будто ожили от этого, пришли в движение, в волнение:

– Эй, мужик, есть че? – хрипло отозвалось нечто, еще

мгновение назад бывшее скопищем тряпья.

– Да... как-то... собственно, нет. А вы о чем?

– Да выпить! Есть?

– Извини, приятель, нема.

– Ну, может, и правильно, хорошо, что нет, а то моя бы не одобрила, – и он мотнул головой влево, переведя затем туда глаза. Выражение его лица изменилось – с тупого алкашного (возможно, у меня было предвзятое отношение с самого начала) на глубоко скорбное. Он поморщился, словно ему сделали больно, и я увидел, как две большие слезы потекли по щекам мужика и скрылись, растворились в густой небритости, покрывающей его подбородок.

Во мне что-то екнуло, промелькнула идея, и слова сорвались с языка прежде, чем я успел их осмыслить:

– Мне показалось, вы посмотрели куда-то туда?

– Тебе правильно показалось, о да. Это место я запомню надолго: именно здесь я видел последний раз свою жену. После... после того, как этот... эта мразь убила ее, – всхлипнул собеседник.

– Так вы муж покойной?

– Да – был... А тебе какое дело?

– Знаете, у меня есть идея: я сейчас слетаю за бутылочкой чего-нибудь вкусенького, и мы с вами пообщаемся, а?

Мне показалось, что он завис, как тяжелобольной компьютер, но через несколько секунд мое предложение все-таки просочилось сквозь его черепную коробку в мозг, где

было пристально рассмотрено. На лице мужика появилась улыбка, и он произнес:

– А что, давай, коли не шутишь, *приятель*.

«Как он ехидно сказал „приятель“, – пронеслась и исчезла мысль в моей голове. – Ну да ладно, в конце концов у нас есть что-то общее».

И я пошел быстрым шагом в свой магазин, взял бутылку коньяку, потом подумал и прикупил еще одну, не забыв захватить закуски. И через полчаса снова был рядом с беднягой в переходе. Что меня поразило, так это отсутствие дурного запаха, ведь, в принципе, от пьянчуги обычно ожидаешь букета неприятных ароматов, но возле моего нового знакомого можно было находиться вполне комфортно.

– Ну, садись, приятель, – проявил гостеприимство мой визави, слегка подвинувшись и освободив мне местечко рядом с ним на одеяле. Оно, кстати, выглядело довольно прилично. – Ну, давай, не бойся. Я только позавчера его поменял. Блох у меня тоже нет: я моюсь регулярно. Так что садись и расслабься. И давай выпьем, – не то предложил, не то повелел «приятель».

Я, оценив все сказанное, решил, что вроде мужик говорит правду, и, передав ему коньяк, приземлился около него. Какое это? Я никогда еще не сидел в переходе вот так, будто нищий, пьянчуга или бомж. Я какое-то время прислушивался к своим ощущениям внутри, оглядывался по сторонам:

будут же ходить люди, смотреть на нас (на меня!) и думать... думать.

«А не похер, что они будут думать? – взвилась во мне яростная мысль, буйным порывом порвав в клочья все мои сомнения. – Сколько можно тебе мучиться этими кошмарами? Если тебе выдался шанс, который может тебе помочь, – хватайся за него, идиот, и держись, держись, пусть даже тройкой правит сам дьявол».

Я взял из слегка трясущихся рук «товарища» бутылку.

– Позвольте мне, – и я передал ему стаканчики, в которые уверенно налил янтарного зелья.

– А теперь позвольте *мне*, – бескомпромиссно заявил мой новый знакомый. – Не проходит и дня, чтобы я не поднимал этого тоста. За тебя, моя любимая, моя Людочка, пусть земля тебе будет пухом...

Голос его начал дрожать, а последних слов было уже и не разобрать. Он едва пошевелил губами и, посмотрев в стаканчик, как мне показалось, с какой-то надеждой, осушил его до дна. Я последовал его примеру. Люда. Вот, теперь я знаю, как ее звали, и эту мысль смысла внутрь меня огненная вода и протащила сквозь все мое естество.

– Надо же, как бы странно и неуместно это ни прозвучало, но нас свела ваша супруга, – сказал я, выждав некоторое время.

«Приятель» поднял на меня глаза: опять тупой, ничего не понимающий взгляд, неподвижное лицо... Потом медленно

произнес (видно, вязкий ступор не отпускает мгновенно):

– Петр Михайлович... Да зови меня просто – Петя, – он как-то резко перешел на «ты», но это осознание маячило вообще где-то на самой границе моего восприятия данного момента: меня гораздо больше поразило этот его неожиданный переход – мгновение назад еще ступор, затем, нет, не агрессия, что было бы ожидаемо в такой ситуации, нет, он спокойно называет мне свое имя.

И я последовал примеру:

– Максим, можно просто Макс, – и я улыбнулся, глядя в эти грустные, налитые кровью глаза.

– Так что, Макс, ты, наверное, работал с ней в одной фирме? – прервал гулкое продолжительное безмолвие перехода Петя.

Я задумался: а стоит ли открывать ему, откуда я знаю эту несчастную Люду? Неизвестно, какая будет у бедняги реакция. Устремив взор на капли, разбросанные по черной поверхности моих ботинок, я некоторое время молчал. Петя тоже молчал, покручивая стаканчик в руках.

– Давай еще выпьем, – предложил я.

– Давай, коль не врешь, – и он протянул стаканчик, в который я сосредоточенно влил коньяк.

Мы выпили, у меня прибавилось уверенности, и я решил начать:

– Я – тот, кто нашел ее.

– Не понял?! – как-то резко вырвалось у него.

– Я... я хочу сказать... может, вам... – лицо Пети скривилось, и я поправился: – Тебе, скорее всего, неприятно или тяжело это слышать, но это был я – тот, кто обнаружил тело вашей, то есть твоей супруги... Людмилы.

– Черт возьми, Макс, даже не знаю, что сказать. Благодарить тебя или нет... Он говорил как-то медлительно-вязко, растягивая слова, а потом стих на некоторое время. – Да ты, наверное, и сам не рад... – его голос опять задрожал, и он, уткнувшись в локоть, стал всхлипывать.

Я подлил себе коньяка, Петя тоже протянул стаканчик. Как он увидел? Он же сидит, уткнувшись в руку. Может, услышал? Может, какое шестое чувство? Поразительно, какие мысли могут прийти в голову! В самые неподходящие моменты. А коньяк, знай свое дело, тек своим чередом в стаканчик, составляя компанию нам с Петей.

– Ты вот знаешь, Макс, – начал он почти равным голосом, который становился спокойнее с каждым произнесенным словом, – я тут «поселился» спустя день после ее похорон.

Он салютнул в воздух, осушил стаканчик и швырнул его в противоположную стенку перехода. Тот, не долетев до цели, повинуясь своей стаканчиковой прихоти, повращался нелепо в воздухе и улегся на холодный пол: безмолвный слушатель нашего трагичного диалога.

– Ты знаешь, все эти похороны – сплошное лицемерие, – выдал, видимо, давно глодавшую его мысль Петя. – Сиде-

ли вот все эти двадцать или тридцать наших знакомых, друзей и родственников, все лили сладкие речи про то, какая Люда была хорошая, как ее всем не хватает. Я все понимаю – традиция такая, но ты знаешь, Макс, в какой-то момент мне показалось, что я вот-вот сейчас потону в этой липкости, слащавости, да просто, на хрен, болоте, слитом из всех этих речей. Я не мог. НЕ мог. Я встал, ушел, убежал отсюда. Знаю, что ты меня осудишь сейчас, но пойми: не мог я смотреть на эти жрущие хари, источающие елей и не понимающие глубины горя, моего горя. Наша дочь, убитая горем, была там... Как только она смогла?.. Все это... – Петя опять помолчал несколько минут, прежде чем продолжить. – Я знаю, она очень любила мать, тяжело ей было все те дни... Но она – молодец, справилась. Да и сейчас справляется, умничка моя, Настюша... Она не побежала возвращать меня, солнышко мое, любименькая моя: может, поняла, что я... – Петя запнулся, наверно, подыскивая слово, а возможно, тут было что-то другое. – Как я чувствовал, что ли? Не знаю, как передать... Будто объелся дерьма, а проглотить не можешь и выплюнуть тоже... ну никак... и надо бежать... бежать... бежать. Вот я и побежал домой. Думал, там спасение, – неожиданно Петя повернулся ко мне и прошипел с ядовитым вызовом: – Ну, как ты считаешь? Я слабак? Да, Макс? – так же внезапно его пыл угас, и, отвернувшись, он продолжил своим печально-обреченным голосом: – Может быть, и так, но, ты знаешь, мне пооб..ть! Такое у меня чув-

ство, что хочется и умереть, соединиться с ней, и в то же время, по какой-то абсурдной причине, все-таки – жить! – последнее слово он произнес яростно, и я заметил, как сжались его кулаки, но тут же страдалец совсем обреченно тихо повторил: – Жить... А вдруг там, – Петя вытянул указательный палец куда-то вверх, в направлении дороги над нами, где сновали бездушные машины, которым не было дела до двух совершенно чужих людей, которых крепкой тесьмой связала в данный момент трагедия одного из них, – там ничего и нет? Может, нет этого рая? – и опять «приятель» ненадолго замолк, вероятно, в очередной раз задумавшись над этим неразрешимым вопросом, и, не найдя ответа, продолжил: – А знаешь, может, именно это удерживает меня здесь и не даст уйти вслед за ней? Может, я не соединюсь с Людой там, в этих пресловутых райских куцах? А, Макс?

Я только пожимал плечами, не зная ответов на терзавшие его вопросы. Да и можно ли было сказать что-то в такой ситуации?.. Спросите меня что полегче!

– Да, Макс, я слабак, наверное, – так и не дождавшись от меня ответов, Петя подавленно продолжил: – Пришел домой и рыдал о ней, о том, что ее не вернуть, о себе – несчастном, оставленном в этом жестоком и холодном мире, о нас, о тех моментах, которые мы не пережили, а могли бы пережить. А знаешь, что самое мерзкое? – он ударил кулаком в ладонь и расплющил ничего не подозревающий пластиковый стаканчик. – И за *что* я себя ненавижу? Даже вот прямо сейчас –

сизу тут с тобой и ненавижу... Хочу взять вот эту харю, – Петя обхватил обеими руками лицо, – и бить, бить по этому холодному, чуждому и безразличному полу... И не могу... – его руки бессильно опустились на колени. – Я же собирался уйти от нее. Представь себе, Макс, нашел подругу себе. Ха-ха. На корпоративе позапрошлой зимой, сошлись как-то. Ты, Макс, наверное, думаешь: «Да какой из тебя, на хрен, ловелас?» Ты знаешь, сказать тебе честно, если бы ты меня спросил два года назад, могу ли я пойти налево, я бы на тебя в святую инквизицию пожаловался за ересь. Вот так вот, Макс. Как многого о себе мы не знаем...

Мимо продефилировала симпатичная брюнетка, которая, видимо, приняв нас за опустившихся отбросов общества, состроила такое лицо, что мне захотелось догнать эту дрянь, схватить ее за скривившуюся харю и бить, бить по этому холодному, чуждому и безразличному полу... Но я не мог оторваться... Не мог распыляться на мелочи... Петя вдруг стал для меня чем-то значительным, важным, будто весь мир, все живое зависело от него. Как-то так, что ли... А он тем временем продолжал свой рассказ:

– Не знаю, она ли меня окрутила, или я сам поддался... Слу-у-ушай, а может, это я, я сам все это и начал? – словно случайная искра-догадка послужила началом очередной вспышки самобичевания у Пети. – Как ты думаешь, Макс? Может, мне ХОТЕЛОСЬ замутить с ней? Представляешь, какая я сволочь, Макс? Но, наверное, все-таки это она, она

меня подвела под монастырь, так ведь? Ты как думаешь?

Я не думаю, я просто киваю. Ничего не значащими движениями головы – как болванчик: вверх – вниз, пол – потолок... Надеюсь, он это понимает, а даже если и не понимает, может, ему того и надо, чтобы рядом был человек – просто был рядом.

– Так вот, все эти полтора года пролетели как в сказке с ней, с «этой». А знаешь что, Макс? Вот интересно, что ты скажешь: представляешь, ведь я даже не спал с ней, с любовницей-то моей, Макс, слышишь, не спал, еб-то. Как думаешь, может, я не такая еще сволочь и мразь, а, Макс? – страдалец словно искал в своем прошлом indulgence от душевных терзаний, мучавших его сейчас. – Я же не спал... Вот если бы спал, наверное, был бы вообще гадом последним. А так, Макс, нам просто было хорошо вдвоем. И ты знаешь, у меня работа такая... Работал я в НИИ – там, на Ставроерской. Ну, в общем, переработки у нас случались регулярно, и, знаешь, Макс, я стал этим пользоваться: говорил Люде, что сегодня задерживаюсь, а сам... Сам, как последний похотливый старый козлик, скакал вокруг Светки – да, вот не скотина ли я? А, Макс? О, что это были за вечера! Мне кажется, меня бухло сейчас не так торкает, как она в те дни. И представляешь, за несколько недель до смерти Людочки, моей красавицы, света моего, у меня стали зарождаться идеи расстаться: я занимался обычными делами, а меж тем... – он многозначительно поднял палец и поводит им в воздухе. –

Меж тем готовил себя к этому важному разговору, продумывал, как все скажу. Ну не сволочь ли я, Макс, а? Ходить так вокруг звездочки моей, смотреть на нее, улыбаться, а самому между тем думать: «Так, дорогая, нам нужно серьезно поговорить... Или нет: дорогая, у меня для тебя две новости, плохая и хорошая, с какой начать?» Да вот не привелось. А кто бы знал, Макс, кто бы знал?..

Я налил ему новый стаканчик, и мы, не сговариваясь, вместе салютнули дороге с бездушными машинами наверху. Может, для нас они были олицетворением неких всевышних существ, беспристрастно взирающих на нас с недостижимых высот? Тех, которым можно вот так запросто задать вопрос и... не получить никакого ответа.

– Мне кажется, Макс, я теперь никогда не забуду этого момента, когда посреди ночи меня разбудил звонок... – Пете приходилось чаще сглатывать подступавший ком к горлу, и я видел, как он постоянно жмурился в тщетных усилиях сдерживать слезы. – Помню, я жутко рассердился на звонящего за то, что он прервал мой сон, и хотел было вообще не брать, но звонили настойчиво. И я ответил, резко так, одно лишь слово: «Да!» Помню секундное молчание на том конце, потом серьезный голос представился сотрудником полиции и сказал, что мне нужно срочно явиться в отделение для опознания. Я ничего не понял сначала, попытался выяснить у него, о чем речь, а внутри меня копошились уже червячки-то, Макс: думаю, я в тот момент уже знал, к чему приве-

дет это... И веяло оттуда смертельным холодом и пустотой, но, может, это был просто открытый балкон, а, Макс? Или я знал уже, чувствовал внутри себя, к чему это все ведет? А представь, Макс, что, может быть, часть меня ликовала в тот момент, танцуя на косточках и радуясь такому исходу, устлала уже лепестками роз дорожку к Светке – ну, скажи, не мерзко ли это? Не это ли те черви, что копошились во мне? И самое страшное – я знал, что это за черви, и чувствовал их земляной привкус, но не только на языке, нет, всем, всем своим существом.

Петя зачем-то поднес ко рту стаканчик, дыхнул в него и посмотрел, как в калейдоскоп. Интересно, что он там увидел? Другой, более счастливый вариант своей жизни? Мой «приятель» как-то горько ухмыльнулся, опустил руку и продолжил:

– А самое страшное, знаешь что, Макс? – он снова поднял палец и потряс им в воздухе. – Вот что! Спустились мы в подвал морга для опознания, этот врач в дурацких очечках приподнял простынь и обнажил ЭТО. Ты не поверишь, Макс, я тупо стоял и не вдуплял, что за хрень, на хер они мне показывают это?! Это мерзко, зачем вообще я здесь?.. И тут я увидел кольцо и родинку на костяшке большого пальца. И ты знаешь, Макс, на меня снизошло осознание случившегося: она, моя Людочка, вот, лежит тут, уже хладная, как тот кафельный пол, который мы попирали своими ногами, – как такое вообще возможно, где ее голова?! – Петя поднял ста-

канчик на уровень глаз. Его рука тряслась, ладонью другой руки он продемонстрировал рубящее движение поверх стаканчика. Но коньяк сделал свое дело – рука задела краешек стаканчика, и он, отскочив в сторону, кувыркаясь, полетел по полу. Петя, смотря на него, продолжал: – Там, где была голова, лицо, на котором, Макс, были те самые губы, что я целовал на протяжении двадцати лет... Их словно стерли ластиком, как будто какой-то хренов художник решил, что не-е, на фиг не нужна тут голова, и хрясь... Она лежит там вся холодная, неподвижная, и нет больше того вздернутого носа и хитрых глаз, ничего, ничего, Макс, нету. Ты знаешь, будто провели невидимой бритвой по мне от головы до самых вот этих пяток и... и... и я... раскрылся, что ли... Будто из меня стала вываливаться вся та мерзость, что копилась во мне годами и отравляла нам жизнь, и, излившись, она очистила меня, и я... я... я наконец смог заплакать, Макс, представляешь? Уже не было тех червей, копошащихся во мне, и клоунов, танцующих на костях и радующихся непонятно чему... Знаешь что? Меня... меня наполнила, Макс, ты не поверишь, любовь. Любовь к ней – такая безграничная, чистая, я такой любви не испытывал к Люде никогда, – несчастный уронил голову и не то горько вздохнул, не то сдержал вырывающийся из него вопль. – Да, я мерзавец, Макс! Но я же не знал, что есть такая... такая светлая, священная любовь, очистившая меня. Я готов все отдать, чтобы я смог донести до Людочки, как я любил ее, но я понимаю, увы, что

это невозможно. И я стоял и рыдал, обняв ее ноги, прижавшись щекой к ее телу. Ты знаешь, Макс, у меня до сих пор это место, которым я прижимался к ней, как огнем горит, – Петя прижал пальцы к щеке, закрыл глаза и ушел в свои воспоминания. Спустя некоторое время он шевельнулся, потер щеку и шепотом повторил: – Огнем... горит... И тогда, лежа в постели, ну, после того, как я сбежал с похорон, я чувствовал этот огонь у себя на щеке. Ты знаешь, Макс, мне хотелось, чтобы это был настоящий огонь, чтобы он выжег у меня на щеке знак, напоминание, что ли, чтобы я каждый день вставал, смотрелся на себя в зеркало и *видел, видел*, – несчастный яростно застучал руками по одеялу, – это страшное напоминание о том, чего уже нельзя вернуть, – Петя закусил костяшку указательного пальца так, что остались следы зубов, затем продолжил дрожащим голосом, – о том, какой я был сволочью и как меня очистила эта... пришедшая, увы, так поздно любовь.

Одной бутылкой у нас стало меньше, и язык Пети уже заплетался. Но я почему-то чувствовал, что ему это нужно: он хочет напиться, напиться до беспамятства, а там, как он сказал, придет очищающая любовь, и тогда Петя сможет прожить еще один день, и этого ему достаточно... Всего один день за раз, а дальше... Ну зачем загадывать? Ему, как никому другому, об этом известно.

– Всю ночь я то метался по кровати, то носился по квартире, не зная, что мне теперь делать, – Петя поднял стаканчик

и стал крутить им в воздухе, раскручивая оставшиеся на дне остатки коньячка, жидкость выплескивалась, капли стекали по стаканчику, по руке янтарными слезами, но несчастный, не обращая на них внимания, продолжал: – А наутро что-то потащило меня сюда, Макс. Когда я пришел, ничто тут не напоминало о страшной трагедии, произошедшей здесь. Я ходил по переходу, думая, где же конкретно она была убита. И вдруг я остановился, и знаешь, что я увидел? Это случилось на этом самом месте... Я увидел ее глаза, Макс. Они смотрели на меня, как в тот раз, эти серые глаза... Я тогда, помнится, пришел немного навеселе, да еще замечательно проведя вечер с любовницей – как мерзко сейчас все это вспоминать! Но, Макс, я же чист сейчас, веришь ты мне? Я же чист – всепрощающая очистительная любовь, Макс... Не дай бог тебе такое испытать, не дай бог, – он поднял мутные глаза на меня, но было неясно: он смотрит на меня или сквозь меня, туда, дальше, в пустоту перехода. Это длилось не больше минуты, потом он опомнился и продолжил: – Я зашел домой, уже ночь была. Я, наверное, забыл ей сказать, что задерживаюсь, и Людочка... Знаешь, она подобралась сзади, как кошка. Ты знаешь, Макс, она умела так делать – бывает, подойдет сзади да... Ну да не об этом речь. А тогда, вот она так же подошла, и как спросит: «Ну и где ты был?» Я... Я не знаю, что на меня нашло: может быть, от неожиданности, может, от резкости, а вообще, – бедняга запнулся на слове, – может, и от осознания собственной вины перед ней, ка-а-ак

я развернулся! И ударил ее наотмашь, – не знаю, прошептал ли он последние слова или я скорее догадался о том, что он произносит. – «Да как ты смеешь спрашивать меня?! Я тебе что – отчитываться должен?» – закричал я тогда и попер на нее. Замахиваясь, чтобы ударить еще раз. И вдруг мои глаза натолкнулись на ее. Эти два серых зрачка трепетали словно голубки в клетке, не понимая, что произошло, боялись и бились в клетках ее глаз, и тут же глаза ее наполнились слезами: такими искренними, детскими и наивными они мне показались в тот момент, что весь мой гнев унесло. Я раскаялся в содеянном и прижал Людочку к себе, слушая, как она всхлипывает от боли и обиды. Так вот, те самые серые голубки в наполненных слезами глазах я и увидел тут, вот прямо тут, где мы с тобой сидим. Скажи мне, Макс, верно я угадал место, а? Или мне это просто померещилось?

– Да, Петь, тут я ее и нашел, – грустно произнес я, одновременно глубоко потрясенный тем, как верно назвал он место.

– Так вот, Макс, увидев эти глаза, я понял, что мое место рядом с ними, подле них, вот прямо тут. Мне показалось, я должен отслужить эту вахту. Ты меня спросишь, может быть: «И долго ты собрался тут сидеть?» И знаешь что, Макс, у меня нет ответа. Вот так вот, нету, тю... – Петя развел руками. – Я сначала просто сидел тут и горевал, и засыпал, но меня преследовали эти глаза. И вот в какой-то момент я решил напиться, пошел в ближайший магазин, купил бутылку,

выпил ее прям тут, да и заснул. Проснулся, смотрю – никаких глаз! И я, Макс, понял, что вот оно, мое спасение, – истина в вине, Макс. И стал пить – стало так легко, Макс! Никаких тебе забот: сижу тут и бдую свою вахту, и очищаюсь, очищаюсь... Макс, у меня такое чувство, что с каждой выпитой бутылкой я становлюсь чище и приближаюсь к ней. О да, Макс, я думаю, она была чиста, как никто другой. Ты бы видел эти ее глаза – бездонные колодцы, полные самого-самого чистого, что только есть в этом мире... И где она, и где я... Ты знаешь, Макс, вот все ругают алкоголь, говорят – это зло, а мне вот думается, что это благо, это, Макс, очищение, понимаешь? Ты... Ты его выпиваешь, и тебя уже нет – тебя того, грязного, мерзкого и отвратительного, что был до этого, всего этого нет, есть ты новый, очищенный. Смотри, Макс, – Петя почти ткнул пальцем в мой глаз, и я невольно прищурился, а он прочертил дугу трясущейся рукой, указав на стену напротив нас, – я смотрю на эту стену напротив и вижу эту надпись «Будь собой!». И я говорю себе: «Да, я буду собой!» Нет, не тем мерзким, отвратительным, гадким человечешкой, каким я был всего какое-то время назад, но новым, очищенным и обновленным человеком – настоящим собой, который все это время жил где-то глубоко во мне и о существовании которого я и не подозревал.

Я взглянул на стену, и точно – там, в хитросплетении граффити, выделялась едко-зеленым контуром надпись: «Будь собой!» Вдруг на меня напало смутное чувство, будто

я вот-вот поймаю какую-то мысль, идею или, на худой конец, нить, отголосок чего-то, но все потонуло во мраке. Я списал это на возбуждение, вызванное коньячком и рассказом Пети, но все равно осадочек какой-то осел во мне.

Мы уже прикончили вторую бутылку, и я слышал, что речь Пети потеряла всякий смысл и стала напоминать бормотание. В какой-то момент я понял, что он уже не говорит, а мерно похрапывает у меня на плече. Я мысленно порадовался, что мой «приятель» наконец обрел хоть и временный, но покой. В голове у меня штормило, и я не очень горел желанием проспать прямо тут, в переходе, в таком неприглядном виде. Я стал пытаться высвободиться от Пети, как вдруг мой взгляд упал на что-то, зажатое в его руке, – это была фотография. Повинуясь какому-то порыву, я бережно вынул ее из Петиних пальцев и уставился на снимок – меня словно поразило громом: я смотрел на портрет женщины из моих кошмаров, только здесь она была молодая, лукаво подмигивала и игриво загибала ножку. Я в ужасе впихнул фотографию обратно Пете в ладонь и вскочил, вызвав тем самым грозное, недовольное ворчание со стороны своего «приятеля». Впрочем, он мгновенно вновь уснул, а я, не раскрывая зонтика, выбежал из перехода и двинулся домой. Я думал про себя, уговаривал, что, наверное, я встречал эту женщину по дороге когда-то, вот ее лицо и запечатлелось где-то в подсознании... И теперь как-то так совпало, а может, это самое подсознание и подобрало нужный образ, и в мои кошма-

ры явилась именно она, ИМЕННО она, из всех возможных людей, которых я когда-либо видел... Как такое возможно?.. Наверное, подсознание, наверное, как-то так... Не может же быть по-другому... Как еще? С такими мыслями я, вымокший, пришел домой и залез под горячий душ. Какая-то внутренняя дрожь била меня: был ли это холод или что другое – трудно сказать, но горячая, почти обжигающая вода долго не могла согреть мое тело, а может, растревоженную душу или и то и другое.

Капли стекали по стене, рукам, телу, вычерчивая причудливые борозды. Я глядел на них и в каждой видел то себя, лежащего без сознания в переходе, то Петю и зажатую в его руке фотографию, то глаза той самой женщины – серые, привыкшие смеяться глаза, но полные боли, обиды и страха. Они смотрели на меня и прожигали, нет, оставляли огненную печать где-то в моей душе, а может, и на щеке, вот здесь, куда тянется рука, чтобы... запомнить... запомнить.

Несколько отрадных дней прошло в относительном спокойствии, потом снова пришли кошмары, и за ними новое убийство, о котором тревожно рассказывали ведущие всех новостных каналов. И опять я решил поехать туда, где было совершено убийство: во мне еще теплилась надежда, вроде той, что не покидает азартного игрока у стола с рулеткой, пока наконец его, разбитого в пух и прах, не выставят на улицу, и – о чудо – он находит затерявшийся в подклад-

ке смятый комок – бесценное сокровище, купюру, дающую еще шанс, еще только один шанс, но несчастный верит, что именно его ему и не хватило в прошлый раз, и вот он вновь владеет этим шансом и, опьяненный чувством близкой победы, снова ввергает себя во власть рулетки. И вот я с тревогой иду по проулку, где день назад было совершено злодеяние. Оцепление уже сняли, и о преступлении напоминает только бурое пятно на тротуаре, изрядно потоптанное пешеходами. На меня сердито взирают серые, унылые стены домов, на которых в безумной пляске кружатся граффити... И тут вдруг мое сердце леденеет и кровь стынет в венах: сначала я не понимаю, что со мной, но это – беспощадная волна доходит до сознания, бьется, бьется тараном в мою ничего не смыслящую голову и вносит туда постижение, озарение, узнавание... «БУДЬ СОБОЙ!» И стилизованный инопланетянин рядом.

Черт возьми, эта самая фраза была в переходе, когда Петя мне тыкал в нее пальцем, почему-то я четко помню это. И что-то заставляет меня бежать туда, на еще одно место преступления...

И вот я уже там, где обнаружили другое тело, и чуть не падаю в обморок, мне не хватает воздуха, хотя дышится часто. На меня снова смотрит «Будь собой!».

Я несусь на третье место преступления, уже догадываясь, что увижу, и понимая, что за чувство подначивало меня там, в переходе: видимо, где-то на подсознательном уровне я еще

тогда обнаружил эту связь. Они мне нужны... Нужны подтверждения... еще... еще.

Ну вот и позади все места, где были совершены убийства, и везде, черт возьми, везде есть граффити с надписью «Будь собой!».

Я даже не выдержал и поискал эту фразу в интернете. Какое же было мое удивление, когда я увидел, что так называется популярная молодежная группа. Да... Как я отстал от жизни... Мне следовало раньше обо всем догадаться. Но, с другой стороны, даже полиция еще не смогла найти убийцу, а они профессионалы в сыском деле, значит, тут все не так уж и очевидно.

Да, у этой музыкальной группы миллионы подписчиков в соцсетях, и неудивительно, что граффити с ее названием мелькает повсюду, но как это связано с убийствами? С этой мыслью в голове я заснул перед компьютером. А утром начнется очередной трудовой день, и на время работы мой мозг наконец отключится от занимающей меня проблемы с убийствами.

В обеденный перерыв меня дернули для того, чтобы принять курьера, который привез документы от контрагента. Я был зол, что не окончил обед, и пошел к нему в самом ужасном расположении духа.

– Ну что там? – резко бросил я, подходя к курьеру, как бы намекая: «Давай покончим со всеми делами как можно скорее».

– Вам доставочка, вот, примите, распишитесь, – не заметив моей грубости и спешки, оживленно произнес курьер. – Все правильно? Проверьте, пожалуйста.

Я отметил, что молодой человек неплохо справлялся со своей работой, мне это понравилось, ибо я всегда любил людей, профессионально подходивших к своим обязанностям, какими бы незначительными с виду они ни казались.

– Ну, парень, приехал бы попозже, а то прям с обеда сорвал, – я попытался сделаться суровым и рассерженным. Но добродушная улыбка парня, как мне показалось, сделала мои чувства наигранными, и он это понял и не стал воспринимать их всерьез.

– Да, знаете, я бы рад был попозже заглянуть к вам, но, понимаете, логистика... – он многозначительно пожал плечами и закатил глаза. – Бывает, за день все районы города объездишь. На всех клиентов и не угодишь, как говорится...

– Ну ничего, брат, работа у тебя такая, ладно – бывай! Удачи!

– Спасибо, и вам хорошего дня!

На том мы и расстались. И остаток дня прошел как обычно: в цейтноте и вечных разговорах о том о сем с коллегами в случавшихся перерывах. Дома, наматывая на вилку спагетти, я пытался распутать клубок, в который превратилась эта череда страшных убийств. Но голова была пуста, никаких дельных мыслей в ней не появлялось, и только почему-то стояла перед глазами обаятельная улыбка пар-

ня-курьера (вот все бы всегда выполняли работу с такой же нескрываемой радостью и удовольствием, а то надоели эти кислые рожи). На ночь я даже послушал песни группы «Будь собой», ничего особенного для себя я в них не нашел, но раз молодежи нравится, значит, в них что-то есть. С этой мыслью я и отдался в объятия Морфея.

Мое следующее воспоминание: я резко открываю глаза, а в голове фраза парня-посыльного: «Бывает, за день все районы города объездишь». Как я раньше-то не догадался? Может, убийца работает курьером? А что? Ездишь по городу, вздумалось тебе: «Дай-ка кого-нибудь шмякну». Только и делов: сныкался где-нибудь в подворотне или переходе, дождался какого-нибудь одинокого прохожего, ну а дальше – дело техники.

Я лежал и думал, как он (почему-то мне казалось, что это все-таки мужчина) осуществлял все эти убийства. Видимо, периодически я засыпал, потому что подчас мне виделось, что я то стою рядом с маньяком, то сам совершаю эти зверства, то меня увлекало в неведомые дали, и я, застыв на краю пропасти, вглядывался в ее пустоту, пытаюсь хоть что-то разглядеть там, внизу.

На следующее утро, несмотря на мои сумбурные сновидения, в голове немного прояснилось: я решил, что надо копать в направлении курьера. Но как его найти? Это была основная задача на данном этапе. Все эти новые обстоятельства, знакомства и открытия последних дней так будоражили ме-

ня, что мне казалось: мой мозг работает с удвоенной энергией... И я верил, что он должен выдать на-гора мне план, идею или, может, какую очередную подсказку.

Моим первым побуждением было прозвонить все крупные службы доставки и выведать у них сведения о местах, куда в такой-то день направлялись их курьеры. Я выудил из интернета контактную информацию этих фирм и набрал первый номер телефона. Милая девушка ласковым голосом произнесла свое имя и название компании, которую она представляет, и дальше последовало традиционное:

– Чем я могу вам помочь?

– Знаете, мне бы узнать, куда выезжали ваши курьеры в определенную дату, – с ходу признался я, надеясь подкупить собеседницу откровенностью.

На том конце затихли, потом девушка спросила уже изменившимся, настороженным голосом:

– Простите, а вам зачем, и вообще – кто вы?

Тут я понял, что дальше моя прямота не прокатит, нужна была правдоподобная легенда.

– Ну... Мне очень нужно, понимаете... – растягивая слова и пытаясь выиграть время, стал объяснять я.

– Вообще-то не очень, – ответила девушка, но в ее голосе теперь скользило любопытство. Это уже было что-то.

– Я, понимаете ли, пишу кандидатскую и собираю информацию о потоках курьеров в нашем городе, чтобы потом провести статистическую обработку и создать программу опти-

мизации маршрутов, – постаравшись придать своему голосу значимости, сообщил я в трубку. Это было единственное, что мне удалось придумать в тот момент.

– М-да, ну я желаю вам удачи с вашей претендентской.

– Кандидатской, – поправил я.

– Ну да, неважно, но мы не сможем предоставить вам данную информацию. Она строго для внутреннего пользования. Прощайте, – отрезала девушка ледяным голосом.

По печальным результатам неудавшегося разговора я понял, что перед следующим звонком надо придумать какую-то внятную причину. Я решил сыграть ва-банк.

Снова нарвался на девушку, правда, с менее приветливым тоном.

– Чем могу помочь? – спросили меня с того конца трубки, подразумевая «отвали» или «что бы тебе ни было нужно – сделай это быстро... И сам».

– Здравствуйте, я следователь Петров, мне нужны данные по выездам ваших курьеров за двадцатое мая.

– А в связи с чем такой запрос?

– Я расследую дело... Ну а это – тайна следствия. И мне нужны данные, причем срочно. Будьте добры, направьте.

– Подождите, господин Петров. Приезжайте к нам в офис, начальство будет после трех, тут все и обсудите с ними. А я не вправе давать такие сведения. Я могу еще чем-то помочь?

– Предоставьте мне информацию! – я попробовал проявить настойчивость. – Вы препятствуете следствию, а это

наказуемо.

– Я помогу вам, чем смогу, когда вы приедете лично и договоритесь с начальством обо всем. До свидания.

– Я... – мне удался решительный натиск, но моя атака красноречия рассыпалась в отсутствие собеседника: в трубке звучали лишь телефонные гудки.

Перед звонком в третью компанию меня осенило, что надо попробовать взять необычностью. И началось.

– Чем могу помочь? – мило поприветствовала меня девушка-оператор.

– Здравствуйте, я известный писатель, и сейчас пишу удивительный роман, в котором главная героиня занимается составлением графиков и разработкой логистики маршрутов курьеров, – неспешно и буднично, словно очищая сочный мандарин, бросал я фразы-шкурки своей визави. – Я был бы вам крайне признателен, если бы вы мне послали как пример отчет о том, куда ездили ваши курьеры, скажем, двадцатого мая.

– О, вы – писатель! Я давно мечтала познакомиться с писателем, – проглотила наживку девушка: мне показалось, ее голос дрожал от удовольствия, отчего по моему лицу расплылась довольная ухмылка.

– Ну, у вас есть шанс помочь ему, и кто знает, что из этого выйдет, – добавил я к своей наживке приторный нектар намеков.

– Давайте я пришлю вам файл на почту, – предложила

собеседница. Мне все больше и больше нравилась эта затея, и я чувствовал себя на вершине Олимпа.

– Конечно, вот, запишите, – и я продиктовал ей свой адрес. – Очень жду.

– О, будьте уверены, все будет в самом лучшем виде. До скорого.

– Да, спасибо вам!

Я сидел перед компьютером и сиял: мне так льстило, что девушка проявила такую заинтересованность и, что скрывать, милую деревенскую наивность, поверив в мою блестящую выдумку. Минут через двадцать мой почтовый ящик радостно сообщил о новом входящем письме. С не меньшим трепетом, чем писатель, ждущий ответ издателя, я кликал на входящее письмо. И вот оно... Крупным жирным курсивом красным шрифтом было выведено, я бы даже сказал, что вырезано, у меня в сердце: «Накося выкуси, писатель». И чуть ниже – недвусмысленная такая картинка, выражающая всю безграничную симпатию этой «весталки» к моему творческому поиску и говорящая красноречивее множества сказанных или написанных слов: скан упитанно-спелой розовой жопы, я подозреваю, все-таки ее – девушки, ответившей мне по телефону. Мне казалось, что она, жопа, тоже злобно ржет надо мной, поэтому я пресек это издевательство, удалив письмо. Но осадочек плавал нерастворимой дрянью на дне моей души-сосуда.

Прозвонив еще несколько курьерских фирм в надежде по-

лучить-таки нужную мне информацию, представляясь то послом, потерявшим важную депешу, то убитым тоской отцом, разыскивающим сына, я в отчаянии открыл холодильник и в пространии пялился на полупустые полки, несколько минут слушая истошно орущий сигнал открытой дверцы: все мои потуги кончились ничем. Так ничего и не взяв из холодильника, я злобно хлопнул дверцей и некоторое время сидел за кухонным столом, вертел в руках трубку и лихорадочно думал: «Ну как же, как мне заполучить эти чертовы маршруты? – как метрономом отбивал я каждое слово чересчур сильными ударами трубки по столу. – Вот бы быть мне сотрудником органов, тогда все было бы проще. Слушай, а может, подкинуть идею о курьерах этому... следователю, который опрашивал меня?..»

Я пошел в коридор, к зеркалу, поискать визитку того сыщика. На карточке было написано «Матросов», и та же самая фамилия воскресла в моей памяти, подтянув за собой оживших мертвецов-воспоминания, о которых я предпочел бы забыть. Выпив воды и немного отойдя от нахлынувшего прошлого, я стал набирать номер.

– Да, Матросов слушает, – рявкнул своим динамиком на меня телефон. Волна моей эйфории слегка откатила, но я решил пройти путь до конца.

– Здравствуйте, это Максим Гусев. Свидетель первого убийства, ну которое совершил этот «бешеный маньяк».

– Да, что у вас?

– Я хотел высказать вам идею по...

– Да знаешь ли ты, ушлепок, сколько мне вас названивает в день со своими идеями?! У меня дел по горло, а тут вы со своими гребаными идеями лезете. Ну реально – уже достали. Если много идей – идите на хер, книги пишите, нечего отрывать людей от работы!

– Но я...

– Я все сказал – пошли НА ХЕР со своими идеями!!!

И опять в трубке раздались короткие гудки, которых я, наверное, уже стал считать своими знакомыми (добрыми ли – не знаю): так много за последнее время я их слышал. Но все равно каждый раз эти звуки вызывали тошнотворное ощущение, будто меня с головой окунали в унитаз, наполненный холодной вонючей водой.

– Ну и на хер тебя самого, придурок! – высказал я безответному телефону.

На следующий день по дороге из магазина домой я шел и рассуждал: «Вот бы мне добыть как-нибудь базу данных этих курьерских служб. Может, устроиться туда на работу? Слушай, отличная идея, тогда у меня наверняка будет доступ к базе, особенно если у меня будет подходящая должность. Но – стоп, а если в той фирме, куда я устроюсь, не окажется заказов в тех местах, где были совершены преступления?.. Значит, или я попал не в ту компанию, ну или вообще моя идея с курьерами в корне неверна. Так, мне нужен способ как-то быстро получить данные, ну вот как если бы я был

полицейским и сделал бы запрос в эти фирмы, и они бы мне все прислали информацию. НО. Устраиваться в полицию – по-моему, не вариант: пока дослужусь до должности, когда буду иметь такие полномочия, я уже, наверное, сойду с ума. Черт, нужен другой способ. А как насчет слегка незаконного подхода? Как бы заполучить эти данные из фирм? Нужно как-то взломать, хакнуть их. Точно, мне нужен хакер. Маленький такой, очкастенький, немного сумасшедший, но в целом милый и забавный хакер, и как раз такой знакомый у меня есть. Ведь у каждого человека напрямую или через кого-нибудь должен быть знакомый хакер, разве нет?»

После ужина я уже листал свои контакты в телефоне в поисках номера Федьки.

– Алло, Федька, привет!

– А, привет, Макс! – радостно, но немного озадаченно отозвался давний друг. – Какими судьбами? Давно тебя не было слышно.

– Да, сам знаешь, как бывает. Засосет рутина и... Ну да не об этом. Есть дело.

– О, дело – это хорошо.

– Обсудить надо, но, думаю, лучше встретиться у тебя и поговорить тет-а-тет.

– Не вопрос, сам понимаешь, у меня двери всегда открыты для старых друзей. А сплю я сейчас по три часа в день. Так что можешь заходить в любое время. Все обсудим!

– Спасибо, Федька, ты лучший!

– Я знаю, покуда, Макс!

– Да, пока!

Дверь в квартиру открыла мама Феди.

– Тетя Света, здрасьте, рад видеть!

– Здравствуй, Максик! Хотя что это я? Наверное, уже неприлично так тебя звать, Максим?

– Да ничего, тетя Свет, мне привычнее по-старому, знаете ли.

– Ну и хорошо, Федька тебя ждет. У себя в конуре. Чайку сделать вам?

– Ну... можно, а печеньки ваши будут?

– А то – у меня Федька до сих пор на них сидит.

– Супер! – и я проследовал в комнату Федьки.

Как я и ожидал, его конуру, как, впрочем, и раньше, опутывали провода. Но что меня поразило – по стенам были развешаны устройства, стилизованные под коров, от которых тянулись кабели к какому-то гаджету в центре комнаты, перед которым как король (или фермер, уж не знаю) восседал Федька на своем суперкресле. Да, у него с детства была тяга ко всяким навороченным креслам, видимо, с тех пор она не прошла.

– Привет! Ну, как тебе моя ферма, Макс? Я смотрю, впечатлился?

– Да уж, что это? Баблосы некуда девать – всякую хрень стал на стены вешать?

– Ну баблосов реально завались, но ты ничего, как все-

гда, не понял. Это квантовалютная ферма, – Федька подбострастно закатил глазки, будто представил грудь любимой женщины.

– А-а-а... – многозначительно протянул я.

– Ну если интересно, как-нить объясню, занятная фишка, тока-тока появилась на свет. Ну и я, как всегда, в авангарде.

– Молодец. Ну как жизнь-то?

– А ты что, сам не видишь? Все по-старому, живу вот с родаками, рублю баблишко со своей фермы. В общем, мало что в этой жизни меняется, браток.

– Понятно, а жену-то себе подыскал?

– Да какая мне жена-то, выдавшему виды фермеру? У меня вон мои коровы есть, на хрен мне жена? – и он лукаво подмигнул глазом. – Ну, ты давай, выкладывай: что тебя привело к старому приятелю в берлогу?

– Да есть дело одно, не очень законное, сразу предупреждаю.

– Не очень законное – это интересно, а не очень законное – это как? Чуть-чуть или ваще пиз..ц какое незаконное?

– Ну... Я склонен к какому-то промежуточному варианту в данном случае. Но ты сам посмотришь и выберешь степень, если пожелаешь.

– Ну... – добродушно передразнил друг меня, – давай, вываливай.

– Понимаешь, мне бы надо...

Тут вошла тетя Света с подносом, на котором уютно

устроились две кружки, окруженные толпой заискивающих печенюшек-симпатюшек.

– Ой, мам, спасибо, ты у меня – золото! – просиял Федька.

– Да, спасибо, тетя Света! – и я расплылся в улыбке, вспомнив наши старые посиделки у Федьки.

– Ну я пойду, мальчики, а вы тут не шалите, – традицион-но ретировалась Федина мама.

– А как иначе? – хором отозвались мы.

– Ну, так ты продолжай вещать, Макс, – не очень разбор-чиво сказал Федя: его рот был набит печеньем.

– Есть фирмочки, из которых мне бы хотелось выудить некоторые данные...

– Что за фирмочки? И что за данные?

– Фирмочки, ну это курьерские фирмы нашего города, и нужна база данных маршрутов их курьеров с двадцатого мая, скажем.

– Ну это проще простого: оглянуться не успеешь, а у тебя все будет.

– Спасибо, Федька, я, конечно, заплачу, сколько скажешь.

– Ты посмотри на стены, на моих коровочек. Какие день-ги, Макс? Я это сделаю в счет нашей старой дружбы, – и он салютнул кружкой, я ответил ему тем же, и на душе разли-лось приятное чувство радости, тепла и сладости (может, это был чай с печеньками, конечно, кто знает?).

Потом мы разговаривали о прошлом, много вспоминали. Мне казалось на протяжении всей беседы, что ту вонючую,

протухшую, холодную воду из моего сосуда-души, которой залилось туда изрядно за последние дни макания в унитаз, замещали теплым нектаром и им я смогу еще долго питаться после окончания нашей встречи. Федька как будто горел чуть ли не ярче, чем все огоньки его девайсов, вместе взятые. Наверное, и я виделся ему таким же, кто знает... Мы не обсуждали это, между нами просто вновь перекинулся мост взаимопонимания, и мы неслись по нему сломя голову. Я, увлекшись, вынырнул в реальность из закоулков прошлого лишь глубокой ночью и поспешно раскланялся, так как надеялся еще поспать перед работой. Федя обещал мне переслать всю инфу, которую он выудит, завтра. И я, спокойный, счастливый и зажженный светом, будто старинный уличный фонарь, вернулся домой.

В течение недели мне приходили письма от Федьки с базами данных курьерских фирм, и накопилось таких сообщений с три десятка, поэтому я решил заняться разгребанием этих авгиевых конюшен на выходных. И вот настала суббота, я засел за комп и начал пролистывать данные. Занятие было нудное и утомительное и шло не очень споро, но я все же продвигался вперед и на третьей фирме наконец обнаружил совпадение: двадцатого мая был заказ поблизости от места преступления. У меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди от волнения! Что это значит? Неужели моя теория оправдалась? Но длилась радость недолго: в следующую дату совершенного убийства у этой компании не было заказов вблизи

места обнаружения жертвы. Расстроенный, я все же продолжил свое монотонное занятие, приговаривая-утешая себя – ну вот ни разу не утешительной! Проверено! – поговоркой, что «первый блин – комом». Еще раз случилось совпадение на седьмой фирме, но оно оказалось также единичным, а потому и его я посчитал тупиковой ветвью. Изучая данные тринадцатой фирмы, под названием «Гермес+», я уже ничего особо не ожидал, ибо потихоньку начал вообще сомневаться в правдоподобности моей теории о курьере. И все же стал сверять очередную дату.

– Нет, не может быть... – с дрожью в голосе произнес я, уставившись на экран: рядом с мигающим курсором отображаемый адрес доставки совпадал с районом, где произошло преступление.

Надо перепроверить. Я вернулся к первой дате и снова сопоставил с ней точку заказа.

– Все верно... рядом, – бормотал я, сравнивая адреса на карте. – Так, теперь еще раз вторая дата.

И опять место доставки и место преступления оказались рядом. У меня пересохло во рту, и я быстро сбегал на кухню, чтобы напиться и привести в порядок мысли, которые начинали путаться... Наверное, я где-то просчитался, не могу же Я быть прав! Нет, Я прав, это надо же – моя версия работает! А вдруг в файлах, что прислал Федя, ошибка? Нет, я прав, прав, надо проверить, идти дальше, ну же... Такие мысли проносились в моей голове, и я таки сдвинул себя с кухни

и вернулся к компьютеру. Следующая дата – снова в цель, далее – снова в точку, и я с ликованием и ужасом, одновременно наполнявшими все мое естество, дошел до последней даты совершения преступления – и там опять совпадение.

Так-с, теперь посмотрим, кто возил заказы.

Пролистав файлы, я обнаружил, что и тут моя теория подтверждается – все заказы в те места доставлял один человек – Глеб Сребринский.

Словно огнем выжгло у меня в мозгу это имя. «Каков ты, Глеб?» – думал я все оставшееся в выходные время. И вот накануне новой рабочей недели я решил встретиться с ним, естественно, сделав заказ в этой курьерской службе. С утра в понедельник я отпросился у шефа и сразу позвонил в «Гермес+».

– Здравствуйте, чем могу помочь? – отозвалась девушка на том конце телефона.

– Я хотел бы вызвать курьера.

– Хорошо, скажите – откуда и куда доставить посылку.

Я назвал адрес нашего магазина, попросив сюда привезти заказ, а пунктом отправления решил сделать фойе кинотеатра, в который любил ходить на досуге. Там всегда было много народу: на случай если курьер вздумает прикончить меня, толпа отпугнет его, ведь пока маньяк не совершил ни одного убийства на людях. Но кто знает, что в голове у сумасшедшего? Я решил рискнуть.

– Хорошо, ваш заказ принят.

– Девушка, а у меня есть одно пожелание.

– Какое?

– Я бы хотел, чтобы посылку доставил Глеб Сребринский.

– Минуту, я уточню, можно ли так устроить, – на некоторое время в трубке воцарилась тишина, а спустя полминуты линия ожила, и оператор продолжила: – К сожалению, сегодня его маршрут расписан, но я могу назначить вам другого курьера...

– Давайте тогда перенесем мой заказ на завтра, – предложил я.

– Такое возможно, – после паузы отозвалась оператор.

Я назначил встречу с курьером на девять утра следующего дня, и мы мило распрощались с услужливой девушкой.

Совсем другое дело. Не то, что было, когда я хотел узнать от них информацию по маршрутам, ну да ладно – кто старое помянет...

И я стал с нетерпением отсчитывать часы и минуты до девяти часов утра завтрашнего дня. Я чувствовал себя океаном с его приливами и отливами, так и во мне что-то колебалось: то я был полон уверенности в своей правоте и решимости идти до конца, то меня охватывал не то что страх, но какое-то ощущение безысходности, оно будто говорило мне: «Зачем тебе это? Все равно ты ничего не добьешься, и вообще – он ведь может тебя убить». И в такие моменты я был на грани того, чтобы позвонить в «Гермес+» и отменить заказ.

Но тот ужас грядущих кошмаров и отсутствие определенности (кончатся ли они вообще?) действовали сильнее, и вот – я сидел за столиком в фойе кинотеатра и попивал кофе.

Минут за пять до назначенного времени мне позвонили, и я объяснил курьеру, где сижу. Передо мной предстал посыльный – молодой человек лет двадцати пяти – двадцати семи, худой, высокий, с лицом, глядя на которое на ум сразу приходит образ забитой собаки с ужасно грустными глазами, кстати, такие точно глаза были и у него. Я, если честно, опешил. Я ожидал увидеть кого-то крупного, с квадратным лицом рецидивиста, но реальность – странная штука и порой отчебучивает такие вот шутки с людьми.

– Как работается? – попытался я завести разговор. Глядишь, удастся что-нибудь узнать об этом парне.

– Нормально, – ответ моего визави унес прочь гомон в фойе, как ветер – сухой осенний лист.

– Много где бываете, наверное?

– Да, – опять буркнул он. – Можно побыстрее? У меня много заказов, – оборвал все мои надежды курьер Глеб.

– Вот, – я передал ему бумаги, которые он убрал в пакет и запечатал. После моей оплаты посыльный поплелся (так и хотелось добавить: волоча хвост) в сторону выхода.

Не знаю, зачем я крикнул:

– Это ты!

Парень повернулся и уставился на меня пустым, непонимающим взглядом.

– Это ты забыл? – спросил я, держа на ладони ручку, оставленную им ранее.

– Возьмите себе, – не то улыбаясь, не то скалясь, произнес он, – любезность от фирмы.

И двинулся дальше к выходу, весь такой нелепый, особенно с этими милыми крылышками на желтых кроссовках. У меня в голове не укладывалось, как он может быть убийцей?

Согласно моему плану нужно было вычислить следующее место преступления. Но как это сделать? Мои мысли все возвращались к варианту со слежкой. Дело, в принципе, было относительно легкое: Глеб был высокий, да еще и в ярко-желтой униформе: такого тяжело потерять даже в толпе. Мне нужно было лишь скрыть свою внешность (кто знает, насколько хороша у него память на лица) и обзавестись свободным временем. Перерыв между убийствами все удлинялся, и каждый новый день мог стать **ТЕМ САМЫМ ДНЕМ**. Поэтому тянуть было нельзя. С большим трудом я уговорил шефа дать мне отпуск за свой счет в связи с проблемами со здоровьем (причем тут я почти не врал ему: эти кошмары мне точно не добавляли здоровья). Купив накладную бороду и очки в магазине реквизита, я был готов к своему предприятию. В последний момент решил обзавестись хоть каким-нибудь средством защиты и приобрел маленький, но, по заверениям продавца, мощный и действенный шокер.

На следующий день я был уже во всеоружии рядом с офисом фирмы «Гермес+». Погода выдалась довольно приятная

для зимы, и мой первый день слежки прошел, можно сказать, удачно. Я четко видел перед собой маячившую голову Глеба в толпе. На улицах я держался поодаль и следовал за его согбенной спиной, укутанной в веселенькую желтую куртку. Я ходил за парнем по пятам и пытался понять его, проникнуть в его мысли, но это было непросто, а вообще, наверное, и невозможно. Я ведь даже толком с ним не поговорил. А он все шел и шел вперед, как какой-нибудь робот или трамвай, вставший на рельсы и не видящий ничего перед собой, кроме этих бесконечных рельсов. Я считал, что мне повезло и я могу не очень напрягаться, чтобы не выдать себя. Глеб и впрямь мало внимания обращал на окружающую его действительность.

В подобном режиме прошли еще четыре дня, и не всегда погода благоволила мне. Я уже начинал разочаровываться в своем плане в очередной раз. Особенно когда холод пронимал до костей, и я молил высшие силы, чтобы Глеб нырнул наконец куда-нибудь в метро или бизнес-центр, где и мне удалось бы отогреться.

И вот, вперившись озлобленным взглядом в «+» названия фирмы, я подходил к повороту, за угол которого за несколько секунд до этого свернул Глеб.

«Ну и какого хрена я таскаюсь за этим зомбороботом? – распалялся я, ругаясь сам на себя, но, возможно, лишь только для того, чтобы чуточку согреться. – Уже четыре дня прошло. А ничего не происходит. Еще несколько дней в таком

режиме, и чувствую – сорвусь. Не знаю, что сделаю, может, вообще прямо подойду к нему и...»

Тут ход моих мыслей прервал Глеб, который, уже преодолев значительное расстояние вдоль стены гаражей, вдруг остановился как вкопанный, его передернуло, а потом... «О боже, что с ним случилось?» – прошептал адреналин моему засыпающему мозгу: я мигом взбодрился. Курьер медленно посмотрел в сторону и застыл. Изучив в определенной мере поведение парня, я понимал, что это было очень необычно для него. Посыльный уставился направо, на стену, затем опять резко повернул голову вперед, его снова передернуло, и он двинулся как ни в чем не бывало дальше.

Я с тревогой, разлившейся по всем клеточкам моего тела, нервно сжимая в руке шокер, будто пытаюсь нащупать опору в этом куске убойного пластика, шел туда – вперед. Дойдя до места, где минутой раньше остановился Глеб, я заскользил взглядом по стене и тут же запутался в дебрях граффити и... Нет, этого не может быть, но часть меня знала, что тому и суждено было случиться, – среди невнятных линий рисунков и букв была вплетена до боли знакомая фраза «Будь собой!».

Надо было срочно что-то решать. Глеб уходил, но я пришел к заключению, что вернее будет понаблюдать за этим местом. Рядом находилось заброшенное здание (больницы, как я узнал впоследствии из интернета). Обойдя вокруг, я увидел выломанную, видимо бомжами, пожелавшими переночевать там, дверь. Зашел внутрь – здание пустовало. Ре-

шив, что это будет отличный пункт наблюдения, я отправился домой, чтобы подготовиться к долгой ночи, ожидавшей меня впереди.

Уже часов в семь (зная, что во столько заканчивается рабочий день Глеба) я подошел к дому и, убедившись, что меня никто не заметил, проскользнул внутрь, подсвечивая себе под ноги фонариком. Здание хоть и было железобетонное, но кое-где уже начало разрушаться, поэтому я шел с особой осторожностью. Жутко было находиться в таком месте, да еще и одному, но мной двигала благая цель – обеспечить себе спокойный сон и остановить эти страшные убийства. Расположившись на втором этаже возле уцелевшего каким-то чудом окна, я занял свой пост часового, углубившись в прослушивание музыки и аудиокниг, попивая изредка кофе из термоса. Однообразная картина за окном действовала усыпляюще, редкие прохожие вносили какое-то оживление и чуть отодвигали полог сонливости, но ненадолго. Я все ждал Глеба, я был уверен, что узнаю его походку и фигуру, даже если он переоденется и будет использовать камуфляж. Но часы шли, и все проходящие мимо, спешащие домой граждане были непохожи на моего курьера.

Было около трех часов ночи, когда меня, сонного, немного взбодрило при виде мужика, торопящегося домой, в тепло. Я наблюдал за тем, как он споро поглощает метры своими семенящими шажками и размахивает портфелем в моменты, когда пытается сохранить равновесие на скользких

участках. Тут меня привлекло какое-то скользившее по стене гаражей темное пятно – если минуту назад я готов был заснуть на этом чертовом холодном полу, то сейчас дремота пропала, и я стал искать глазами, что же может быть источником этой тени? Она двигалась быстро, я было подумал, что ее отбрасывает какой-то автомобиль, но улица была пуста, по ней лишь семенил тот запоздалый прохожий. Темный силуэт стремительно приближался к мужчине, и я с недоумением смотрел на это, силясь понять, что же это за тень. Как вдруг она начала будто раздуваться, выпячиваться, приобретая формы человека, нет, животного, нет, и того и другого. Это... Это было похоже на волка – здоровенного, под два метра ростом, с необыкновенно большой пастью. Все произошло за считанные секунды: раз – из стены будто выдавили наружу, как из тюрбика пасту, фигуру, напоминавшую волка-переростка, два – это существо махнуло лапой, или клешней, или клинком, а может, это было все вместе, казалось, у твари нет четкого силуэта – она постоянно меняется, сохраняя лишь общие очертания. Спустя миг голова мужчины отделилась от туловища, которое по инерции прошло несколько шагов и шлепнулось на тротуар, прямо в снег – хочется сказать лицом, но его-то, лица, больше не было! Голова же еще в полете была ловко подхвачена существом, оно подняло ее на уровень своих глаз: создавалось впечатление, что тварь говорит с ней. Затем монстр открыл рот, откуда вылез омерзительно-длинный язык, который овил голову жертвы,

словно змея, и утащил ее за собой в глотку отвратительно-го создания, противного самой природе. В то же мгновение существо бросилось на стену и, расплющившись и съжившись, обратилось опять в тень, которая так же быстро, как и пришла, понеслась вспять и скрылась за углом.

Я стоял, не понимая, что произошло. В какой-то миг до меня дошло, что я машинально сгреб с подоконника снег и бешено втираю его себе в лицо, чтобы удостовериться, не сплю ли я. Но нет, увы, мне было отказано в этом счастье: под окнами, как живой (возникают же в мыслях подобные каламбуры в такие моменты), труп мужчины, и белый тротуар там, где должна была быть голова, стремительно окрашивался алой кровью. Это было слишком для меня. Я выбрался из дома и побежал прочь. А снег зарядил с такой силой, будто пытался загнать меня обратно в то здание, но ничто на свете не могло вернуть меня сейчас туда. Добравшись до своей квартиры, я в изнеможении рухнул на кровать и забылся очередным кошмаром (уж лучше бы я не спал), а утром хмурый диктор уже вещал о новом убийстве.

«Этот маньяк бросил вызов всему нашему обществу, всем его устоям, на которых оно зиждется», – говорил торжественно-мрачным тоном ведущий новостей.

«Нетушки, хрена с два это вызов всему обществу, – во мне родилась и вырвалась диким криком мощная волна гнева. Или даже нет – безудержный бурлящий поток. – Хрена с два! Это МОЯ война! И я выиграю в ней, или мне не жить!» –

выплеснул я свои эмоции прямо в лицо диктору. И ударил кулаком по столу так, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула.

Следующие дни я провел в интернете в поисках информации о том, что это за существо могло бы быть. Наиболее близко к описанию подходил оборотень. Все эксперты (из интернета, конечно, причем каждый утверждал, что уничтожил не меньше десятка оборотней) сходились во мнении, что убивать таких тварей нужно серебряным кинжалом, выточенным из креста, также неплохо было бы обзавестись святой водой, ибо нечисть жуть как не любит всех церковных штук.

Другие книжки, которые мне попадались, в целом также подтверждали слова сетевых «экспертов», что убивать оборотня надо серебром. Причем «лучше всего» считался такой экзотический метод истребления, как серебряная пуля. Но с учетом того, что я не умел стрелять, да и огнестрельное оружие достать в наше время было нереально, я все больше склонялся к варианту с клинком из серебра.

Обойдя церкви и соборы в городе, я подумал, что удобнее всего будет сделать кинжал из католического креста. Найдя крест подходящих размеров, купил его. И еще – литровую бутылку освященной самим папой воды, привезенной из святейшего католического собора. Я решил, что если такая вода не подействует на моего оборотня, то никакая другая уж точно не работает.

Вечером я закончил вытачивать нож из креста. На всякий случай я смешал оставшуюся серебряную пыль со святой водой (чтобы усилить эффект).

Теперь я был вооружен знаниями и оружием и очень опасен для любого оборотня, включая того, за которым охотился. И этот военный азарт поддерживал меня, пока я долгие часы проводил в слежке за Глебом, ожидая, когда же его опять потянет на убийства. Я думал одно время взять и засадить кинжал Глебу в глаз. Да, именно в глаз: начитавшись литературы, я все проанализировал и понял, что большинство схваток с оборотнями заканчивались успешно именно поражением чудовища в глаз. Хотя вариант с сердцем тоже считается приемлемым, но, если я промахнусь (а я не очень разбираюсь в анатомии псовых), мои шансы выжить резко сократились. Так что – глаз. Но убить Глеба в его людском облике казалось мне совсем негуманным, к тому же часть авторов сходилась во мнении, что, прикончив оборотня, можно излечить и человека. По крайней мере, у моего несчастного, забитого Глеба будет перспектива вернуться к нормальной жизни. Я уже испытывал некоторое сочувствие к нему. Ведь не он сам, а это существо убивало, а парень-то ни в чем не повинен.

И вот на тринадцатый день слежки с Глебом опять случилось зависание, на этот раз в подземном переходе. И снова на стене «Будь собой!» и инопланетянин, показывающий V. Оставив Глеба, я пошел домой и стал собираться на пред-

стоящую битву. Я был весь напряжен, будто меня подключили к электрической сети и я стал частью ее, напитываясь и пропуская через себя ток. И в таком же напряжении в полночь я пришел к переходу, встал на дежурство, наблюдая за одинокими людьми, входившими в переход. Я спускался с ними как можно незаметнее, чувствуя себя в этот момент сродни ангелу-хранителю.

Опять около трех ночи у перехода показался человек. Это была милостивая девушка. Я дал ей пройти и, чтобы не пугать понапрасну, шел тихо по ступеням вниз. Я спустился вслед за незнакомкой и заглянул за угол. Девушка явно спешила, и трудно ее осуждать при таких-то событиях, будоражащих город. И тут я снова увидел, как по противоположной стене метнулось пятно-тень. Я замедлил свое движение, вот решающий момент настал. Как бы собрать себя в кулак и нанести сокрушительный удар по монстру? Но внутренняя дрожь не унималась, и этот ток, бегущий по мне, то ли давал мне сил, то ли, наоборот, отнимал их. Пересилив себя, я шагнул на угол в переход.

Из стены позади девушки уже начал вылупляться монстр, все объемнее становились его очертания. Я попытался что-то сказать, но горло пересохло, и мне пришлось сглотнуть, чтобы смочить его. Но этих мгновений хватило оборотню, чтобы воплотиться, и в следующий момент я снова смотрел, как голова несчастной жертвы отделилась от тела, а мерзкий язык чудовища уже летел навстречу.

– Не-е-е-т! Стой! – поздно выкрикнул я.

Монстр повернулся ко мне, и я видел, как исчезает голова девушки, оплетенная гадким языком, в глотке, похожей на воронку, уходящую в бесконечность. В это мгновение будто выключили рубильник, и ток, сотрясавший мое тело, уступил место свинцовой уверенности, залившей каждую пядь моего тела. Я опустил руку в карман и вытащил бутылку со святой водой. В тот момент, когда я открыл пробку, существо начало приближаться ко мне. Будто корабль, вспарывающий беспокойную водную гладь, монстр рассекал оставшиеся между нами метры, и, как волны за бортом, так же нечетки были контуры его тела, все время находившегося в движении, менявшегося. Моя правая рука скользнула в карман за кинжалом одновременно с тем, как левая выплеснула в морду твари святую воду. Видимо, не ожидавший этого монстр замешкался на мгновение, и тут же моя правая рука с клинком уже описывала дугу в воздухе, целясь в левый глаз монстра.

Я находился будто в танке и наблюдал за происходящим со стороны, я смотрел на этот черный движущийся хаос с беспрестанно появлявшимися и исчезающими то тут, то там иглами. Я видел капли святой воды, упавшие на плоть монстра, я ожидал, что они прожгут дыры в нем или что-то подобное. Но этот бесконечный, переливающийся, неугомонный хаос всосал капли, будто их и не было и не было святой руки папы, что положила на них крестное знамение и наде-

лила благодатью Господа. Хаосу, видимо, было наплевать на это.

А моя рука, будто где-то в другой вселенной, живя собственной жизнью и подчиняясь одному ей ведомому побудителю, продолжала свое движение, все ближе, ближе и ближе. Монстр не сделал никакой попытки отразить удар, и кинжал с легкостью, не ощущая никакого сопротивления, вошел в глаз оборотня по самую рукоять. Я отпрянул назад, не отрывая взгляд от ужаса, нависавшего предо мной с торчащим из глаза клинком.

– Ты мне нравишься, у тебя есть яйца, человечиска! – слова исходили от существа и больно резали где-то внутри.

В этот момент я заметил, что кинжал начал оседать: он плавился, и снова этот беснующийся хаос всасывал, впитывал в себя освященное серебро без остатка. Прошло мгновение, и на месте клинка лишь зияла зловещая дыра с рваными краями, находящимися в движении, как и все остальное тело. Глазница наполнилась бушующим пламенем. И оно, как мне казалось, выжигало слова, исходившие от монстра, в самом моем естестве. Я как замороженный смотрел на разворачивавшуюся передо мной картину, не в силах даже вздохнуть.

На голове гадкого чудовища вспухли будто гнойные нарывы. Они увеличились в размерах и отделились от его плоти. Из черной массы появилось нечто, напоминающее крылышки и хоботок, эти две мерзостные капли стали похожи на ко-

либри – колибри, искупавшихся в нефти. С их крыл стекали черные сгустки и падали, растворяясь, в никуда. Потом «птички» уселись оборотню на лапы, которые тот заботливо подставил им, вонзили свои хоботки в его живую, кольшущуюся плоть и стали пить, пить и пить с отвратительными, чавкающими звуками. Их тельца надулись, и вот, когда они закончили пить и взмыли в воздух снова, на брюшке каждой твари показалось торчащее нечто, похожее на жало, источавшее черный яд (так мне думалось в тот момент), и ужас обурял меня при виде этих капель. «Птички» подлетели ко мне ближе, их жала были около моих глаз, и я всеми силами старался закрыть веки, но тело отказалось подчиняться. Слепой ужас правил бал! А монстр заговорил, опять пронзая меня словами:

– Узри моих деток, ничтожный человек. Я предупреждаю только один раз. Не суйся ко мне, а то я сожру тебя на десерт, и мои детки будут меньшим из зол, что будут ждать тебя по ту сторону...

И он открыл свою пасть, а я отключился от увиденного кошмара, сосредоточенного в извивающейся и стонущей массе.

Очнулся я в переходе. Рядом никого уже не было: видимо, я вырубился на считанные секунды и был рад, что вернулся в реальность. Я поднялся и бросился прочь из перехода. Нужно было пережить ужас, свалившийся на меня, но поразительно, что от слов оборотня я не был парализован и

скован страхом, как следовало бы ожидать. Я шел домой с переродившей меня единственно важной целью, одной лишь целью: убить этого богомерзкого монстра. Быть может, тогда вечный кошмар закончится для людей, поглощенных и поработанных мерзкой тварью (а мне казалось, именно это она с ними и сделала).

И я ушел в тень – тень, созданную массой литературы, которую я был намерен прочитать по вопросу оборотней и которая отгораживала меня от внешнего мира будто стеной. Я не помню, как ел и исполнял естественные веления своего организма. Передо мной был интернет с его обилием, практически неисчерпаемым источником мудрости. Я провел несколько дней за чтением и в очередной раз нарвался на книгу про оборотня, который совращал (самыми изощренными и пикантными способами) законопослушную гражданку, обитавшую по соседству. И тут до меня дошла прорвавшаяся на поверхность сознания здравая мысль, что без посторонней помощи в этом деле не обойтись, иначе у меня могут уйти годы на перелопачивание и переваривание всего того объема информации, который был создан человеческим гением и сохранился в документах, книгах и во всеядной утробе жадного до любой информации интернета.

Я стал искать во Всемирной паутине, есть ли какие-то сообщества по борьбе с оборотнями, хотя, признаться, мало рассчитывал на успех. Каково же было мое удивление, когда

поиск выдал несколько таких «групп по интересам», да еще и в нашем городе. Поблизости было организовано сообщество «Изгоняющий оборотня», и оно проводило собрания на регулярной основе. Мне повезло: как раз такое собрание предстояло завтра вечером, и я решил сходить, послушать умных людей. Табличка на входе порадовала меня, видимо, «изгоняющие» снимали помещение какой-то сектантской церкви, о чем эта табличка и говорила: церковь то ли Седьмого пришествия, то ли Пресвятого престола, не суть важно. Близость к Господу вселила в меня определенную надежду, ведь побороть адское отродье – вполне богоугодное дело, и, наверное, вполне логично, что борцы с оборотнями арендовали церковные апартаменты.

Помещение было полуподвальное, окна под потолком были занавешены однотонными белыми шторами. Там было достаточно светло, но при этом повсюду были зажжены ароматические свечи, наполнявшие зал каким-то особенным благовонием, от которого хотелось... хотелось... не знаю чего... В общем, я зашел и уселся на один из пуфиков, которые были разбросаны по всей площади помещения в хаотичном порядке и вобрали в себя все цвета радуги. На них разместились интересные люди, преимущественно молодые, лет до тридцати пяти – сорока, одетые во все черное. Мужчины были в костюмах, наподобие доспехов с массивными наплечниками и нагрудниками-жилетами, а ниже экипировались штанами с множеством люверсов, колец и цепей, видимо, слу-

живших для усмирения оборотней. На ногах у этих бруталов были громоздкие ботинки, говорящие о серьезности намерений их хозяев. Женщины были в не менее воинственной одежде. Их тела также облачали черные костюмы, в основном из гладкой кожи или чего-то подобного, почти у всех были тугие наручи и коротенькие юбки, не мешавшие обладательницам свободно двигаться и наносить удары длинными острыми шпильками своих туфель прямо в глаза мерзкой нечисти. По крайней мере, так я себе это представлял.

По соседству со мной тоже приземлилась на красный пуфик истребительница всяческих отродий. Отвратительно жуя жвачку, она улыбнулась мне почерневшими зубами, отчего вся ее внешность, несмотря на общую привлекательность, по шкале очарования скатилась до уровня восставшего из могилы трупа. Девушка меж тем подвинулась ко мне поближе.

– Первый раз тут? – надув пузырь, спросила она.

– Да, вот решил сходить, – натянув улыбку, попытался быть милым и я.

– Не ссы, тебе понравится – по первости не все понимают. Просто слушай Оратора, и пусть дорога сама ведет тебя к цели, – очередной пузырь разорвался мне в лицо язвительной насмешкой.

– Ну да... – я попытался найти глазами, за что бы зацепиться, лишь бы как-то оправдать неловкость, возникшую во мне, и усиленно стал изучать это место, чтобы девушка

наконец отвязалась и меня перестал донимать ее липкий попутчик.

Спасение явилось неожиданно: дверь справа открылась, и в помещение вошел человек в белом балахоне, капюшон почти полностью скрывал его лицо. Он ступил на кафедру и своими тощими руками возложил какую-то книгу, по виду – из коричневой кожи, с переплетениями золотых инкрустаций.

– Приветствую вас, ищущие! – как-то утробно и торжественно произнес капюшон, так как лица до сих пор не было видно.

– Я знаю, что каждый из вас попал сюда неслучайно, и я, ваш мастер, Оратор, проведу вас за собой! Готовы ли вы?

– Да, мы готовы! – раздались возгласы со всех сторон от меня. Я же, повинувшись какому-то внутреннему ощущению, решил взять некоторую паузу и послушать дальше.

Потом Оратор начал пространно вещать о той великой цели, что стоит перед нами, и о том, как мы должны очистить мир от скверны. И тут события приняли самый неожиданный для меня оборот.

– И вот вы, ищущие, – он взметнул свой упругий перст и поводил им по верх голов присутствующих, – собрались здесь, чтобы познать, как следует изгнать оборотня, – с каждым словом мастер все больше распался. – О, внимайте же мне теперь внимательно и следуйте всем моим указаниям, и я научу вас.

После этих слов каким-то чудесным образом его балахон разделился на части, и нам предстала обнаженная фигура Оратора: довольно тощая и угловатая, с непропорционально большим причиндалом (у меня мгновенно мелькнула мысль о его искусственности). Мастер подхватил свой «прибор» левой рукой и стал шлепать им по талмуду, приговаривая с проникновенными интонациями в голосе:

– В этой книге мне было дано откровение, и я разделю его с вами.

В помещении внезапно потемнело, обстановка вокруг озарилась всполохами свечей, бросающими на стены дергающиеся тени, которые напоминали неистовые и безумные языческие танцы.

Наверно, это было тем тумблером, который запустил аварийную сигнализацию в моей внутренней крепости. Сирена вопила во мне, источая вместе со звуком и тревожно мигающий красный свет – цвет опасности, аварии, чрезвычайного положения, и, действительно, мое положение с каждой утекающей сквозь пальцы секундой становилось все чрезвычайнее. Я диким взглядом начал искать пути к отступлению, и тут он упал на пуфик справа с обладательницей липкой субстанции во рту. Так вот она, будучи, видимо, не первый раз на таком сборище, откинулась на пуфике, развернувшись в мою сторону, и перебрасывала левую ногу эффектным движением гимнастки справа-налево, открывая мне всю свою сущность, что виднелась в черной прорези колготок, ранее

покойно скрытая под завесой юбки. Эта разверстая пасть тянула меня, чтобы поглотить... И тут я услышал спасительный разрыв жвачки, раздавшийся где-то чуть выше места, куда были устремлены мои переполненные паникой глаза. Звук вывел меня из-под гипноза этой зловещей пасти. Я понял, что нельзя терять ни секунды, и, перевернувшись через спину на пол, пополз в направлении дверей на четвереньках, на ходу поднимаясь и набирая темп. Краем глаза я замечал, что все мужчины расстегивают свои доспехи, а женщины, развалившись на пуфиках, раздвигают ноги и начинают ритмично постанывать. Я дернул за ручку, и на мгновение ехидный ужас отчаянья заорал мне прямо в лицо: «Она не откроется!» Но, толкнув дверь от себя, я выбежал наружу под торжествующий возглас Оратора: «Да придет Изгнание!!!» Вырвавшись из подвала на улицу, я все еще слышал отдающий неприятной пульсацией в ушах раскат последних слов мастера: «...Изгнание!!!» Я отгонял от себя все образы, наполнявшие мое воображение возможным продолжением этого сборища, и одно было отвратнее другого. Поэтому периодически необходимо было встряхнуть головой, чтобы таким физическим жестом очистить, пусть и на время, мысли от этого наваждения.

«Да уж, надо было „забублить“ про это сообщество перед тем, как идти туда! Может, прочел бы пару-тройку „интересных“ отзывов, и минуло бы меня это „счастье“ лицезрения вживую», – периодически корил я себя по дороге домой.

Усевшись за компьютер с утраца на свежую голову, я обнаружил в интернете, что, по счастью, через три дня состоится конференция на тему «Оружие против оборотня». Автор и презентующий – маститый специалист по данному направлению Джитуку Уба.

Три дня пройдут еще нескоро, поэтому я стал искать чего-нибудь поближе, и через некоторое время нашел сообщество «Избавление от оборотня». Отзывы были вроде ничего, и я решил сходить туда, посмотреть, что к чему. Выйдя на конечной станции метро и свернув с проспекта на нужную мне улицу, я оказался в окружении невзрачных серых домов, глядевших на меня своими безликими фасадами и сотнями ненасытных ртов-окон. Они вытягивали все яркие краски из моей души, стремясь обратить и меня во что-то серое и бесформенное, а потом задавить многотонным унынием раздолбанных дорог. Вскоре благодаря навигатору – искусному следопыту, ведшему меня сквозь эти джунгли безысходности, – я отыскал необходимый мне дом. Он не отличался ото всех остальных и просто стремился своей неуклюжей тушкой затеряться в толпе таких же жалких строений. Я подошел к входной двери и с удивлением обнаружил отсутствие ручки. Еще раз сверившись с навигатором, я убедился, что пришел верно, и стал работать пальчиками, чтобы подцепить дверь. Спустя несколько минут мне это удалось, и я стал открывать дверь, которая с противным металлическим визгом выхаркнула на меня полутемный подъезд, тускло освещенный оди-

нокой лампочкой. В этот момент сзади раздался возглас, от которого у меня все внутри съежилось, а потом испуг, словно выдавленный через марлю, жидко растекся по телу.

– Стойте! – хлестнул мне в спину чей-то вскрик, и мне почему-то представилось, что вот сейчас рука обладателя этого голоса замахивается ножом, таким обычным кухонным ножом, в моем воображении я буквально видел, как с него свисали остатки капусты (или это были чьи-то волосы?). Еще миг – и кровожадная сталь войдет в мою плоть холодным пламенем откуда-то сзади, прямиком в сердце, в неистовом желании слиться с ним в последнем роковом поцелуе. Я как в тумане жду мгновение, другое – ничего не происходит. Только шаги звучат все ближе.

– Ой, спасибо, что придержали дверь, а то я бы мучился, вон сколько пакетов из магазина тащу, – застрекотал подбежавший к подъезду мужичонка, которого я принял за эмиссара смерти. – Жена, знаете ли, выдра такая, все дома сидит, говорит, лень ей по магазинам ходить, и без того, мол, забот хватает. А сама, сама большей частью в «Хрютубе» зависает да по соцсетям лайки раздает. Ондатра недоделанная! Вот и дочь вся пошла в нее, бездельница и лентяйка, только знай умеет просить: «Пап, дай, пап, купи, пап, ну ты че? Еще не сделал?» Ну да спасибо вам, добрый человек, хоть что-то хорошее произошло сегодня!

Я смотрел на это сморщенное от забот и озлобления, слегка приплюснутое желтоватое лицо и не понимал: «Что?

Где? Зачем? Почему мне?» А меж тем лавина словоизвержения пролетела, и комок одежды, ошетилившийся пакетами, посылая благодарности, просочился в проем двери передо мной и был с чавканьем всосан полутемным подъездом в свои недра. Я зачем-то еще раз огляделся по сторонам: день клонился к закату, и сумерки постепенно начинали обертывать унылую серость в однообразный темный полог. Вокруг почти не было видно людей, и те, что иногда мелькали, шли как-то согнувшись, сжавшись, словно боясь, что эти серые громадины нет-нет да и сожрут их прямо на месте. Невольно я испустил вздох, подхваченный ветром и отдавшийся эхом молчаливого до этого момента подъезда. Я собрался с духом и вошел, суровый привратник-ветер, наверное, рассердившись на что-то, хлопнул дверью мне в спину.

Поднявшись по ступеням, я увидел перед собой дверь, обитую чем-то неопределенным, и это неопределенное уже местами свисало неприглядными лохмотьями. Над дверью красовалась надпись: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*. Наверное, какая-то магическая формула для оберега от оборотней, подумалось мне. Я сверился с описанием входа в мобильнике – да, это была она, та самая квартира. Так, теперь условный стук: тук-тук-тудук-тук-тук. «Конспираторы, блин», – ухмыльнулся я, выбивая костяшками дробь.

Через некоторое время я услышал шаги за дверью и какой-то странный голос спросил:

– Кто там?

– Э, я... пришел на собрание «Избавление от оборотня»... Это тут? Так ведь?

– Да, да, все верно, – донеслось изнутри, и стало слышно, как открываются несколько замков и лязгает задвижка.

Дверь медленно открылась, и я невольно вздрогнул: передо мной стоял худосочный парень, явно чем-то больной, так как его туловище постоянно подергивалось в стремлении удержать то ли хрупкое равновесие, то ли разбегающиеся в разные стороны части тела. Я прикрыл за собой дверь, и парень поманил меня дрожащей рукой, приглашая следовать за ним. Я шел, уставившись в его лысый череп, и пытался представить, каково это – вот так всю жизнь провести на таких расплзающихся шарнирах. Он остановился у комнаты, где в круг были выставлены около десятка стульев, больше половины которых уже занимали люди.

– Проходите и садитесь на любое место, – сказал парень своим коверкающим звуки голосом.

– Спасибо, – ответил я, направился к свободному стулу с правой стороны и как-то неловко попытался слиться с ним в более или менее приличной позе.

Сиденье, словно не привыкшее к такому с ним обращению, стало неудобно тыкать в меня своими неровностями с явным желанием поскорее прогнать меня с себя.

Я стал оглядываться по сторонам. Стены были выкрашены какой-то выцветшей, вероятно когда-то зеленой, краской. Сейчас же штукатурка либо выпучилась, либо, прорвавшись

гнойным нарывом, лежала унылыми осыпавшимися кучками у плинтусов. На потолке торчала какая-то нелепая люстра с тремя корявыми, затянутыми ржавчиной пальцами-рожками, из которых боязливо выглядывали лампы, разливавшие холодный белый свет. Одна из ламп периодически прощально мигала, стремясь поскорее покончить со своей жалкой жизнью в этом богом забытом месте.

Люди, собравшиеся здесь, были как один согбенные, будто придавленные к земле тяжелой ношей, на их лицах не то что не было и намека на улыбку, но, казалось, что такие лица никогда не могли смеяться. Смотря на них, я невольно сам съежился и погрузился в мрачные думы об увиденном недавно, о смертях и неоднократно пережитых мной кошмарах. Из темных воспоминаний меня вырвал резкий и кажущийся хамоватым голос:

– А, ну вот и собрались! Я смотрю, у нас пара новеньких, – женщина, говорившая это, была почему-то тоже лысая и с татуировкой паутины на голове. – У меня есть радостные новости – троим из нас удалось «избавиться». Может, и сегодня кто-то из вас сможет. Если найдет в себе достаточно мужества. Я знаю, у вас много проблем. Никто их не решит, кроме вас самих, и мы собрались здесь, чтобы помочь вам в этом.

И тут полились истории, одна печальнее другой, и по окончании рассказа каждого Гуру, как она себя назвала, говорила:

– Никто не совершит за вас этот шаг, посмотрите, куда завела вас эта жизнь. Осталось лишь сделать над собой усилие, перебороть жалость к себе. Вон там есть комната «Избавления». Нужно только войти в нее и проявить мужество – вам, которым уже ничего хорошего не увидеть в вашей ничтожной жизни! Есть еще один поступок, который вознесет вас над всеми. Дерзайте!

В какой-то момент до меня дошло, что я попал в «группу смерти», и мне стало тошно. Я спросил, где ванна, чтобы привести себя в чувство. Гуру указала мне пальцем, и я побежал туда. Зайдя внутрь, я лишь через мгновение осознал, где оказался, – это была та самая комната «Избавления». Посреди призывно покачивалась петля из оранжевой веревки с заботливо подставленным табуретом прямо под ней. Справа была расположена ванна, от которой шел пар, и на подлокотнике в открытой золоченой шкатулке блестела опасная бритва. Слева стояло распухшее кресло с приставленной тумбочкой, на которой лежал револьвер. Справа от двери действительно была раковина, но желание освежиться тут водичкой смыло со скоростью сливаемой воды в унитазе. Я постоял некоторое время в ступоре, борясь со рвотными позывами, представляя, сколько страшных трагедий произошло здесь. Вдруг я увидел камеру, уставившуюся своим безразличным глазом на мрачную комнату. Во мне поднялась волна отвращения к тем людям, которые могли наблюдать за всем, что тут творится, я захотел разбить к чертям собачьим это «око»

и разнести все кругом. Но через несколько мгновений стал мыслить менее эмоционально и вот, совладав с собой, повернулся, чтобы уходить. Я толкнул дверь и чуть не налетел на женщину, нет, скорее девушку, в мешковатом коричневом свитере. Ее волосы слегка выбились из прически и висели вуалью, тонкой, как паутинка, вокруг заплаканного лица, на котором читалась какая-то механическая целеустремленность. Я стоял ошарашенный, а она, невидящим взглядом уставившись вперед, прошагала в комнату позади меня. До меня дошло, зачем эта несчастная зашла туда, и я, развернувшись, схватил ее за руку и встряхнул.

– Стой, красавица, ты этого не хочешь! Тебя вынудили! – слова вылетели сами собой, не успев удивиться этому безотчетному порыву, я протянул руку и коснулся рукава ее худи. – Идем отсюда скорее. Ты все спокойно обдумаешь дома. Нерешаемых проблем нет, все преходяще – верь мне!

Не знаю, откуда взялось столько уверенности и убедительности в моем голосе, но я буквально увидел, как мои слова проломили этот кокон «механичности»: лицо бедолаги ожило, оно исказилось в гримасе страдания, из глаз заструились слезы. Я притянул девушку к себе и дал ей выплакаться. Затем мы вернулись в комнату и, выслушав ядовитое замечание Гуру о том, что некоторым слабым людишкам не хватает мужества, забрали свои вещи и вышли в подъезд, миновав трясущегося паренька, который пожелал нам возвращаться к ним еще. Я смерил его испепеляющим взглядом и проклял

тот день и тех людей, которые легализовали эти самые «группы смерти» в недалеком прошлом.

– Ты где живешь? – спросил я девушку уже на улице.

– Да вот тут, недалеко, через три дома, – указала она куда-то налево.

– Тебя как зовут?

– Лика, – еще раз всхлипнув, ответила моя спутница.

– Лика, покажешь дорогу, я думаю, тебя стоит проводить сейчас.

– Да ладно, я могу и сама.

– Нет уж, давай вместе. А, кстати, дома кто-то есть?

– Да, мама. Папа уехал на похороны друга. Брат в другом городе, женился вот, – и она начала снова всхлипывать. – А у меня никчемная жизнь. Зачем ты увел меня оттуда? Я была так близко. Я почти возвысилась над всеми...

– Ну это ты завтра решишь. Отдохнешь и решишь.

Я отвел девушку до квартиры, где передал в руки заботливой матери, не на шутку перепугавшейся, когда я сказал, откуда притащил ее дочку. И, выслушав благодарность, я оставил ту юдоль печали, из которой спасенной еще только предстоит выбраться и жить своим чередом. По крайней мере, я сильно того желал в тот момент.

Мне было хорошо на душе от того, что я оказал посильную помощь нуждающемуся, но моя проблема так и не была решена. Вот уже вторая осечка произошла – мои надежды таяли. Оставался еще третий вариант, и я стал с нетерпением

ем ждать его.

И вот я стоял перед кафе «Будуиппл», в витринах которого маячили злобные маски, насмежавшиеся надо мной. Что же ждало меня внутри? Кажется, мне больше нечему было удивляться. С меня взяли плату за вход на конференцию и проводили за небольшой столик в обширном банкетном зале, декорированном в африканском стиле.

Четко в положенное время вышел эксперт Джитуку Уба. Он был по пояс голый, и на его черном как смоль теле красовались многочисленные шрамы. Во мне начал пробиваться луч надежды: вот наконец-таки хоть кто-то, имеющий отношение к оборотням, ведь, судя по количеству шрамов, Джитуку не раз сталкивался с ними лицом к лицу. При воспоминании о лице передо мной явственно возникла злобная, отвратительная морда оборотня и его улыбающийся оскал.

– Дорогие друзья! Спасибо, что вы пришли на эту конференцию. Мне кажется, что мы все выйдем отсюда обогащенные новыми знаниями и умениями, – оживленно начал эксперт.

Меня поразило полнейшее отсутствие акцента в его голосе. А тембр имел такие притягательные нотки и так гармонично сочетался с ритмичным то ли постукиванием барабанов, то ли шептанием каких-то монахов, то ли завыванием ветра в одинокой пещере на крутом склоне горы. Какой-то пряно-сладковатый запах приятно щекотал ноздри и, казалось, придавал словам оратора видимые образы.

– Я, Джитуку Уба, потомственный охотник на оборотней, – продолжал вещать ведущий. – Наш род вот уже пятьдесят поколений занимается выслеживанием и истреблением оборотней.

Мне казалось, что я буквально видел все пятьдесят поколений родственников этого Джитуку, стоящих у него за спиной и кивающих головами в такт барабанам, что звучали аккомпанементом словам отважного борца с нечистью. Бум-бум-бум.

– Я один из них и всегда был верен традициям предков, – с чувством возвещал Джитуку, прижимая ладони к груди. Бум-бум-бум – как складно ложатся барабаны к его словам. – Но прогресс не стоит на месте. И на смену старым дедовским методам приходит новое оружие, новые средства...

Я шел по улице, и мои ноздри приятно зудели, впитывая остатки какого-то пряно-сладковатого запаха. А в голове, будто в жестяной банке деревянные кубики, перекатывались фразы: «узконаправленный поток», «нужны инвестиции», «серебро уже не работает», «нужны инвестиции», «направить ствол на оборотня», «нужны инвестиции», «полный коллапс материи после соприкосновения», «нужны инвестиции». Эти слова возникали в сознании, но казались почему-то не моими. Меня это поставило в затруднительное положение: я никак не мог понять, откуда столь странное ощущение чужеродности и вообще – куда я иду? Я был в незнакомом районе. Мысли после чужеродного, сумбурного, за-

хлестывающего потока постепенно возвращались в какое-то спокойное русло.

«Где я был? Куда направляюсь?» – вот были главные вопросы, на которые я старался сейчас найти ответ. Я остановился и попытался сосредоточиться. Мысли вязко и вяло, словно замороженные, тянулись в фокус моего сознания.

«Черт, я вообще не помню, откуда я иду. Значит, нужно определиться – куда... Так тоже ничего в голову не приходит... – механизм рассуждения, о котором я никогда и не задумывался, словно заржавел, я силился, силился придать импульс, раскрутить его, но получалось с трудом, словно что-то завязло. – Наверное, надо в бедро – ехать домой... Стоп, не то... – шестеренки со скрипом провернулись, нужное слово возникло. – Да, метро... – я посмотрел на черное небо: механизм раскручивался все быстрее, работая почти без сбоев. – Нет, уже поздно, нужно взять такси».

Я достал телефон и вызвал такси, которое через пару минут бесшумно подкатило ко мне. После недолгой поездки по ночному городу я приложил карточку к терминалу оплаты. Каково же было мое удивление, когда высветилось сообщение, что у меня недостаточно средств, хотя я помнил, что на счету должна быть почти целая зарплата. Я быстренько проверил в банковском приложении, сколько же на карте денег, – действительно, там красовался лишь ничтожный остаток. Делать нечего: я расплатился за такси, переведя нужную сумму с другого счета, и вышел из машины.

Когда я оказался-таки дома и сел за интернет, то увидел последнюю посещенную страницу. Там было описание некой конференции «Оружие против оборотня», и мне опять в голову пробралась фраза «нужны инвестиции». У меня стали возникать какие-то смутные подозрения, и я «забублил» эту конференцию. Появилась ссылка на форум, и там я прочел недавно созданные сообщения: «Воры! Меня обокрали!», «Грабеж среди бела дня!».

Я все понял и с остервенением выключил компьютер, а затем поплелся в сторону спальни в надежде забыться восстанавливающим и сглаживающим углы сном.

Следующим днем я, позавтракав, пошел прогуляться, чтобы на свежую голову подумать – и что же мне предпринять теперь в сложившихся обстоятельствах? Чем дальше я шел по улицам, тем тягостнее мне представлялось мое положение и тем ближе и неотвратимее казались грядущие кошмары и то, как я постепенно схожу с ума.

«Как же быть? Может, попробовать еще раз пойти на монстра с серебряным кинжалом и святой водой? А вдруг эффект будет тот же? – я чувствовал себя как игрок за карточным столом, которому оппонент наваливает карты, которые нечем крыть. – Нет уж, лучше помереть где-нибудь в психушке, где тебе будут колоть всякие успокоительные, и ты будешь спокойно видеть красочные опиумные сны, и ничто тебя не будет тревожить. А может, действительно пойти сдать-ся людям в белых халатах? Сказать, что я вижу оборотней и

меня преследуют кошмары. Они ведь специалисты и знают, что делать. Может, проблема и впрямь у меня в голове, и нет никаких монстров...»

Рука непроизвольно потянулась ко лбу, вероятно, для того, чтобы потрогать, нет ли лихорадки. Словно это могло бы что-то прояснить! Я резко отдернул ладонь, разозлившись на руку, на себя и вообще на всю эту ситуацию. А дурные мысли продолжали донимать:

«А вдруг... даже и самих убийств нет? Вдруг я себе все это выдумал, весь этот мир? Может, это всего лишь сон, чей-то треклятый, дурацкий сон? Надо лишь перетерпеть какое-то время, и когда оно закончится – все... ну не знаю, все кончится так или иначе. Если все же это реально? А если я сойду с ума и вдруг причину, не дай бог, вред ни в чем не повинному человеку? Может, все-таки была права эта Гуру из «Избавления», стоит сделать всего одно усилие, проявить мужество и... Нет, нет, нужно гнать подобные мысли, я сам что говорил Лике? Выход всегда найдется, нужно лишь смотреть в нужном направлении и очень внимательно, может... даже придется потерпеть... может...»

Рассуждая таким образом и болтаясь где-то в вакууме неопределенности, я поглощал метр за метром заснеженных улиц, двигаясь опять же в неопределенном направлении. Впереди маячили маковки храма, а я следил пустым взглядом за редко падавшими снежинками и все глубже утопал в своих аморфных думах.

«Как же побороть это порождение зла? – думал я в отчаянии. – Где бы взять меч-кладенец, что мог бы одолеть гадину? Мне бы спросить совет у кого-то, кто более сведущ. Но кто он? Где он? Блин, да кто вообще может быть специалистом по оборотням?!»

Тут мой взгляд зацепился за золото креста, венчавшего купол, и меня осенила одна идея: «Если оборотень – порождение зла, то... то, может, следует искать ответы с другой стороны? Со стороны добра! А что ближе всего к добру, как не церковь?»

Вроде мысль была здравая, и я, чтобы не откладывать в долгий ящик, решил зайти в храм, что своей белизной пытался спорить с покрывавшим город снегом. Холод уже не пытался сморозить мои разбредающиеся мысли в неподъемную, неповоротливую глыбу, он теперь толкал меня к дверям церкви, словно вдруг решил не препятствовать мне, а, наоборот, оказать посильную помощь в моих исканиях.

Я с каким-то смутным волнением взошел по ступеням и приблизился к дверям храма. Это были массивные деревянные двери с резными орнаментами, крестами и изображениями каких-то святых. Я зачем-то уставился на них, и мне на миг показалось, что они, эти вырезанные лики, будто швейцары в шикарном отеле, осматривают меня оценивающе, соображая, пустить меня или нет. Я усмехнулся бредовости такой мысли и, ухватившись за ручку двери, потянул ее. Створка не шелохнулась. Я невольно бросил взгляд на

изображенного справа святого, мне вдруг показалось, что он ехидно улыбнулся, как бы подначивая меня: дерни, мол, еще раз, если ты такой дерзкий, – пока я не дам свое разрешение, она все равно не откроется. Ну я и дернул снова, с таким же нулевым эффектом. Тут сзади от меня раздался чей-то старческий голос:

– Милай, у них левая половинка открывается-то! Видать, первый раз идешь, а?

– Да, вот решил спонтанно заглянуть, – ответил я, обернувшись к подходившей к двери сгорбленной старушке с клюкой.

– Попридержи только дверку, милоч, а то уж больно тяжела: не для нас, стариков, видать, делали. Ну да мы уж как-нибудь сдюжим, много ведь на своем веку повидали... Да... Ой, спасибо, внучек! – проговорила старушка, перековыливая через порог и проникая внутрь храма.

– Да не за что, – сказал я ей и, глянув еще раз на снег, укрывающий город, занырнул в сумеречное нутро церкви.

Зайдя внутрь, я сразу отошел вправо и прислонился спиной к двери. Я стал оглядываться. Отовсюду – со стен, колонн, потолка – на меня взирали незнакомые лица святых. Казалось, будто они, как и святые на дверях, оценивали и осуждали меня со своих высот. Мол, с какой глупостью ты пришел сюда, тебе здесь не место, шел бы ты куда-нибудь отсюда. Все эти мысли порождали какую-то неловкость, которая росла во мне. Я силой воли оторвал взгляд от святых

ликов, обрамленных золотым сиянием, и стал искать глазами кого-то приземленного – обычных людей, которые зашли сюда пообщаться со всевышним. Слева я обнаружил женщину в платке, стоящую за прилавком в окружении множества икон. Мне показалось, что она для меня сейчас ближе любого святого, и к ней я направился со смутной надеждой, теплившейся в душе.

– Здравствуйте, а не подскажете, как бы мне поговорить с бабушкой?

– А что тут подсказывать, – отозвалась женщина, бросив краткий взгляд на меня, – вон он, там ходит, отец Дмитрий. Язык, чай, у тебя есть, вот им и разговаривай.

– Где, где он? – неуверенно переспросил я, оглядев бегом народ, присутствующий в храме, но все было как-то размыто, и я не мог толком сфокусироваться ни на одном человеке.

– Эх, до чего глупа пошла молодежь нынче, – фыркнула женщина. Нехотя кивнув в направлении правого дальнего угла храма, она продолжила: – Позабыли веру православную, а как что случись – бегут, ищут святых отцов, советов, прощения, искупления... А куда вам еще бежать-то, сироты неразумные?

Ее нравоучительный тон меня стал как-то сильно напрягать, поэтому, вежливо откланявшись, я поспешил ретироваться.

– Свечку-то, свечку-то хоть купи, нехристь! – хлестнула мне в спину женщина, отбив окончательно всякое желание

общаться далее.

Я стал пристально вглядываться в слабо освещенное громадными люстрами (вот парадокс-то) помещение храма в том направлении, куда кивнула голова продавщицы. Там в массивной раме за стеклом висела икона какого-то святого. Перед ней был установлен подсвечник, и множество свечей теплились в его гнездах, люди стояли перед иконой, истово крестились, отбивали поклоны и что-то шептали. И тут я заметил-таки фигуру в черной одежде и с проседью в темной бороде, почти достающей до серебряного креста, покоящегося на груди. Святой отец разговаривал со старушкой, та что-то вещала, заискивающе глядя ему в глаза. А священник, полузакрыв веки, внимал ей, покачивая временами головой, произнося что-то короткое и осеняя пожилую женщину крестным знаменьем. Через несколько минут они распрощались, и я тут же направился на перехват.

– Батюшка, постоите, можете уделить мне минуту? – окликнул я его.

– Конечно, сын мой. С чем пришел ты в храм Божий? – повернувшись ко мне своей бородой, ответил священник.

Он добродушно, но как-то отстраненно посмотрел на меня, и его лицо приняло такое же выражение, которое я видел у него при общении со старушкой. Глаза отца Дмитрия полузакрылись, будто он впадал в некий транс и вызывал на связь Бога, чтобы быть в некотором роде почтальоном моих слов, а может, и рецензентом, кто его знает. Обширная грудь

батюшки мерно вздымалась, приподнимая и опуская серебряный крест, в котором отражались мерцающие свечи храма.

– Я внимаю, что у тебя есть сказать Богу? – глухо, почти не раскрывая рта, спросил он.

– Я э-э-э... м-м-м... У меня, как бы так выразиться, не очень стандартная ситуация... И даже не уверен, что у меня вопрос к Богу, может, скорее к вам...

– Ну-ну, сын мой, кстати, тебя как величать?

– Максим, – я было протянул руку для рукопожатия, но как-то вовремя спохватился и взял в узду свои обычные привычки, постаравшись скорректировать их с учетом места моего нахождения.

– А я – отец Димитрий. Ну вот мы и стали ближе друг к другу. Пойми, что я – уста Божьи на этой брэнной земле, и что говорю тебе я – говорит Бог моими устами. Ибо все мы создания Божьи, и жизнь в нас вдохнул сам Творец.

– Да... наверное, Бог мне ответит вашими устами. Просто знаете, очень уж нестандартный вопрос у меня к вам...

– Максим, поверь, за столько лет службы в церкви ко мне обращались очень разные люди с такими разными вопросами и проблемами, что хватило бы не на один десяток книг. Но верь мне, все уходило со светом Божьим в своем сердце, ибо только Он, кто над нами и бдит за нами, может дать то утешение душе, которое ищет она.

– Ну хорошо, отец Дмитрий, подскажите верное средство убить оборотня.

Глаза священнослужителя открылись полностью. Затем они округлились, и (я готов поклясться на любой иконе из тех, что висели рядом) в них бегущей строкой замелькало: «Сбой системы... сбой системы... сбой... системы...#*%!»

– Прости, как бишь тебя звать-то? Ах да, Максим, стар я стал, слух иногда подводит, еще раз повтори свою просьбу слуге Господа нашего.

– Отец Дмитрий, средство, чтобы убить, – тут я подошел ближе к его лицу и сказал, глядя на чей-то небесный лик, покоившийся на стене позади священника, – оборотня.

Возникла неловкая для меня пауза, во время которой отец Димитрий что-то, видимо, бормотал себе под нос, так как его губы находились в постоянном движении. И вот он изрек:

– А-а-а, понимаю, сын мой. Да, ты не первый, кто подходит ко мне с такими вопросами, не ты и последний. Максим, всех нас Бог создавал по образу и подобию своему. Но бывает, что человека обуревают желания, несвойственные творению рук Божьих. Когда ты чувствуешь, что ты волк среди мирно пасущейся паствы и... И ты видишь какую-нибудь нежную юную заблудшую овцу, и тебя одолевают чуждые твоему сердцу влечения...

Батюшка прижал ладонь к моей груди, то ли отстраняя меня, то ли пытаясь сдержать «одолевающие мое сердце влечения» внутри, посмотрел куда-то на своды храма, видимо, консультируясь с небесным советником. Затем, закрыв глаза и едва заметно покивав головой, продолжил:

– Ты как существо слабое поддаешься низким желаниям, недостойным венца творения Бога. Ты вдруг ощущаешь себя не на своем месте, отбившимся от стада. И вдруг ты подходишь к водоему, чтобы напиться, и видишь, что ты не смиренная овца, но волк в овечьей шкуре. И ты стоишь и не знаешь, что делать дальше. Так вот я скажу: необходимо убить оборотня в себе. Ты спросишь меня как, и я тебе отвечу: только молитвой и вопрошанием помощи у Бога будешь ты исцелен. И помни, каждый раз, как ты поддаешься своим недостойным желаниям, ты должен понести наказание. Обращайся к Богу, и Он укажет тебе путь к очищению. Ибо быть чистым и непорочным – наивысшее благо, к которому должен стремиться каждый раб Божий!

Начав в спокойном, увещательном тоне, отец Димитрий в продолжение своей речи распалился и раскраснелся и даже повысил голос, задрожавший при последних изречениях. Серебряный крест неистово колыхался на волнующейся груди батюшки и то озарялся светом отраженных свечей, то тускнел, теряя их непостоянное мерцание, и блестел холодным лоском неживого металла. А священник продолжал, не сбавляя темпа:

– Если ты чувствуешь слабость плоти и неуверенность в своих силах, знай, что есть место, где ты найдешь сочувствующие души, это место – храм Божий. Ты уже сделал первый шаг к осознанию своей греховной сущности, поэтому, сын мой, часть пути уже пройдена. Но помни, что никто, кро-

ме тебя, не может пройти дорогой искупления, мы все должны повторить страсти Христовы и преодолеть суровые испытания, которыми нас награждает Господь, чтобы привести свою паству ко вратам райским.

Отец Димитрий поднял глаза и раскрытые ладони к небу, я невольно тоже поднял голову. И мы некоторое время созерцали нежные изгибы купола. Не знаю, что пытался узреть там батюшка, а я силился услышать ответы на свои вопросы, ну или на крайний случай высмотреть врата рая. Святой отец, отведя взор от свода и положив руку на мое плечо, принялся наставлять дальше, пристально вглядываясь мне в лицо:

– Сын мой, как бы тяжело ни было тебе, обращайся с молитвой к Богу и прислушивайся, что Он тебе отвечает. Но будь бдителен, потому что часто свои речи за Божий глас выдает сам Сатана. И вот тут многим нужна помощь, чтобы распознать зло и не оступиться, а оступившись, искать искупления в исповеди. Для того Бог и поместил слуг своих в храм светлый, и эти слуги в лице святых отцов всегда готовы помочь своей пастве обрести свет в душе и убить то зло и даже того оборотня, что обитает в их нетленной душе, которая рвется вернуться в райские кущи и на пути которой так много соблазнов. Представь, что перед тобой уже высятся врата, ведущие в рай. Все, что нам нужно, – это сказать Петру: «Посмотри, мы жили, соблюдая святые заповеди, данные нам Богом». И Петр, взглянув на нас, не увидит лжи, а уви-

дит лишь свет, льющийся из глубин нашей чистой души. И возликует сердце его, что такие светлые люди вернулись к Отцу своему и никакая скверна не очернила их вечной души.

Священник торжественно возвел очи, и мне показалось: батюшка даже слегка увеличился в размерах. Он замолк, вероятно, чтобы словам удалось проникнуть в мою грешную душу и укорениться там. Но эта пауза предоставила мне возможность объяснить-таки еще раз цель МОЕГО визита:

– Отец Дмитрий, я, конечно, понимаю всю важность жизни по заповедям и что иначе я буду жариться в аду...

– Не просто жариться в аду! Твоя душа – единственное нетленное сокровище, дарованное нам Господом, будет страдать вечно.

– Да, это, безусловно, очень печальная перспектива, но мне бы хотелось вернуться на нашу грешную землю.

– Да, да, мы все очень и очень грешны. Молитва, Максим, только молитва и вера смогут помочь всем нам. Нужно верить в любой ситуации. Надо, надо сохранять веру в Бога, знать, что за твоей спиной не пусто, там стоит Он один, который в великой жертве даровал нам возможность спасения, даже самым грешным из нас. И то, что ты увидел оборотня, так сказать, это тоже явление великой силы Бога, которое отверзло тебе очи, и ты узрел свою темную часть души.

– Батюшка, я хотел сказать, что я видел настоящего оборотня, того, который похож на волка, только в тысячу раз отвратительнее и страшнее. И это было не в зеркале, поверьте

мне, это было ужасно.

Снова я прочел «сбой системы» в глазах слуги Господа, но потом в них появился огонь, батюшка отстранился, не порываясь еще раз коснуться меня. Он словно захлопнул пресловутые ворота рая, на этот раз разделявшие нас, и через зарешеченное окошко в этих воротах прозвучал, уже не в том благозвучном тоне, ответ:

– Вы, молодой человек, пришли поерничать в святое место, это не подобает христианину, да и любому порядочному человеку. Я настоятельно рекомендую вам вернуться, когда вы будете открыты для Бога. Знайте, что он одинаково любит всех своих детей.

– Но, отец Дмитрий, я правда видел оборотня! Поверьте мне, я в отчаянии, не знаю, что делать...

Он пожевал губами, поморгал зенками, скривился от натуги. Мне показалось, что я слышу скрип шестеренок у него в голове. И наконец батюшка молвил:

– Вы мне напомнили сейчас одного семинариста, с которым мне приходилось учиться. Он тоже, как вы, говорил об оборотнях, даже серьезно увлекался этим предметом, если мне не изменяет память. Кое-как учился, надо сказать, – это его «увлечение» точно не шло ему на пользу.

– Батюшка, а можете мне сказать, где найти этого вашего однокашника? – вдруг уцепился за соломинку я.

– Что ж, если вы такой же сумасшедший, как и он, – на лице отца Дмитрия явно отразилась презрительная гримас-

ка, но он совладал с собой, и лицо вернуло себе благопристойный вид, – я могу посмотреть, что для вас сделать.

– Это было бы просто великолепно! – искренне сказал я.

– Подождите тут, я, как что-то узнаю, вам скажу, – с этими словами священник поспешно пошел к двери и скрылся.

После полутора часов ожидания наконец он появился.

– Вот, – сказал отец Димитрий, протягивая бумажку, – это место, где сейчас работает отец Афанасий. Бог завещал помогать ближнему своему, я вот выполнил его завет, хотя, молодой человек, я бы еще рекомендовал обратиться и к специалистам тоже.

Он приблизил правую руку к виску и поднял указательный палец вверх, сделав им легкое круговое движение.

– Ну, вы поняли меня, – сказал батюшка, опустив руку и серьезно посмотрев мне в глаза. – А то кто знает? Пойдет ли вам на пользу разговор с отцом Афанасием? Ну да пути Господни неисповедимы. Идите с Богом.

– Спасибо большое! – ответил я, а священнослужитель осенил меня крестом, но, мне показалось, не довел это дело до конца, как-то смазал и, отмахнувшись от меня, пошел прочь.

Вернувшись домой и внутренне ликуя, что у меня появилась какая-то новая возможность почерпнуть жизненно важную информацию, я направился к компьютеру глянуть, где обитает отец Афанасий. Открыв карту и вбив название, я увидел, что деревня Край находится за тысячу с хвостиком

километров от меня. Я долго сидел перед картой и прикидывал, стоит ли овчинка выделки. Но после диспута с самим собой пришел к выводу, что других вариантов у меня все равно нет, и забронировал себе билет на поезд.

От ближайшего райцентра пришлось еще час ехать на автобусе. Это была одна из первых моделей электробусов, и я, привыкший к комфорту транспорта мегаполиса, тут остро чувствовал себя вернувшимся в прошлый век. Доехав до остановки, я поплелся в сторону церкви, где, как я предполагал, и следовало бы находиться отцу Афанасию. Дома, мимо которых я шел, да и сам храм не внушали доверия. «И как здесь люди живут? Спокойно ли им спать под покосившимися стенами и прогнувшимся потолком?» – невольно спрашивал я себя, глядя по сторонам. Некоторое время я тоскливо рассматривал вывалившийся кусок церковной кирпичной стены, забитый фанерой. Моя уверенность в успешности предприятия здесь таяла на глазах. Подойдя к двери храма, я дернул за ручку. Дверь не открылась, и я испытал неприятно накрывшее меня чувство дежавю. Но, вспомнив бабушку, решительно дернул другую половинку двери, однако и тут меня постигло разочарование: она все так же упорно не хотела открываться. Я стал стучаться и обдумывать пути отступления, благо ехал я на юг, и здесь было теплее, чем в моем родном городе. Так что околеть от холода на пороге церкви мне не грозило... по крайней мере, в ближайшем будущем. Я все сильнее и сильнее стучал и вдруг услышал голос изнутри. В

тот же миг в моей душе снова пробилась надежда.

– Кого нечистая принесла? Служба уже закончилась, – раздалось из-за двери.

– Отец Афанасий? – громко спросил в свою очередь я.

– Ну, положим и так, – отозвался человек, уже открывающий створку. – Зачем пожаловали, юноша?

– Мне ваш адрес дал отец Дмитрий.

Батюшка недоуменно похлопал глазам в ответ на мои разъяснения.

– Э-э... он сказал, что учился с вами в семинарии... – дополнил я.

Взор священника просветлел, но брови тут же нахмурились:

– Ну да, наверное, был такой засранец, прости господи.

Отец Афанасий перекрестился, посмотрев в сумеречное небо.

– Даже не представляю, с чем он мог направить вас сюда, ко мне, на край света, хе-хе. Ну да что ж мы на пороге-то стоим? Чай, не май месяц, проходи-ка внутрь, я пока уберу свечки, а потом мы ко мне пойдем. Ты, кстати, где ночевать-то будешь?

– Э-э-э... Я как-то не продумал этот момент. Наверное, в гостинице какой-нибудь...

– Ха-ха, насмешил, в гостинице... У нас-то... В глуши? Волков, что ли, на постой принимать? Ну даешь... Из столицы, что ли?

– Да, – неуверенно ответил я, не зная, как отец Афанасий отреагирует на этот раз.

– Понятно, привыкли к комфорту, гостиницы, отели там всякие... Ну да не будем о грустном, если не побрезгуешь, можешь в доме у меня остановиться.

Святой отец закрыл за мной дверь церкви, и мы оказались в мрачноватом помещении, освещаемом кое-где потрескивающими свечами да лампадками перед ликами святых. Эта церковь была значительно скромнее как по размерам, так и по убранству в сравнении с храмом отца Димитрия.

– Ну, рассказывай, как тебя зовут и зачем пожаловал в нашу глушь? Ко мне-то, хе-хе? Любопытно, черт возьми! Ой, прости господи за язык мой! – и отец Афанасий перекрестился.

– Меня зовут Максим, вот... – я замолчал в какой-то вязкой нерешительности, вспомнив, что мне говорил отец Димитрий про «специалиста». Мои колебания, порожденные сомнениями, оплетали меня словно плющ. Отец Афанасий какое-то время старательно убирал огарки свечей с подставок возле икон, а потом, понаблюдав за моими терзаниями, произнес:

– Это хорошо, Максим, а какое дело у тебя до меня есть-то? Ты не скрывай, Бог-то, Он все видит! От Него, сын мой, ничего не утаишь, да и мы с тобой тут одни, так что стесняться нечего. Бог – Он уже и так все знает, с чем ты пришел, а я, глядишь, и пособлю чем. Если ты только не онемел

вдруг, а? – и он повернулся проверить, так ли это, и подмигнул игривым глазом.

Эта игривость, словно разрубив какую-то скорлупу, сковавшую меня, как-то расположила к моему собеседнику, и я решился:

– Меня направил к вам отец Дмитрий, потому что я обратился к нему с очень специфичной просьбой. Отец Афанасий, я столкнулся лицом к лицу с оборотнем, и я должен его убить.

Реакция батюшки на мои слова была предсказуема и мало чем отличалась от оной у отца Димитрия. Священник снова повернулся ко мне и уставился с непонимающим выражением на лице.

– Да, да, вы не ослышались. Оборотня, реального оборотня. Я понимаю, это звучит дико...

– Тихо, тихо ты, – приложил к моим губам огарок свечи батюшка, и я ощутил тепло, исходящее то ли от воска, то ли от его рук. – Ишь, затараторил! Дай-ка взглянуть тебе в глаза, Максим.

Отец Афанасий, убрав свечку от моих губ, подался почти вплотную и искоса, чуть наклонив голову, стал вглядываться в зеркало моей души. Я приложил все свои силы, чтобы не отвернуться в эти несколько секунд, прошедших в напряжении для нас обоих. Не знаю, что он увидел в моих глазах, может, сам Господь явился ему в них, но священник кивнул и продолжил:

– Смотрю я на тебя, Максим, и кажется мне: не врешь ты, да резона большого тебе не было ехать к нам в такие дали, чтоб поерничать над скромным служителем Господа. Так что рассказывай свою историю, я тебе, может, и помогу. Отец Димитрий был прав, у меня есть кое-какие знания по вопросу, с которым ты пришел ко мне, я долгое время изучал его, ну пока меня не сослали вот сюда, на Край. Черт бы их всех побрал! Ой, прости господи... – и вновь святой отец осенил себя крестом. – Ну вот я вроде закончил, пойдем ко мне домой, а по дороге и за обедом ты мне все и расскажешь.

Так я и начал повествовать о своих злоключениях. В отдельные моменты священнослужитель останавливался, снова пристально вглядывался в мое лицо, но тут же опять говорил: «Ты продолжай, продолжай, я так, ничего...» Когда мы подошли к его дому, сложенному из цельных бревен, я закончил рассказывать о своей первой встрече с оборотнем. Батюшка открыл дверь и крикнул:

– Настасья Степановна, я с гостем! Найдется, чем покормить нас?

Из кухни нам навстречу вышла приятного вида женщина и сказала:

– Думаю, найдется, отец Афанасий. Но лучше бы вы заранее предупредили. Я бы пирогов напекла. Кстати, у нас дрова закончились, а электричество все никак не починят, вы бы накололи на всякий случай.

– О, Максим, вот и повод нам еще пообщаться без посто-

ронных ушей. Я сейчас, только переоденусь.

Отец Афанасий скрылся в комнате и через некоторое время вернулся в одежде, более подходящей для колки дров. Мы зашли за дом, к поленнице.

– Ты, Максим, продолжай, а мне тут заняться надо, – батюшка указал на поленницу. – Нет, нет, не предлагай помощь, я сам люблю это дело. Как-то, знаешь, чувствую себя настоящим мужчиной, занимаясь физическим трудом, ба-люю, так сказать, себя периодически.

Тут я обратил внимание, что отец Афанасий не был склонен к полноте, чем грешат многие, избравшие такую же стезю, как у него. Под курткой явно угадывалась мускулистая фигура человека, знакомого с физической работой и способного держать не только крест или кадило. Он вынул топор из-под навеса, ловко подкинув и закрутив левой рукой из-за спины, подхватил правой и молниеносно направил в стену дома, куда тот благополучно воткнулся. Отец Афанасий улыбнулся мне лукаво и сказал:

– Сам понимаешь, развлечений тут немного, поэтому веселимся как можем.

– Это... это впечатляет, – искренне восхитился я ловкости батюшки.

Пока святой отец колот дрова, я продолжал рассказывать ему свою историю. Закончив работу, он попросил меня помочь – прихватить дров, и мы направились домой к ожидающей нас хозяйке.

Когда мы пришли и, раздевшись, сели за стол, священник сказал своей супруге:

– Ты, матушка, оставь нас одних и дверку прикрой, а сама займись своими делами, али в гости сходи.

– Хорошо, отец Афанасий, приятного вам аппетита, – с этими словами матушка Анастасия скрылась из комнаты, тихонько притворив за собой дверь.

– Ну, давай поедим, а потом уж и дорасскажешь свою историю, – предложил отец Афанасий и, перекрестив еду и прочитав молитву, принялся кушать, ну и я последовал его примеру.

После трапезы я закончил свой рассказ, и мы погрузились в мрачные раздумья.

Мои надежды стали осыпаться словно перезрелые яблоки с дерева моих ожиданий. И с каждой секундой меня все больше начинало окутывать туманом отчаяния. Я закрыл лицо руками и попытался собраться с мыслями. Что же мне дальше делать, если и тут мне не помогут?

– Максим, так ты говоришь, что и серебро, и святую воду использовал?

– Да, – упадническим голосом отозвался я.

– И говоришь, он даже ухом не повел, когда ты прыснул на него святой водой?

– Да.

– И от серебра был тот же нулевой эффект?

– К сожалению, да. Никакого эффекта.

– Хм... – отец Афанасий задумался, поглаживая правой рукой бороду и разглядывая мрак за окном, затем озадаченно произнес: – Эти два средства описывались во всех тех книгах, которые мне удалось собрать по данной тематике.

Мрачная складка залегла на лбу священника, и он снова углубился в размышления.

– Знаешь что? Утро вечера мудренее, как говорят у нас в деревне. Как я и сказал, Максим, можешь заночевать у нас. А я тем временем посмотрю, что есть в моих книгах, может, чего полезного и найду.

– Спасибо, отец Афанасий, я постараюсь завтра как можно раньше уехать, чтобы не стеснять вас с матушкой. Видимо, не судьба мне найти способ убить этого монстра.

Промаявшись тяжелыми думами до самой ночи, я все-таки провалился под хрупкий лед сновидений, несмотря на пристальное наблюдение всех святых, что сурово взирали на меня буквально со всех сторон. На каждой стене комнаты висела икона, а зачастую и не одна.

Мне приснилось, что я лежу в каком-то помещении, выложенном плиткой черного цвета. Царит пронзительная тишина, готовая разорваться лопнувшей струной. Я начинаю осматриваться. Комнату заливают свет, идущий от потолка. Весь потолок – это одна большущая лампа, рассыпающая солью едкий свет по помещению. Я понимаю, что мне надоело лежать, и я хочу встать. Пытаюсь, но чувствую, что мои руки и ноги связаны. Приподняв голову, я вижу, что пристег-

нут к койке и руки расставлены в стороны, будто я распят. Я думаю: «Это больница. Мне хотят помочь». Мне почему-то очень жарко, я верчу головой в надежде увидеть окно. Но замечаю только ровные бесконечные клетки черной плитки.

Вдруг часть стены отъезжает в сторону, из света начинают появляться тени, на этот свет, льющийся из двери, больно смотреть. Входят несколько фигур, и дверь закрывается, отсекая жгучий свет. Я вглядываюсь в эти силуэты и вижу, что их пять. Они одеты в белые балахоны, их лица скрывают медицинские маски. Но тут до меня доходит, что эти маски обтягивают не человеческие лица, а вытянутые собачьи (а может... может быть, волчьи) морды, и над масками горят три красных глаза. Эти существа встают двое у моих ног, двое у рук и один у головы. Я пытаюсь спросить: «Что происходит? Где я?» Но ватная тишина наполняет помещение, а возможно, и мои легкие, так как мой открывающийся рот не издает ни звука.

Через некоторое время существа все как один обнажают свои конечности. Но что это за конечности? Это подобие человеческой руки, оканчивающейся толстой иглой, больше напоминающей гвоздь. И глаза фигур вдруг становятся ярче и начинают пульсировать, свет постепенно затухает, а они поднимают свои мерзкие конечности-иглы, я буквально физически чувствую, как сокращается расстояние между моим телом и жуткими инструментами. Еще мгновение, и пять молний пронзают мне руки, ноги и голову. Я чувствую,

как мои связки разрываются от немого крика, затоптанного ненасытной тишиной. Места, где в меня входят иглы, заполняет холод – жгучий, безнадежный холод. И глаза... эти глаза пульсируют в такт этому пожирающему холоду и хохочущей тишине.

Я не сразу просыпаюсь от этого тяжелого сна, он будто не хочет отпускать меня. Но серое утро за окном – какой-никакой помощник мне, и я таки вынырываю из своего кошмара. Чтобы встретиться глазами с полным скорби взглядом смотрящего на меня с иконы святого. Я спешно поднимаюсь с кровати, сажусь, зажав переносицу между пальцами рук, и в очередной раз возвращаюсь к мысли о безрезультатности моей поездки сюда.

В комнате, где я спал, царила та особая уютная атмосфера, знакомая каждому, кто проводил когда-либо лето в деревне, навевающая множество воспоминаний из детства... Затертый коврик над кроватью, натянутый на гвоздики, с наивным изображением лебедей, собак, прудика. Громко тикающие часы на стене с благодарственной надписью «Участнику ВОВ...». Интересно, откуда они здесь? Неужели отца Афанасия? Большая печь, аккуратно побеленная и облицованная нежно-голубой плиткой, а в каждом квадратике приклеена трогательная бабочка. Кто-то из детей или внуков постарался, а может, жена Афанасия? В центре комнаты, на почетном месте стоит трехстворчатое трюмо, в котором множество раз отражается большая ваза с огромным букетом искусствен-

ных цветов. Цветы все непростые: нежные тканевые розы, лилии из папье-маше и совсем загадочные из разукрашенных перьев... Видимо, хозяева не были подвержены пред-
рассудку, мол, место искусственных цветов только на клад-
бище. Кружевные салфеточки на всех горизонтальных по-
верхностях, в точности как у моей бабушки. И стеклянные
статуэтки на самые неожиданные темы: здесь были и олени в
разных позах, и семья волков, и девочка, надевающая конь-
ки, и, конечно же, бюст Ленина, куда же без него? Даже за-
пах, тот особенный запах фиалок, лаванды и варенья, каза-
лось, был знаком мне с самого детства.

Обстановка умиротворяла, неприятные впечатления по-
сле отвратительного сна сглаживались и уже казались не
столь ужасными, как при пробуждении. В окно заглядывали
ветви яблони, сплошь усыпанные мелкими зелеными, навер-
няка кислыми яблоками. Такие вот яблоки в детстве поеда-
лись с огромным энтузиазмом в большом количестве, даже
язык начинало щипать... Да что ж меня так и тянет сегодня
поностальгировать? Услышав, что на кухне гремит хозяйка,
я оделся и пошел по естественной нужде. Проходя мимо кух-
ни, увидел, что хозяева уже встали. Я поприветствовал их:

– Доброе утро, отец Афанасий, матушка Анастасия.

– И вам доброе утро, – оторвался от книжки святой отец,
а ему вторила супруга.

Матушка Анастасия была пухленькой пожилой женщи-
ной с копной седых волос, небрежно собранных в пучок.

Она не особенно суетилась по хозяйству, как можно было бы ожидать от жены священника. Тихо беседуя о чем-то с мужем, матушка Анастасия улыбалась, хитро и снисходительно поглядывала на него, пухленькие, как и она вся, ручки были сложены перед ней на столе и находились в совершенном покое. Было видно, что женщина так может просидеть очень и очень долго и при этом будет чувствовать себя абсолютно комфортно.

– Что, плохой сон? – осведомился священник.

– С чего вы взяли? – сказал я, остановившись на полдороги.

– Да вы, Максим, так стонали, что мы с матушкой уж подумывали вас разбудить. Но я прочитал молитву, и вы вроде затихли.

– Да... спасибо... за молитву... она, может, и вправду помогла... сон был... да ну его, вспоминать не хочется, – хмуро отмахнулся я и продолжил свой путь, а затем вернулся на кухню к хозяевам.

Отец Афанасий был с красными глазами и синяками под глазами, что заставило меня насторожиться. Священник, видимо, прочитав мое волнение на лице, усмехнулся и сказал:

– Да, я сегодня маловато спал, все думал, чем вам помочь, перебирал в памяти книги, перечитал кое-что. Но давайте об этом после завтрака.

– Хорошо, как скажете, – ответил я, силясь понять по его лицу – есть ли надежда, но святой отец начал читать молит-

ву, и после мы сели завтракать.

Откушав, батюшка предложил пойти подышать свежим воздухом. И уже на улице сказал мне:

– Максим, обнадежить вас особо нечем. Вот единственное, что мне удалось найти нового. Один монах во времена, когда по округе свирепствовала чума, написал эту вещь. Не знаю, поможет ли она вам и насколько точно мне удалось перевести с латыни, но вот, держите. – и он передал мне свернутый лист.

На нем было написано следующее:

//От оборотня мир спасти решив,
//Все известные средства испытав,
//Ища того, что зверя в прах вернет,
//Неравный бой несчетный раз ведя,
//Ты помни, что ответ дает
//Лишь при смерти дитя.

– И что это значит? – недоуменно спросил я.

– А черт его знает. Прости господи, – священник перекрестился. – Не я ж эту муть писал. Но это единственное, что я нашел помимо использованных тобой способов, так что держай, Максим. Верь в себя и Бога. Кто знает, может, тебе удастся проникнуть в суть сказанного здесь? А мне пора в церковь: как говорится, есть работа, которую за тебя никто не сделает. И да поможет тебе Господь.

– Спасибо, отец Афанасий. Вы сделали, что смогли. Теперь дело за мной. Как вы там говорите? Пути Господни неисповедимы? Поживем – увидим. Еще раз спасибо.

– Прощай, Максим, я буду молиться за тебя.

И я, забрав свои вещи из дома, прошел с батюшкой часть дороги, затем он свернул к церкви, а я к остановке. Так наши пути разминулись.

Отец Афанасий меж тем шел и размышлял: «Правильно ли я сделал, что дал ему эту бумагу? Ведь монаха же потом все его современники считали сумасшедшим. С другой стороны, в рассказ Максима тоже трудно поверить. Ох, как тяжело. А вдруг клин клином? И один душевнобольной из глубины веков поможет другому, из наших дней...»

На самом выходе из деревни из прорехи в заборе выскочила на дорогу собака: столь неожиданное явление заставило меня замереть в надежде, что псина, побрехав маленько, свалит по своим собачьим делам. Однако гадина и не думала уходить, наоборот, злобно зарычав и оскалившись, медленно, выверяя каждый шаг и не сводя налитых кровью глаз с меня, приближалась. Время от времени клацая зубами, она делала рвущее движение мордой. Ситуация становилась все более угрожающей. Вдруг, осмелев, псина бросилась вперед, в атаку. Растерявшись и не зная, что делать, я принял устойчивую позу, уперев правую ногу в твердь дороги, инстинктивно приготовился держать удар. Понятия не имею как, но, видимо, сработало какое-то древнее шестое

чувство: моя правая рука, вынырнув откуда-то из-за плеча, неожиданно для меня, но что самое главное – для атакующей бестии, понеслась навстречу ее морде. Миг – и раздался отвратительный хруст, за которым немедленно последовал пронзительный визг. Псина, пролетев слева от меня, рухнула посреди дороги, продолжая поскуливать и теревить лапами свою морду, которая обливалась кровью. Сердце бешено колотилось, угрожая вырваться из гнетущей клетки, и некоторое время я продолжал пристально следить за каждым движением поверженной, чтобы в случае чего принять оперативные меры. Вскоре я успокоился, в последний раз взглянул с упреком и некоторой жалостью на подвывающую псину. Плюнул, злясь и на нее, и на себя, но все же решил, что сама виновата, да и, как известно, на собаке все быстро заживает. Побрел было дальше к остановке. Внезапно из-за угла вырвалась свора собак: я не успел испугаться этой толпы, как псы с гвалтом пронеслись мимо – к той, что валялась поверженная на дороге, и скучковались вокруг. Я умилился собачьей преданности: товарища только что сразили, и на помощь высыпала «вся королевская рать». Одна из собак подошла и лизнула живот поверженной. «Как славно, какая забота о ближнем!» – пронеслось у меня в голове. Но вдруг лизнувшая собака вонзила клыки в трепещущее брюхо и, резко дернув головой, вырвала шмат кровоточащей плоти. Раненая бедняжка пронзительно и жалобно заскулила и конвульсивно задергала ножкой, пытаясь отогнать адскую боль.

Я растерянно огляделся по сторонам, и тут мой взгляд зацепился за толстую палку, лежащую неподалеку. Я бросился к ней и, подняв, швырнул в шумную свору, чтобы отогнать их от покалеченной собаки. Палка метко пришлась прямо в туловища двух собак, они взвизгнули и отскочили на пару метров. Но здоровенная черная псина, которая вырвала первый кусок плоти, развернула ко мне свою окровавленную морду и страшно оскалилась. Затем зарычала и, богом клянусь, мне показалось, прошипела: «Пош-ш-ш-шел!» Тут вся свора разом повернулась в мою сторону, шагнула на меня и угрожающе залаяла. Прикинув свои шансы против целой оравы, я счел благоразумным ретироваться подобру-поздорову, предоставив править бал естественному отбору. Развернувшись, я постарался как можно быстрее добраться до остановки. Немного погодя жалобный визг страдальницы прекратился, и мне стало чуточку легче, хотя у меня в ушах еще долго стоял звук утробного рычания той черной псины.

Спустя непродолжительное время автобус увозил меня от трагического инцидента, и я, переключившись на насущные вопросы, сидел и напряженно думал, что же хотел сказать своим стихотворением неизвестный монах. Иногда пробегал глазами загадочные строки, смотрел в окно на мелькавший пейзаж. Непроходимые леса сменялись полями, а те изредка прерывались деревнями, и мой взор равнодушно скользил то по одному, то по другому, периодически цепляясь за рекламу на редких билбордах вдоль трассы. Коттеджи, маши-

ны, квартиры порой разбавлялись предупреждениями о безопасном вождении или информацией о том, что хоспис помогает сделать последние шаги к вечности. Этот билборд особенно зацепил меня, мои мысли переключились, и я начал размышлять о том, как кто-то чужой может помочь тебе принять скорую кончину. Какой-то бессмысленной казалась сама идея помогать жить, когда перед твоим носом маячит смерть. По телевизору редко, но показывали сюжеты о хосписах. Старикам, наверное, было проще смириться с фактом своего грядущего ухода в небытие, но ведь показывали и молодых людей, и даже детей. Дети!

Тут меня осенило: «Если там есть дети, то они неизлечимо больны, то есть „при смерти дитя“. Неужели, неужели в этих древних строчках монаха был все-таки смысл?!» Я ухватился за эту соломинку, как за свою последнюю надежду, но постепенно сон одолел меня, и я блаженно проспал до самого конца маршрута.

Следующим утром я выдвинулся в направлении хосписа, который выбрал накануне вечером случайным образом из списка, услужливо предоставленного мне всезнающим интернетом. Я зачем-то положил себе в карман листок со старинными виршами и со смешанным чувством надежды и отчаяния покинул квартиру.

Хоспис меня встретил веселеньким фасадом с обилием разных цветов в его палитре. Само здание было двухэтаж-

ным, ничем не примечательным. Подойдя к главному крыльцу, я с трепетом вошел в эту обитель скорби. Раздевшись, натянув бахилы, я стал медленно блуждать по коридорам, почему-то стараясь ступать как можно тише. Попадавшиеся мне навстречу врачи, медсестры, пациенты – все ходили хмурые, тем неожиданней звучал пронзительный детский смех или возглас удивления. Я старался не заглядывать в палаты и просто шел, шел, не зная куда и зачем.

Из-за поворота выскочила маленькая девочка, на голове которой была надета шапочка с двумя торчащими кошачьими ушками. Под шапочкой виднелось бледненькое личико, которое светилось улыбкой, переполнявшей рот и струившейся из широко раскрытых глаз.

– Привет, я Зина! – выпалила с ходу девчужка, ошарашив меня.

– Привет, а я Макс, – ответил я и замолчал, не зная, что говорить дальше. Но оказалось, что это и не нужно. Девчужка принялась с жаром рассказывать мне все последние новости о ее друзьях и подругах: кому что принесли, подарили, что посмотрели и во что играли.

Из палаты донеслось вялое: «Зиночка, не приставай к дяде». Но я сказал, что все нормально, а Зиночка даже не обратила внимания на эту реплику. Поток слов лился из ее бледно-розового ротика, по силе сравнимый с цунами.

– Ну ладно, Максим, я пошла заниматься своими делами, – с серьезным видом, видимо, сообщив мне все, что хо-

тела, заявила девчужка.

И тут я вспомнил о своем «деле».

– Слушай, Зиночка, у меня есть загадка. Хочешь послушать?

– Конечно, да! – лицо маленькой пациентки осветилось улыбкой.

– Что может убить оборотня?

– Смех, – ни секунды не раздумывая, ответила та. – Вот такой, – и залилась радостным смехом.

– Правильно, – только и смог выдохнуть я.

А Зина развернулась и начала подпрыгивать, удаляясь от меня. Потом резко развернулась, улыбнулась во весь рот и дополнительно прочертила пальцами улыбку, будто бы я не заметил. И тут ножки ее подкосились, она упала ничком на пол, и в тот же момент из палаты раздался крик: «Врача!» Выбежала женщина, рухнула на колени перед малышкой, схватила ее безвольную ручку в свои трясущиеся и начала что-то говорить, поглаживая девочку, пытаясь сдержать слезы и говорить спокойным, не дрожащим голосом. Сейчас же послышался звук бегущих ног, мимо меня пронеслись сотрудники медучреждения. А я стоял ошарашенный, у меня на губах увяла, словно забытый цветок, та самая улыбка, которая перепорхнула от Зиночки ко мне за мгновение до ее падения. Ее окружили люди, но я успел заметить, как девочка кашлянула и из ее рта вылетели малюсенькие капельки крови, они медленно взлетели, рассыпаясь на искрящие-

ся бисеринки, я мог поклясться, что видел в каждой из них свое шокированное отражение, и затем так же неспешно эти красные пылинки осели на бледненькое личико.

Я был не в силах ни помочь, ни смотреть на это, поэтому удрученно побрел в противоположном направлении. Перед глазами стояла девчушка, прочерчивающая улыбку на своем и так улыбающемся лице.

В эту ночь мне опять снились кошмары, но утренний выпуск новостей ввел меня в ступор: сообщений о новых жертвах не было. Я выключил телевизор, однако тревога, вцепившись в меня стальными зубами, не отпускала, а все сильнее давила и давила до глубокой ночи, когда сон таки накрыл меня. Но уж лучше бы он не накрывал: мне снова явились ужасные сны. И вновь мой некогда верный информатор-телевизор утром не поведал ничего о новых преступлениях. Вот тут мне стало по-настоящему жутко, ведь теперь эти кошмары начали мучить меня каждый день, независимо от того, было ли совершено убийство. Ловушка безумия, в которую я попал, принялась смыкать свои стены с удвоенной скоростью. «Мне необходимо действовать», – решил я, со злобой выключая телик, и пошел готовиться к очередной слежке за курьером Глебом.

Я обнаружил свой объект возле офиса курьерской фирмы и последовал за ним, держа в поле зрения. Меня одолевали сомнения в связи с моими повторяющимися кошмарами. Поможет ли мне, если я расправлюсь с оборотнем? А

может быть, я уже сошел с ума и вообще лежу где-нибудь в больничке? Погруженный в такие думы, я спустился в метро вслед за Глебом, и мы покатались некоторое время, пока не вышли на одной из станций. Глеб уже приблизился к эскалатору, как вдруг находившаяся рядом с полицейским-кинологом овчарка зарычала и двинулась на меня. Я осознал, что что-то пошло не так, когда меня уже скручивали brave сотрудники полиции, прижав лицом к полу. А кинолог еле удерживал свою подопечную, отчаянно лающую и периодически злобно скалящуюся на меня.

Не знаю, видел ли Глеб все то унижение, которое вылилось на меня словно ведро помоев в захолустном городишке из незаметненького окошечка, буквально секунду назад закрытого. Но меня почему-то Глеб в данный момент волновал меньше всего.

Словно преступника меня конвоировали через всю станцию, полную любопытных и порицающих глаз, качающихся голов и ехидных ухмылок. Завели в помещение через двери с надписью «Полиция», втиснули в комнату, где и стали досматривать. Через полчаса унизительного досмотра и расспросов полицейский, избегая смотреть мне в глаза, неловко извинился:

– Прошу прощения, гражданин Гусев. Вы понимаете, раньше с собакой такого не бывало, и мы вполне обоснованно посчитали, что у вас есть при себе запрещенные вещества. Я прошу вас не делать из-за этого досадного случая шумиху.

Уверяю вас, что все виновные понесут наказание.

– Угу, – невнятно произнес я, не желая хоть на мгновение затягивать эту унижительную ситуацию, яростно толкнул дверь и вышел на волю.

Через какое-то время я понял, что иду бесцельно куда-то, пытаюсь выбить злобу из себя резкими, быстрыми шагами, а еще пришло осознание, что я упустил Глеба. Мой гнев мигом сошел на нет и сменился отчаянием: «Что если он уже увидел свою роковую надпись? Ну вот как мне теперь это узнать?»

Я решил вернуться к метро, рассчитывая на удачу. Вдруг я случайно наткнулся на курьера? Шансов мало, но какой у меня есть выбор?

Через некоторое время я понял, что выбор есть – просто дождаться следующего дня и снова следить за Глебом, но уже держась подальше от доблестных парней с их чуткими собаками. Иронично сделал себе пометку в списке дел на завтра. Это решение привнесло струю какого-то относительного спокойствия в мое состояние, и я неспешно спустился в переход. Там прямо передо мной под моргающей лампой красовалась ставшая уже ненавистной призывная надпись – «Будь собой!». Я подумал, что где-то на подсознательном уровне давно уже ждал этого. Я с ненавистью глядел на опостылевшие граффити, и тут на меня снизошло озарение: «А что если мне самому привести Глеба к надписи? Тогда я буду точно знать следующее место убийства. И я стану той жертвой, на которую клонет оборотень. И смогу покончить

с ним, не подвергнув страшной, смертельной опасности других, или...» Никаких или! План готов.

Судорожно уцепившись за эту идею, я вышел на улицу и стал искать в телефоне номер курьерской службы. «Нашел. Так, теперь мне нужно вспомнить фамилию Глеба. Как, черт побери, его? Сретенский? Смольненский? Рубинский? Вот дерьмо! Макс, ну же, соберись!» – бормотал я себе под нос, тщетно пытаюсь выудить из озера памяти правильную фамилию курьера. Я стал бродить по кромке тротуара, не очищенного от снега, который смачно похрустывал под ногами, стараясь думать о снеге, о том, какой он белый, пушистый, скрипучий, как серебрится на солнце. «Вот оно!» – наконец осенило меня. Вцепившись в фамилию мертвой ментальной хваткой, я бросился к телефону и стал набирать номер курьерской службы «Гермес+».

– Здравствуйте, чем могу помочь? – ответила девушка после нескольких длинных гудков.

– Я хотел бы вызвать курьера, и чтобы им был Глеб Сребринский. Мне очень срочно. Я сейчас... Можете проверить? Он сможет попасть ко мне сегодня? Вы бы меня чрезвычайно спасли.

Я надеялся, что мой голос достаточно пропитался убедительностью и проникновенностью, которые выжало из себя мое неискушенное актерское альтер эго. И мои слова все-таки тронули душу девушки-оператора: она заговорила более мягким тоном:

– Вы знаете, спасение – мое второе имя. Давайте я позволю Глебу, спрошу, что мы можем для вас сделать. Повисите пока на трубке, – и голос девушки заменила какая-то знакомая мелодия, которая быстро начала меня убаюкивать. – Вы знаете, – внезапно обратилась ко мне оператор, сменив своим вопросом «колыбельную», – сегодня, наверное, ваш день. Глеб как раз неподалеку от вас. Единственное – за срочность у нас повышенная ставка на услуги, сами понимаете, вы внезапно позвонили и...

– Да, да, я понимаю, меня это устраивает, – бесцеремонно перебил я девушку. И сразу пожалел об этом, ведь она как никак помогла мне, поэтому я поспешил извиниться: – Простите мою резкость, я взволнован сейчас, передайте, пожалуйста, Глебу, что я жду его.

– Хорошо, всего доброго.

– И вам того же.

Связь между нами прервалась. А я как-то спонтанно подумал: «Вот если бы все фирмы были так клиентоориентированы».

Купив в ближайшем магазине открытку, чтобы мой вызов не выглядел совсем уж глупым и бессмысленным, я стал ждать звонка Глеба.

Через полчаса телефон зазвонил, и я услышал уже знакомые мне интонации.

– Здравствуйте, я курьер, фирма «Гермес+», – вяло произнес Глеб. – Мне оператор сообщила адрес, но ни подъезд,

ни квартиру не назвала.

– Да-да, я встречу вас на улице, подходите к переходу. Вот, я рукой машу.

Желтое пятно, выделявшееся на фоне белого города, помахало в ответ и пошло мне навстречу. Через некоторое время пятно превратилось в унылую фигуру Глеба, смотрящего куда-то себе под ноги.

– Пройдемте туда – в переход, там не так холодно, – как можно более буднично предложил я.

– Хорошо, как скажете, – совершенно без каких-либо эмоций пробубнил Глеб.

Словно забитая собачка, идущая за своим тираном, курьер проследовал за мной. Мы спустились по лестнице, и туалетка в моей груди начала набирать обороты: заветное место было все ближе. Не успел я пройти мимо граффити, как шаги позади меня стихли – Глеб остановился вместе со стуком моего сердца. Я обернулся. Он уже пялился на надпись, впад в ступор.

Я смотрел на Глеба и силился понять, что же с ним происходит. Я, наверное, ожидал увидеть закатившиеся глаза, ну или, на худой конец, пену изо рта. Но нет, вот он стоит, будто глубоко озадаченный смыслом написанного на стене: «Будь собой!» «Да уж, глубина!» – так же неспешно отбивает телеграфная лента у меня в голове. Вдруг мне показалось, что тень курьера на стене покачнулась, зашевелилась. Мои глаза, как шарики для пинг-понга, метнулись к Глебу. Нет, стоит

и не движется, ему б еще слюнку пустить для полноты картины. Я снова взглянул на тень: она ширилась и приобретала очертания зверя, а там, где только что были очертания головы человека, появилась мерзкая морда. Нужно было убедиться, что все это происходит только на стене, и я опять посмотрел на Глеба. В тот же миг я почувствовал, будто из меня поездом, мчащимся сквозь, вышибло все внутренности, и я стал какой-то пустой оболочкой, в которой не колотилось даже сердце. Но факт оставался фактом: прорвав голову курьера, словно бумажную обертку, наружу не спеша вылуплялась морда монстра. Где-то внутри меня разок несмело трепыхнулось сердце, а чудище медленно повернулось ко мне и разинуло свою пасть. Откуда-то сбоку мотающийся разорванный рот Глеба начал издавать невнятные звуки, и в тот момент, когда я понял, что это смех, пасть оборотня сомкнулась на моей шее. Дальше была тьма, одна только беспросветная тьма.

А потом я открыл глаза и невольно потрогал шею. К моему огромному облегчению, она была на месте и целехонька. От жуткого видения меня передернуло, и я вспомнил, что надо дышать, сердце гулко забарабанило по ребрам.

Глеб вздрогнул и подошел ко мне как ни в чем не бывало. Я попытался взять с него пример и сделать вид, что ничего не случилось. Я жду его, «примус починая». Я смотрел на парня, он же – куда-то за мою спину. А через несколько секунд Глеб произнес:

– Я вообще-то здесь по делу.

– А-а-а-а, ну да, – выиграл время, взяв инициативу на себя, мой рот, пока я соображал, что же надо делать дальше... Вспомнил! И начал судорожно рыться в карманах в поисках открытки, Глеб же достал свой курьерский пакет. Я вложил туда открытку. Сказал ему свой домашний адрес, дав указания, что, если дома никого не будет, пакет нужно оставить в почтовом ящике.

Приняв от меня оплату своих неоценимых услуг, Глеб потащился дальше. Я же стоял еще некоторое время, снова и снова пробегал глазами надпись граффити и размышлял: «Что, на хрен, здесь произошло? И понял ли что-нибудь Глеб? Знает ли он, что я скоро встречу с ним или тем оборотнем, кем бы он ни приходился ему? Почему он не сожрал меня здесь и сейчас? Почему вместо этого прокрутил передо мной эпизод из фильма ужасов?»

Я шел по дороге, погруженный в свои мысли. «Мне обязательно нужно быть на месте раньше очередного случайного прохожего. Все преступления совершались после полуночи, так сообщали по телику, значит, время до двенадцати у меня есть», – заключил я, перебрав в голове все произошедшее со мной за последнее время.

Я подходил к пешеходному переходу, но мой взгляд был прикован к противоположной стороне дороги. Там сидела белая собака, ее язык вывалился из пасти, и оттуда исходили затейливые облачка пара, растворявшиеся в морозном го-

родском воздухе над головой псины. Казалось, она заинтересованно следила за чем-то. За чем может наблюдать собака? У нее в голове одна мысль – пожрать да... И еще эти облачка пара... Это было что-то удивительное, такие фантастические формы. Псина начала лаять, но этот лай был похож на смех. «Смех... Этот смех я уже слышал где-то», – всплыла мысль и потонула в облачках.

«А все же – куда она так пристально смотрит?» – не унимался зудящий червячок в моей голове, и я таки поддался ему: интересно ведь.

Я попытался проследить, куда направлен взгляд собаки, и за мгновение до того, как полностью повернул голову, во мне уже сработал инстинкт: я попятился от чего-то темного, приближающегося ко мне на большой скорости, едва успев уловить это что-то боковым зрением.

Моя левая нога предательски скользнула по ледяной корке, и я стал заваливаться назад, выбросив правую ногу вперед в обреченной на провал попытке удержать равновесие. В тот же миг я почувствовал резкую боль от соприкосновения этой самой правой ноги с чем-то твердым, мимо пронеслось что-то темно-зеленое и разразилось бранью: «Ты, блядь, слепой прид...» Потом это что-то зеленое, ругающееся унеслось за пределы слышимости, и я остался наедине с пульсирующей болью в ноге. Белая псина как ни в чем не бывало бежала по своим собачьим делам, по пути обнюхивая какой-нибудь предмет и, видимо, сочтя место приемлемым, поднимая но-

гу. Я пристально проследил, как она исчезала, и даже как-то отвлекся от боли. В реальность меня вернул старичок, который махал перед моим лицом перчаткой, снятой с его сморщенной руки. «Зачем я смотрю на эту руку?» – совершенно невпопад подумал я.

– Эй, э-э-эй, парень, с тобой все в порядке? – прошеле-стел, едва перекрывая шум дороги, старческий голос.

Я перевел взгляд на источник звуков.

У дедка все зубы были на месте, мне почему-то это показалось очень неуместным.

– Че, тебе по башке задел, да? – сощурился старик, вглядываясь в мое лицо. – Вот гнида, и свалил! Эх, где мои молодые годы и мое орлиное зрение? Я даже в этих сумерках и номера-то не разглядел. А ты? Тебе помочь? Может, скорую вызвать? Или, может, полицию, чтоб его, собаку, поймали!

– Собаку... Вы сказали – собаку... Вон там была собака, – промямлил я, вяло махнув рукой в сторону, куда убежала псина.

Мы с дедком оба усталились друг на друга, пытаюсь понять, что вообще происходит, мать его.

– Тебя как звать? – дедок первый начал говорить после затянувшейся паузы.

– Макс, звали Макс, – не отдавая себе отчет, добавил я о себе в прошедшем времени.

– Ну, ты это, как себя чувствуешь-то?

– Почему у меня нога болит? – зачем-то спросил я дедка, и

боль, словно обрадовавшись, что про нее вспомнили, взялась за меня с удвоенной силой.

– Нога – ничего, заживет. Это... Нигде больше не ушибся? А то разговариваешь как-то странно.

– Не, нормально.

– Это самое... Ну как это... Может, тебе в травмпункт? Помочь?

– Да не... Спасибо вам.

Подошла еще женщина, посмотрела, спросила почему-то у дедка: «Вам помочь?» – и, не дождавшись ответа, засеменяла через дорогу, пошуршивая пакетами с покупками.

Дед протянул мне руку, помог встать. Я вскочил на здоровую левую ногу. Хорошо, что я занимался футболом и могу прыгать на одной ноге долго. Я улыбнулся сам себе. Старичок с тревогой взглянул на меня.

– Спасибо вам, вроде стоять и прыгать могу – доковыляю как-нибудь. Мне тут недалеко уже.

– Ну, как скажешь, па... Максим, – старичок улыбнулся. – А тому уроду – чтоб ему пусто было.

И я поковылял, осторожно подволакивая ступню. Дома, оценив масштаб проблемы, я порадовался, что все не так плохо. Ногу я чувствовал, но она начала потихоньку опухать. «Наверное, он меня зеркалом шибанул: если бы приложил всем корпусом, боюсь, не любовался бы я сейчас моей прекрасной костяной ногой», – так думал я, разглядывая отекающую конечность.

«Но хер тебе, я все равно приду, слышишь, ты, ублюдок!» – злобно прокричал я куда-то в потолок. Ну а куда еще было кричать, если мерзкой твари не было поблизости? Я почему-то не сомневался, что это оборотень все устроил каким-то образом.

«Ну ничего, ночью поглядим еще, кто сильнее», – сквозь стиснутые зубы проговорил я, дойдя до какой-то отчаянной уверенности в собственной непобедимости. Может, конечно, это кошмары и волнение привели меня на грань истерики, не знаю, но мне и не хотелось думать о причинах. Я видел цель, и там была лишь смерть. «Или он, или... он, он, он», – скрежетал я зубами и рылся в аптечке в поисках обезболивающего и бинтов. Потом завалился в кровать, поставив будильник на двадцать два ноль-ноль. Стал уговаривать себя заснуть, ведь мама меня в детстве учила, что сон – лучшее лекарство. Но пока я лежал и думал, растаял лед и прозвонил будильник. Я попробовал подвигать ногой – вроде ничего, работает. Прохромал к двери, еще раз порепетировал смех, над которым трудился накануне несколько часов. Убедился в том, что во мне умер великолепный актер. Ха-ха, наверняка... Мой хохот, как мне казалось, выходил очень натурально! Даже соседи весело стучали по батарее, подбадривая меня, мол, еще, еще! И я, вжившись в роль, не обманывал их надежд, одаривая очередной порцией залиvistого смеха. Наконец я вышел на свое ночное randevu, сказав напоследок отражению в зеркале: «Ты сможешь, ты сможешь, несмотря

на эти впавшие, лихорадочно сверкающие глаза, и исхудалое лицо, и румянец, ты сможешь, мать твою!»

Я был похож на поезд, мчащийся по рельсам прямо, только прямо, туда, в тот тоннель, за которым... за которым что? Я не мог знать: обрыв, резкий поворот или, может, долгожданная станция, на которой я смогу остановиться и передохнуть? Поэтому я мчался на всех парах, что есть мочи подавал жару, и да, да, я смеялся, смеялся, въезжая в тоннель.

Когда я вышел из подъезда, меня чуть не сшибло ветром. На улице разразилась настоящая снежная буря. Видимость была такая плохая, что объекты, находящиеся в нескольких метрах впереди, терялись в пелене снега, разрываемой в клочья сильным ветром. Я надел капюшон и, наклоняясь вперед, побрел, хромая, в сторону метро. Поехать на машине в такую метель было самым безрассудным поступком, который можно было придумать. Ну, может, исключая randevu с оборотнем. И я засмеялся. «Наверное, выгляжу нелепо посреди вьюги, которая душит своими ледяными лапами, пытается сбить с ног и залепить снегом глаза», – размышлял я, продвигаясь дальше.

Хромающий и смеющийся непонятно над чем, я пытался одолеть эту вьюгу, этот снег, этот холод и все сопутствующие мне в этот день прелести погоды. Шел, думал и не заметил (хотя, как вообще можно было что-то заметить в этой пурге?), как из пелены надо мной появилось нечто темное

и аморфное, и это что-то, подталкиваемое ветром, ударило меня в голову, перепугав насмерть неожиданностью. «Ау, какого хрена!» – бесполезно выругался я в бушующую стихию. Оглянулся назад и увидел, что оно обрело форму чего-то серо-черного с двумя крыльями, махнуло ими, подлетело и было безжалостно сметено ветром. Кувыркаясь, нечто исчезло за белой трепещущей занавесью снега. Я потер ушибленное место. «Надеюсь, больше мне не прилетит подарочков с неба», – буркнул я и посмотрел, наивный, туда – наверх. За что и был сразу сурово наказан порцией снега, услужливо брошенной мне в лицо обволакивающей и терзающей метелью. Но я с упорством локомотива вел борьбу с собой, с болью в ноге (слава изобретателю обезболивающих!) и с неутомимой лиходейкой-стихией. Каждый шаг на моем пути, который я пролагал в снегу, достигающем уже щиколотки, был маленькой победой, с которой я торжественно поздравлял себя.

И вот наконец из пелены медленно выплыл знакомый значок метро, и, на время укрывшись от стихии, я провел блаженные полчаса в тепле и покое, пока снова не вышел на улицу.

К счастью, пурга поутихла. Но моей радости не суждено было продолжаться долго. Уже через пару десятков шагов мне снова пришлось воевать с непогодой: налетел ураганный ветер и с удвоенной, а может, и утроенной силой засыпал меня снегом, попытался сбить с ног. Даже дышать стало труд-

нее. Но локомотив было не остановить: он или сходит с рельсов, или прет себе дальше. Так и я, пробивая хромой ногой колею в глубоких сугробах, поворачиваясь к ветру спиной, чтобы сделать очередной нормальный вдох или разгрести залежи снега на своем лице, шел, неумолимо шел к своей цели, несмотря на вьюгу, которая, как бешеная собака, пыталась разорвать меня в клочья, мотая свирепой головой и выгрызая из меня по кусочкам тепло, но не решимость.

Вдруг что-то бабахнуло. «Гром? – ошеломленно подумал я. – Зимой?!» Нет, это был не гром, это было похоже на... скрежет... Пройдя несколько десятков метров, я увидел очертания чего-то, лежащего на снегу. Приблизившись, я стал различать форму рекламного щита, свалившегося поперек тротуара. Очевидно, он и издал этот зловещий грохот. Баннер уже прилично припорошило. Я представил, что будет со мной, если я вот так же упаду сейчас на дороге. Считанные минуты – и, наверное, любой прохожий примет меня за простой холмик, нанесенный шквальной метелью и недостойный хоть какого-либо созерцания-внимания. Да и могли человек помыслить о чем-то или о ком-то другом в такую пургу, когда им движет одно только желание: поскорее спастись от ненастья. Да, так можно долго стоять и размышлять. Но надо идти, вон уже и вокруг меня наносить стало: с каждой минутой все сложнее будет продвигаться вперед.

Вытащив себя из сугробика, я похромал дальше – прокладывая свою колею. Через некоторое время из-за белой заве-

сы показался вход в подземный переход. Я подошел к спуску. Внезапно что-то вновь страшно проскрежетало, и те жалкие струи бледного света, что пытались пробиться ко мне сквозь пелену снежного бурана, перестали существовать. Я остановился от неожиданности и стал прикидывать, что же мне делать. То ли лезть в карман за фонариком в телефоне, то ли обождать? Может, свет сейчас включится? Но моему решению не суждено было сформироваться. Сильный порыв ветра сбил меня с ног и швырнул в направлении лестничного спуска. Я инстинктивно закрыл глаза и напрягся всеми мышцами своего тела, ожидая зубодробительного и костоломного столкновения с холодным гранитом. Но время шло, а я не чувствовал никакого падения, никакого удара. Недоумевая, что же произошло, я резко открыл глаза. И мне предстало совсем не то, что я мог бы ожидать: я медленно летел к земле. Но в то же мгновение я озадачился: а земля ли это? Переливаясь словно бензиновыми пятнами, вокруг, насколько хватало глаз, распласталась черная матовая субстанция. Она формировала возвышения, впадины, вспучивалась и разрывалась черными пузырями, перетекала, образуя водовороты и замысловатые спирали.

– Что за дерьмо? Где я? Где этот гребаный переход? – недоуменно спросил я, сам не зная у кого.

Тем временем я подлетел к земле. Ну не знаю, как это обозвать, падал-то ведь я на нее, а в школе рассказывали, что «все подброшенное шмякнется на землю», и никак ина-

че. Мои ноги опустились на что-то мерзко упругое и одновременно хрустящее. Будто я наступил на кучу отвратительных большущих жуков. Я пошел вперед, отрывая ноги от липкой поверхности со звуком тошнотворно-гадкого чавканья. В какую сторону идти, я не имел ни малейшего понятия. Поэтому любое направление счел подходящим вариантом в данной ситуации. По обе стороны от меня набухали и лопались черным гноем нарывы, и беснующееся воображение неведомого автора продолжало лепить разнообразные отвратительные аморфные скульптуры. Передо мной начал вздуваться очередной нарыв, но, вопреки ожиданиям, он не разорвался, а стал пухнуть все больше и больше, а я, остановившись, как замороженный наблюдал за этим мерзким процессом. Пузырь стал напоминать своими очертаниями птицу. И вот она расправила крылья, сочащиеся черной дрянью, и издала загробный вопль. Надо мной начала сгущаться какая-то туча этой черной мерзости, а птица продолжала махать крыльями все сильнее. Туча надо мной все сгущалась и сгущалась. Птица вновь испустила пронзительный вскрик, и на меня обрушился ливень черной субстанции, я почувствовал, как эта гадость касается моего тела и проникает глубоко внутрь. На меня накатила такая волна отчаянья! Зачем я приперся сюда? Я ведь все равно сдохну. Сдохну как последняя паршивая собака. Мне стоило остаться дома, аккуратно и тихо вскрыть себе вены в горяченькой ванне. На кой хрен мне все это надо и какого черта я здесь забыл?!

А птица тем временем взмыла вверх и, камнем упав вниз, растворилась в черном месиве. А я даже не обратил особого внимания на то, что она исчезла в этой черноте так же внезапно, как и появилась. Я смотрел на эту смолянистую, перетекающую жижу и думал о том, как я несчастен и как бы было хорошо стать вот таким же черным, вязким и мерзким, да, пусть мерзким, но мне было бы все равно. Лишь бы перетекать, и никаких других забот. Течь, течь, течь... Я отрешенно смотрел, как пятна перемешиваются с пятнами, и не заметил, как зародился и вспух еще один большой пузырь. Очертаниями он стал напоминать богомола. И вот он шевельнул своими отвратительными лапками и прострекотал, отчего меня пробрал невыразимый ужас. Будто я заглянул в задницу самому дьяволу. А богомол ударил лапками по черной субстанции, и еще, и еще. Я подумал: «Что он делает?» И тут я понял, что с каждым ударом лапок я погружаюсь все глубже в мерзкую черную жижу. Вглубь, вглубь и вглубь. Мое отчаянье сменилось страхом. Что произойдет со мной, когда я погружусь полностью? И если минуту (а минуту ли?) назад я мечтал умереть, то сейчас мной владел только животный страх, и я чувствовал себя загнанным в ловушку.

Я дернулся, но чернота только смачно чавкнула, не поддавшись моим усилиям. Я дернулся сильнее, но с тем же печальным безрезультатом. А богомол радостно застрекотал и еще проворнее заработал лапками, чем ускорил мое погружение. Половину моего тела уже затянуло, ногами пошеве-

лить было невозможно из-за вязкости субстанции, только руки судорожно колотили по поверхности. Страх снова сменился ужасом, я стал представлять, как начну задыхаться и эта черная дрянь потечет в самое дорогое, что у меня есть, в мое тело, заполнит его и я стану частью этой мерзости. Я закричал во весь голос, я кричал, кричал и кричал, пока черная гадость не дошла мне до подбородка, и тогда, вдохнув поглубже, я задержал дыхание. Вытаращив глаза, я продолжал безмолвно вопить. Вопил, глядя на богомола, который в триумфе поднял лапки, засучил ими в воздухе и стал таять, словно кусок отвратительного черного мороженого.

Меж тем тьма поглотила меня. Я закрыл глаза и почувствовал, как жижа покрыла меня с головой. Скоро мои запасы кислорода подошли к концу. Я, открыв глаза перед тем, как сделать последний вдох и впустить в свое нутро эту мерзкую черноту, увидел, что ситуация изменилась, и я медленно, но верно поднимаюсь вверх. Жижа, как натянутый батут, выталкивает меня из себя. Я сделал-таки вдох, и он был полон настоящего блаженства. Отчаянье и страх отступили перед необходимостью просто дышать, и, пока я дышал, я не заметил, как рядом сформировалась воронка. Она росла, и росла, и росла, превращаясь в смерчик. Постепенно увеличиваясь в размерах, она обратилась в настоящее торнадо, и меня стало засасывать внутрь. Я повернулся, и на меня с новой силой навалился страх. Я бросился было бежать, но жидкое месиво мешало, ехидно хлюпая у меня под ногами.

Я упал, меня потянуло к торнадо, я стал цепляться за эту черную субстанцию в тщетной надежде удержаться, но от ее былой упругости не осталось и следа, она ускользала из моих рук, словно песок сквозь пальцы. И тут меня снова накрыло отчаянье, я сдался, плюхнувшись в жижу, отдался воле потока, уносившего меня в бушующий смерч.

Абсурдная мысль посетила меня: «А что *думает* мотылек, летящий к горящей свече, влекомый лишь врожденным инстинктом? Может, он, как и я, отчаянно пытается придумать, как преодолеть эту силу, понимая, какой конец ждет его?» Меж тем меня засосало мощными потоками воздуха внутрь воронки, меня кружило и бросало, словно космонавта в терпящем бедствие космическом корабле. Внезапно мой полет выровнялся, я начал вращаться по одной «орбите». Мой взор сконцентрировался на центре воронки, где из черного теста нарождался какой-то очередной кошмар. Я сжал веки в тщетной надежде, что, может, это все-таки окажется галлюцинацией или сном, стоит зажмуриться посильнее, вот-вот случится чудо, да, вот оно. Сейчас я открою глаза – и там никого нет.

Я расцепил веки: в центре воронки стоял или, вернее, парил «мой старый приятель» – оборотень. «Лучше б я не открывал глаза, может, и не почувствовал бы, как умру», – мелькнула серебристой рыбешкой мысль и скрылась в темной пучине.

– Мой упертый убогий знакомый, добро пожаловать в мой

мир – мои владения! Здесь мне не нужно прятаться в тени, здесь я – царь и бог! – изрек оборотень и указал своей рукой на меня, и в тот же миг меня наполнили темные эмоции.

Сначала медленно, затем все быстрее в сумасшедшем калейдоскопе сменялись то отчаяние, то страх, то тревога, то ужас, то разочарование, и так по кругу и бесконечно, эта круговерть выворачивала меня наизнанку и выжимала до изнеможения.

– Ха-ха-ха, вот так-то, дерзкий человечиска! – веселился монстр, наблюдая мою беспомощность.

– У меня есть для тебя кое-что, – эти слова дались мне с титаническими усилиями. Но где-то внутри из последних сил пыталась сопротивляться жажда жить, выжить любой ценой – продолжение далось чуть легче. – Я хочу умереть тихо и мирно, во сне, так же, как мой дедушка. А не крича от ужаса, как его пассажиры, – выпалил я шутку, от которой накануне залиvisto смеялся так, что соседи весело аплодировали звенящими батареями. Но сейчас мой смехаханчик вышел каким-то уж слишком жалким.

– Это ничего, и более сильные люди сходили с ума в моей скорбной обители, я-то думал, ты покрепче будешь, а ты разочаровал... маленько. Ха-ха-ха, презренный слабенький червяк! Сейчас я вкушу твоей плоти, а потом примусь за твою никчемную душонку, – облизываясь и скалясь произнесла богомерзкая тварь. – А теперь пришло время десерта. Кричи, ори, ругайся, дай мне насладиться твоей болью и вы-

пить эти сладкие муки до последней капли.

Оборотень открыл свою пасть, и его омерзительный длинный язык стал ползти ко мне неотвратимой гадюкой, готовой ужалить при первой же возможности. Когда он достиг моей груди, у меня все словно застыло внутри, потом боль взорвалась адским огнем где-то в сердце и стала распространяться по всем венам и артериям. Терпеть ее было невозможно, и я закричал. Мерзкое создание довольно улыбнулось, и я почувствовал, как еще сильнее завертелся в моей груди адский язык. Меня кружило вокруг этого темного центра невыносимой боли, коей являлось это адское отродье, и с каждым оборотом вокруг мои муки становились все нестерпимее, и я молил высшие силы о смерти. Уставившись в черные бездонные глаза монстра, сквозь крики боли я просил убить меня. Как вдруг перед моим внутренним взором возникла маленькая девочка, прочерчивающая пальчиками улыбку на своем ангельском личике, затем картинка вокруг начала мутнеть, и я внезапно увидел нечто голубое.

Мне было пять лет, когда родители первый раз взяли меня на побережье. Мама и папа устали после перелета, но мне не терпелось на море, о котором я столько слышал. Поэтому после долгих уговоров и моих обещаний быть паинькой, мы отправились на этот фантастический и невообразимый пляж. После горячего песка, который словно пропекал тебя от пяток до самой макушки, море казалось райским блаженством. Этот жгучий жар, идущий будто изнутри, отступал по

мере погружения в прохладные голубые волны. Я думал, что плескаться в них можно бесконечно, пока не пришел папа. Я испугался, что меня позовут вон из чудесного, освежающего, живого моря, и приготовился уже биться насмерть (если нужно – в истерике), чтобы отвоевать себе право оставаться в этом волшебном месте еще, еще и еще. А папа протянул руки и сказал: «Иди сюда, боец, я тебе кое-что покажу». Я с недоверием подошел и вложил свои бледненькие ручонки в крепкие ладони отца. Тот схватил меня, и... я почувствовал, что начинаю взлетать (как это?! что происходит?!). А ноги тем временем оторвались уже ото дна, поднимаясь все выше, они взрезали холмистую поверхность моря, не желающего их отпускать. Еще мгновение, и мои ноги воспарили над голубой гладью, и лишь изредка пальчики чуть погружались в прохладу моря. А я сам крутился в этом умопомрачительном вихре, центром которого был мой папа, большой, сильный, любимый папа. Я смотрел на проносящуюся с ошеломляющей скоростью подо мной водную гладь, которую пытались взбить в пушистую пену папины ноги. От этой лазури у меня закружилась голова, и, чтобы стряхнуть это нарастающее ощущение, я взглянул на папино лицо. И он улыбнулся: «Ну, космонавт, готов к полету?» «Не-е-ет!» – закричал я, а сам залился смехом, таким свежим, легким и чистым, как ветерок, что обдувал мое мокрое тело. Папа тоже захохотал, и мы все кружились и кружились, а перемешанное с бликами солнца море сменялось черной круговертью и страшным об-

ликом монстра, находящегося в центре урагана. Но я словно не видел его, я просто смеялся, как тогда, на море с отцом, и мой смех лился из меня, сотрясая этот жуткий, беззвучный мир своей неуместностью.

– Стой, что ты делаешь, мерзкий ублюдок? – завопил оборотень. Глаза его, казалось, расширились, и вообще он стал весь как-то расширяться, словно ткань, которую слишком сильно натянули. – Молчи, не то я убью тебя!

Язык монстра попытался было проникнуть глубже, но мое тело отторгало его, как нечто чужеродное. Все это скользило где-то на краю моего сознания, ибо я смеялся, смеялся так, как может смеяться только беспечный пятилетний ребенок. Внезапно оборотень взмолился: «Стой, Максим, я дарю тебе вечную жизнь! Власть! Мы будем королями этого мира!» Но меня было уже не остановить: что-то светлое переливалось внутри меня сообразно со смехом, порожденным далеким и ярким воспоминанием. Теперь, казалось, я поменялся с оборотнем местами, и это он носился по орбите kloкочущего водоворота, раздираемый на черные, отвратительные кусочки острыми иглами моего смеха.

Я стоял перед входом на лестницу, а вокруг меня завивалась змейками пурга. Я, как зомби, спустился в переход и, все еще смеясь, уселся на ледяной каменный пол. Из глаз моих текли слезы, которые падали на этот камень и превращались в ледяные озера. Снаружи метель будто бы начина-

ла стихать.

– Эй, бомжара, не спи – замерзнешь, – окликнул меня заботливый прохожий и брезгливо пнул в ногу.

Я очнулся и тут же подумал: «Если бы не я, ты бы мог оказаться следующим...» Но я не стал озвучивать мысль вслух высокомерно надутой спине удаляющегося мужчины. Я с некоторой тревогой проследил, как он дошел до конца перехода и пропал навсегда, унося на своих плечах целую и невредимую голову.

«Надо бы идти домой», – уговаривал я себя: мне так хотелось остаться здесь, уткнуться носом в воротник и спать, спать, спать... Я шлепнул себя по лицу, снова стряхнув навалившийся было сон, и усмехнулся: «Черт возьми, так и замерзнуть недолго... Вот была бы потеха – спасти город от монстра и околеть на хрен в переходе прямо на поле битвы». Опять дико захотелось спать, я рывком поднялся и, уже стоя, почувствовал, что сон вроде начал отступать.

«А не привиделось ли мне все это?» – эта мысль занимала меня всю дорогу до дома. Когда я доковылял до подъезда, буран уже закончился, и на меня любовался с неба месяц. Дома я еле снял с опухшей ноги ботинок и, хромя, прошел в комнату, где отдал себя в гостеприимные объятия кровати и Морфея, который уже с порога напевал мне колыбельные. Веки сомкнулись сами собой.

Я сидел в какой-то громадной зале с высокими сводами. Стены были украшены позолоченными барельефами. Меж-

ду колонн виднелись разнообразные статуи, а вдоль прохода стояли бдительные верные воины, вооруженные саблями. Глаза стражников сверкали так же ярко, как и сталь их оружий. В залу по кроваво-красному ковру входили просители. Один за другим они приближались ко мне и благодарили. Я силился понять, за что эти люди благодарят меня, но они лишь таинственно улыбались из-за тонких прутьев своих клеток. В этом сне, похоже, только меня шокировал тот факт, что просящие были безголовыми, вернее, несли свои головы в золоченых клетках, словно диковинных птиц. Но я знал, что королю не подобает выказывать удивление таким ничтожным вещам, я старался держаться как можно естественнее. В нужные моменты шевелил пальцами, дабы показать, что время просителей вышло и пора покинуть мои чертоги. Их лица (за золоченой решеткой, кто бы мог подумать!) казались мне знакомыми, будто это были давно позабытые и покинутые друзья, но тщетно я пытался припомнить, где могли пересекаться наши жизненные тропы. Под конец ввели какого-то человека. Но вообще это было похоже на большую кучу тряпья: грязного, черного, сального тряпья, из-под которого даже нельзя было увидеть человека. Сенешаль сообщил, что это ничтожное отребье совершило столько злодеяний, что одной смертной казни ему будет мало. Не знаю что – то ли слова управляющего, то ли вид этого отвратительного существа, но меня накрыло хохотом, как от рассказанной на пирушке смачной и пошлой шутки. Я понимал, что королю

не подобает так смеяться перед подданными, но ничего не мог с собой поделаться: я смеялся, смеялся, плакал от смеха, и мне чудилось, что черная фигуру тает, тает, словно сжигаемая моим смехом, и это почему-то казалось мне чрезвычайно уморительным, и я смеялся еще сильнее...

Я смеялся, смеялся и, даже когда окончательно проснулся, все никак не мог до конца избавиться от этого немного истерического хохота. Но вот наконец меня отпустило, и я с неземным наслаждением отметил: «Кошмаров сегодня не было!» И ломанулся к телевизору. Прощелкав все новостные каналы, я убедился, что вестей о новой жертве маньяка нет. Не удовлетворившись этим, я полез еще и в интернет, но и там, к моему безмерному счастью, не было свежей информации о злодеяниях оборотня. Даже безвкусная овсяная каша (которую я на волне эйфории забыл посолить) прошла на ура. Я смотрел, смотрел на диктора с радостью, но в то же самое время с затаенной тревогой – а вдруг он сейчас скажет: «Только что получено сообщение с пометкой „молния“. Новая жертва маньяка обнаружена в одном из городских районов. Все подробности будут позднее, в ходе информационного выпуска».

Я сидел и смотрел на экран, не видя картинки, перед глазами была только крутящаяся черная дрянь и монстр, предлагающий мне все, что пожелаю, лишь бы я остановился. И как потом вихрь разрывал его на маленькие черные волокна, а я стоял в центре всего этого и смеялся.

«Вот черт, – подумал я, – долго меня еще будет преследовать это воспоминание? Надо, надо отвлечься». Я начал перебирать друзей и приятелей, с которыми давно не виделся и которые, по моему мнению, были бы рады со мной пообщаться. Но увы, ни об одном я бы не смог сказать с уверенностью: «Вот – это тот человек, к которому я бы хотел заскочить попить чайку и обсудить прошедшие с последней встречи события». У меня на холодильнике висел магнитик какой-то фирмочки, обещающей «мгновенную» доставку всего лишь за пятнадцать минут. Там был нарисован человечек с крылышками за спиной, яростно накручивающий педали велосипеда с желтыми смайлами вместо колес. Я смотрел, зомбируясь, на этот магнитик и мысленно перебирал карточки с именами друзей. Меня посетила абсурдная идея: «Вот бы этого велосипедиста во вчерашний буран вызвать. Кто бы победил?» И я снова сбивался и принимался перелистывать карточки с именами. «А интересно, эти смайлы синхронно вращаются?» – пришел на ум бессмысленный вопрос: что-то внутри меня не унималось, зачем-то цепляясь за эту картину.

«Глеб, стой, это твоя сестра!» – вывел меня из ступора громкий оклик из телевизора.

И тут пазл начал складываться. Мне надо было увидеться с Глебом. Эта потребность, словно пропущенная книга в стройном ряду фолиантов на полочке у перфекциониста, она зудела и требовала, чтобы образовавшийся вакуум был

срочно заполнен.

На следующий день я, доковыляв до офиса «Гермеса», дождал Глеба и, завидев его, остановил почти у входа в здание.

– Глеб, здравствуйте, у меня дело чрезвычайной важности, – проговорил я вялотекущему курьеру уже возле дверей.

– Что такое? Кто вы? – в некотором замешательстве пробурчал Глеб, но притормозил.

Я не знал, о чем хотел с ним поговорить: у меня не было плана, да и как обсуждать произошедшее с кем-либо?.. Это был вопрос века. Поэтому я сказал первое, что пришло в голову:

– Я убил этого оборотня...

Сам не понимаю, чего я ожидал. Может, хотел просто выговориться. Но реакция Глеба меня ошеломила. Его глаза выпучились, какие-то нервные конвульсии, напоминающие смешки, сотрясли его, и он больше сам себе, нежели мне, сказал:

– Так что же – его больше нет?.. – потом, как-то растерянно посмотрев на меня, забубнил: – У меня... работа... там... вы... как узнали... что я... он... то есть мы...

– Я смотрю, вы потрясены не меньше моего, – прервал я невнятные бормотания Глеба. – Хотя то, что я пережил... Никогда бы не поверил, что такое может случиться... Но давайте последовательно... Я думаю, если вы возьмете сегодня выходной и приведете нервы в порядок, ваша компания не

развалится, да и вас вряд ли выгонят.

– Ну да, наверное...

– А мы с вами тем временем забуримся в какую-нибудь берлогу и сообщим каждый свою часть истории, ведь, судя по вашему виду, вам есть что рассказать.

– Не знаю, не уверен, – включил было заднюю Глеб, но глаза его все так же были расширены от удивления, и он все еще смотрел на меня, а не в припорошенный снегом асфальт.

– Я думаю, нам обоим полезно будет выговориться, а? – постарался я сказать как можно дружелюбнее, мысленно кляня своего визави за нерешительность.

И Глеб наконец сдался:

– Ну хорошо. Только давайте где-нибудь около моего дома устроимся. Не знаю почему, но мне как-то спокойнее так, кажется.

– Я согласен, – кивнул я, взволнованный от предвкушения чего-то, что поможет мне понять, что же такое со мной происходило в эти последние несколько месяцев. Наверняка поможет! Я ведь начал разговор спонтанно, на авось, даже не предполагая, к какому финалу он может привести, а тут – такое.

До дома Глеба мы ехали в молчании, каждый пребывая в своем мирке. Глеб изредка подергивался, и его жалкое лицо кривила недоухмылка, которая вспыхивала, но, не успев разгореться, тут же затухала. Грустные глаза моего спутника временами поднимались от земли, всматривались в меня, а

потом спешно перебежали обратно к такому манящему полу. Наверное, в эти моменты Глеб вопрошал: «А не наврал ли он? Про оборотня-то? Че-то как-то не похож он на истребителя монстров... А где шрамы, где секира, на худой конец?» Но, видимо, это я сам себе навывдумывал, а курьер размышлял, скорее всего, о чем-то прозаичном: например, что с работы могут уволить или как за кафешку будем расплачиваться.

В итоге мы таки приехали, и Глеб мотнул головой в сторону кафе, негромко проронив:

– Вон там.

«Одинокий волк» – гласило название над входом, которое дополнялось картинкой с силуэтом воющего хищника.

– Как тематически, – сыронизировал я, – специально сюда вел? – как-то незаметно для себя я перешел на «ты».

– Да нет, как-то так... само... видимо. А хотите, еще чего-нибудь поищем, я не знаю, другое заведение или там?..

– Да не, нормальное заведение, главное – чтобы нас в нем не сожрали, – подмигнул я Глебу, но с таким же успехом мог подмигнуть и фонарному столбу, уставившемуся в землю своим циклопическим глазом, ибо не успел я поймать взгляд парня, как он снова упорхнул к заснеженному тротуару.

– Угу, – отозвалось его тело гулкой бочкой, мне даже показалось (о ужас!), что рот Глеба не приоткрылся, чтобы произнести эти звуки.

Стоять на морозе мне надоело, и я проскрипел к дверям кафе, которое встретило нас очаровательно пустым залом и приглушенной музыкой. Мой «приятель» на удивление не отстал, вошел следом и стал отряхивать ноги, чем подал и мне хорошую идею. Пока мы пытались избавиться от снега на обуви, к нам подошел официант и с усталым (видимо, от недосыпа) лицом предложил пройти и сесть там, где нам захочется. Мы с Глебом прошествовали вглубь зала, подальше от музыкальных колонок и любопытных вездесущих ушей.

Мы заказали по большой кружке кофе и терпеливо стали ждать, пока нам принесут заказ.

– Ну что ж, кто первый начнет? – отхлебнув горячего напитка, поинтересовался я у Глеба.

– Давайте вы! – отозвался мой собеседник, даже не пригубивший кофе и лишь греющий о него руки.

– Можно один вопрос перед тем, как я начну?

– А на какую тему?

– Ну мы тут сидим, чтобы обсудить одну *общую*, я так полагаю? – вместо ответа Глеб еле заметно покивал головой (или я надумал себе это, а на самом деле сквозняк пошевелил его челку – и всего-то). Я же продолжил: – Наверное, уже стоит спросить, а то это как-то затягивается... А ты отвечай или молчи, там поглядим.

Я пристально посмотрел на Глеба, судорожно сжимающего кружку. «Черт, она, должно быть, уже горячая», – проскочило у меня в голове. И наконец я решился высказать во-

прос, который вертелся у меня на языке давно.

– А ты знал, кто... нет, вернее – *что* совершает убийства? Ну эти, о которых трезвонят все СМИ. Прошу прощения – трезвонили, – поправился я, ведь в последнее время не было сообщений о новых зверствах. Могло ли это значить, что они прекратились? «Я очень, очень на это надеюсь! – вертелось в моей голове. – Не дай бог, повторится этот кошмар – я не вынесу... наверное».

Глеб напрягся, еще сильнее вцепившись в кружку, и его костяшки побелели. Я уловил, как он закусил нижнюю губу, потом ослабил хватку, отставив ладони на миллиметр от кружки, и прошептал:

– Нет.

Может, мне показалось, что Глеб это сказал, а на самом деле он просто подул на горячий кофе?..

– Прости, я не расслышал, Глеб. Кстати, меня зовут Максим, – я протянул руку и через мгновение ощутил в своей ладони его разогретые чашкой, но вялые пальцы.

– Меня вы уже знаете. И ваше лицо мне кажется знакомым... смутно, – тихо произнес мой собеседник.

– Да, я пару раз обращался в вашу фирму, и ты отвозил мои заказы. Давай перейдем на «ты», может, так проще будет общаться.

– Я попробую, но не обещаю... тебе.

– Так что насчет моего вопроса? Ты знал?

– Нет, – теперь уже четко отозвался Глеб, но при этом на-

клонился к своей чашке так близко, словно хотел утопиться в ней и только искал решимости или пытался надыхаться напоследок. – Догадывался... предчувствовал... предвидел... не знаю... – сначала шепотом, будто заговаривая этот треклятый кофе, а под конец все громче и с каким-то надрывом исторг из себя Глеб.

Он вдруг вонзил в меня злобный, даже яростный взгляд. В моей голове тут же возникла картинка: я стою в цирке, с завязанными глазами, прикованный к здоровенному щиту напротив метателя ножей. Глеб прожигал меня лишь мгновение, и, как только он скрыл свои пылающие во взоре угольки, сосредоточившись на напитке, мое видение растворилось в облачках пара, идущего от кофейной кружки.

И тут же, словно опомнившись, как-то сквозь сжатые зубы Глеб процедил, тяжело дыша:

– Нет-нет-нет... я не знал... не мог знать, – его пальцы нащупали неподалеку салфетку и остервенело комкали ее.

Я не понимал, как реагировать на этот всплеск эмоций, и сидел в некотором оцепенении, тщетно пытаюсь придумать, что же говорить дальше. Но внезапно мой визави пришел мне на помощь.

– Нас было трое: я, Димка и Колька, – будто не со мной, а вновь с кофе продолжал разговаривать Глеб. – Мы, знаешь ли, жили в деревне, далеко отсюда, на юге. Никаких тебе развлечений, только и знали с друзьями, что по окрестностям шляться. Да... Мы тогда в исследователей играли. Ну а что

ты хочешь: компов у нас там не было. Родители бедные – на еду бы хватило. Вот только как сюда, в город, перебрался, тут лишь и узнал, какой это кайф – посидеть порубиться в какую-нибудь игрульку... – он мечтательно и тепло улыбнулся на миг и тут же опять помрачнел. – Бедные были, вот мы и ходили где ни попадя. То по дворам чужим, будто бы повстанцы какие, а хозяева – мерзкие узурпаторы, хотят нас изловить и в тюрьму навечно упечь, а мы их – бластерами, бластерами. Ну или как тогда, – он не счел должным пояснить это «тогда», но, судя по изменившейся интонации, это был важный момент в его жизни, – играли в исследователей. Там речка у нас была, Нежность называлась, с крутыми берегами, но начинались они в паре километров от деревни. Но что такое пара километров, когда ты молод и нечем заняться дома, а смотреть на пропитые рожи родителей достало?.. А у речки – тишь да благодать, рядом никого – твори, что хочешь. Ну мы и творили...

Глеб умолк, его лицо как-то загадочно передернулось, он метнул взгляд за меня, куда-то в потолок зала, а потом опять уставился на свою кружку и вернулся к рассказу.

– Шли мы, значит, через кусты, сшибая обильную растительность по бокам палками, воображая, что это мачете. Димка шел и трепался. Он все не мог определиться, кем же хотел быть: злобным пиратом, отважным первопроходцем или жутким и кровожадным индейцем. А мы с Коляном его подзуживали, отчего Димка распалялся еще сильнее, наив-

но проглатывая наживку и разражаясь все большим потоком идей и фантазий. Потом, после очередной шутки, он вроде как разъярился и вызвал меня на дуэль на мачете. Ну я и принял вызов, и мы стали рубиться палками. Димка случайно заехал мне по пальцу, и мое «оружие» отлетело в кусты, а когда я полез его искать, то обнаружил *ее*...

Мой собеседник судорожно стиснул очередную салфетку и продолжил внезапно иссушенным, осипшим голосом:

– Она зияла на меня своим антрацитовым глазом, не знаю – нора это была или пещера, наверное, не суть важно, но важно то, что я первый ее открыл. Я немедленно позвал ребят, чтобы объявить о моей находке. Они тут же появились, и мы втроем с восхищением и трепетом уставились в темноту. «На кладбище ветер свищет, на кладбище нищий д...» – начал было декламировать Димка замогильным голосом, но я пихнул его локтем в живот. «Молчи, дурень, – прошипел я, – вдруг там...» «Кто там? – ехидно спросил меня Димка. – Медведь или беглый преступник? Не-не-не, во! Там три девки: голых, стонущих, томящихся, ждущих, когда же рыцари войдут и насадят их на кукан», – тут он дико заржал, довольный своей выдумкой. «Ну и иди, рыцарь хренов», – предложил ему Колька. «Ну и пойду», – принял вызов Димон, хотя голос его звучал не очень уверенно. Он достал спички, зажег одну и, отодвинув ветки, стал продвигаться на коленках вглубь. «Смотри не наступи на свою девку-то, а то некого насадить-то будет», – напутствовал я его, и мы с Коляном по-

катились со смеху. А Димон и вправду стал смотреть под ноги больше, чем по сторонам. Мы пошли, ну то есть поползли за ним. Стены были из какого-то камня или чего-то похожего на него, я не очень в этом разбираюсь. Местами рос мох. Затем проход стал расширяться, и мы оказались в помещении, где можно было выпрямиться. У пещеры потолок и стены были... э-э-э... бугристые, что ли, словно шкура какого-нибудь древнего динозавра. Я так и сказал ребятам, и они согласились с этим. Колька предложил: «А давайте костерок разведем. Мы ж, бля, первопроходцы, а какой первопроходец без костерка?» Он был заядлый любитель запалить что-нибудь, но идея нам понравилась, и мы полезли наружу за хворостом. Мы еле уговорили Коляна не разжигать тут огромный костер, справедливо полагая, что можем сгореть, к чертям собачьим. После долгих увещаний и угроз Колян сдался, и мы развели скромный костерок. Света явно стало больше, чем от спички, и мы как замороженные стали рассматривать помещение пещеры. Но фонарика нам определенно не хватало: не было видно, что там, за пограничной темнотой. Посидев у костерка, я попросил у Димки спички и пошел посмотреть, что же дальше. Я направился туда, в темную часть, мне было и страшно, и в то же время хотелось испытать свою храбрость, выпендриться перед друзьями, что ли. Вдруг я уловил движение внизу и, перепугавшись, выронил спичку. Я едва подавил вскрик, представляю, как меня бы обзывали Димка с Колькой, если бы я все-таки заорал. Я

обернулся и увидел, как что-то черное проползло мимо сидевших у костра друзей, которые, услышав шуршание, перепугались, вскочили и вжались спинами в стены пещеры. А тень тем временем уползла в сторону выхода, и я выдохнул: пронесло. Я снова зажег спичку и внизу увидел расселину, из которой, видимо, выползла змея. Повинуясь какому-то инстинкту исследователя, я присел посмотреть, а что же там внутри. Димка и Колька уже подходили ко мне, спрашивая на ходу: «Что? Что там такое ты нашел?» А я вглядывался в темноту этой трещины и вдруг увидел... или почувствовал, я не знаю...

Глеб обхватил свою голову руками, но продолжил свою историю:

– Я увидел там зло, самое темное и ужасное зло в мире. Оно словно лежало тут долгие тысячелетия. Клянусь, мне именно так и казалось – тысячелетия. И ждало нас, ну, может, не нас, а вообще любого человека, но это оказались мы. Я сперва хотел крикнуть ребятам, чтобы не подходили, но почему-то мой язык не слушался, а эта тьма все сильнее и сильнее манила меня, засасывая куда-то в вязкую черноту своей утробы. И вдруг это зло заговорило со мной. Его голос раздавался у меня в голове, я уверен в этом, потому что мои товарищи подходили все ближе и ничего не отвечали ему. А тьма говорила, что она голодная, **ОЧЕНЬ ГОЛОДНАЯ**.

Глеб посмотрел на меня красными глазами, и мне почудилось, что его зрачки были полны растекающейся черноты

– липкой, мерзкой и бесконечно глубокой. Он снова опустил взгляд и вернулся к повествованию.

– Я сказал ей, что у нас нет с собой еды, мы едим дома. Но тьма плотоядно улыбнулась (не спрашивай меня, откуда я это знаю, просто знаю, и все). У меня в голове зазвучал сладкий голос: «У тебя все, что мне нужно, с собой». Димка меж тем опустился на колени возле меня и спросил: «Ну что там?» Я поднял на него глаза и прошептал: «Наклонись ниже, ты сам увидишь». Спичка потухла, и я зажег другую. Колька опустился рядом с Димкой, который уже нагнулся к расщелине. А я говорил: «Ты видишь? Ты видишь это? Правда же это волшебно?» И тут Димку словно примагнитило к трещине и стало засасывать туда с чмоканьем или чавканьем, он недолго успел покричать: тьма быстро поглотила его лицо и голову, а затем он стремительно исчез в ее пустоте. Колька в ужасе отшатнулся назад, но тьма приказала мне не дать ему убежать. Я тут же схватил друга за ногу. Он рванулся к выходу, но упал. А тем временем тело Димки уже полностью исчезло в трещине, и она утробно урчала, требуя еще. Я подтянул ногу Кольки ближе к алчущей черноте, и она стала засасывать его, орущего: «Глеб, Глеб! Помоги! Спаси! Не надо! Мне больно! Больно!» Очень скоро эти страшные крики прекратились, и я почувствовал, как тьма похвалила меня. А я сидел в углу пещеры во мраке и плакал. О своих друзьях или о себе – я не знаю. Меня опустошила это чернота, остались только слезы, которые скоро тоже истощились.

А зло сказало, что мы отлично сработались и... и мне как-то стало... приятно от этого. «Вместе мы сможем все», – заявила тьма, и я уверовал в нее. «Вместе мы сила», – ответил я тогда угольной черноте.

Глеб умолк и едва заметно крутил головой какое-то время: то ли отрицая свое прошлое, то ли пытаясь вытряхнуть из памяти все ужасы, произошедшие с ним. Спустя полминуты он, не отрывая взгляда от стола, тихо спросил:

– Ты, наверно, считаешь меня ужасным?

Похолодев от кошмарной истории, я лишь помотал головой, не зная, что ответить, и смотрел на Глеба как на гигантскую многоножку, какие обитают в пещерах. Не уверен, что парень это вообще заметил: так и не глядя на меня, он продолжал свою жуткую исповедь.

– Ты знаешь, я думал пойти и признаться во всем взрослым. Но тьма спросила: «А что ты им скажешь? Что твоих друзей съела трещина в пещере? И что ты помогал ей, удерживая своего товарища за ногу, пока она жевала другого?» У меня не было ответов на эти вопросы. Поэтому тьма научила меня. Я пришел домой через два дня и рассказал родителям, как мы с друзьями нашли пещеру и решили заночевать там, словно какие-нибудь первопроходцы. Ночью Димка с Колькой типа слышали снаружи шаги. Их долг был исследовать, что это такое, и они ушли, оставив меня смотреть за костром. Внезапно раздались крики моих товарищей и что-то похожее на рык собаки. Я подбежал к краю пещеры, звал их, но они

не откликались. Я очень испугался и провел все это время в пещере, боясь, что выйду и меня тоже сожрут. Я проводил взрослых к тому самому месту, там все увидели золу от костра, осмотрели пещеру и окрестности, но не нашли следов Димы и Коли. Поиски длились долго, но потом у всех тех, кто тщетно искал их, опустились руки, и о них постепенно забыли, как забывают обо всем на свете. А я стал видеть сны... Такие страшные, темные сны, в которых я с большой черной собакой гуляю ночью по городам, деревням и выслеживаю людей на улицах, заманиваю их в какой-нибудь проулок, и там мой пес пожирает их. Только в тех снах собака будто и не собака вовсе, а что-то черное, как трещина в самой ткани пространства, и она чавкает.

Глеб отвлекся наконец от своего, наверно уже холодного, кофе и дерзко (как мне показалось) взглянул на меня и спросил:

– Представляешь, каково это – обладать таким цербером на цепи?

Я помотал головой, а он, с какими-то теперь ностальгическими нотками в голосе, проговорил:

– Это дает такое чувство власти и всемогущества! Я шел, не только в снах, уверяю тебя, по улице и чувствовал себя выше, сильнее любого из этих жалких «человеков», что перебежали мне дорогу, копошились рядом. Я словно обладал безграничной силой, и она придавала мне безграничную уверенность.

Глеб снова погрузился. В глазах за миг до того, как опустить их вниз, скрыв от меня, я успел прочесть невыразимую словами тоску и мольбу. Тяжко вздохнув, он продолжил:

– Но как-то раз уже здесь, в городе, я вдруг... потерял связь с ним, с этим... этой тьмой, или зверем, или чем бы оно ни было. Мне перестали сниться странные сны, и уверенность куда-то ушла. Я решил, что тьма утолила свой голод, набралась достаточно сил, чтобы существовать одной, и выбросила меня.

Мне показалось, что Глеб стал всхлипывать. Или это потому, что мы пришли с мороза?

– Мы так долго были вместе, и я, можно сказать, сросся с ним, с этим существом, оно, оно... давало то, чего не было у меня. А потом резко все оборвалось, как долбаная струна. И я оказался никому не нужен, – подвел печальный итог парень. Внезапно он посмотрел на меня умоляющим взглядом и спросил: – Максим, вы, то есть ты веришь мне, веришь? Что все это было со мной? Веришь, да?

– В твоей... м-м-м... истории много странного и страшного, – сбивчиво отвечал я, стараясь придать мягкости голосу: внезапно мне отчего-то стало жаль Глеба. – Но я тоже пережил нечто удивительное, и мне теперь легче поверить в то, что ты рассказал. Но ты... все эти люди из твоих снов... двое друзей... как ты с этим... я не знаю, мне противно и... и как-то не по себе.

– Максим, поймите... пойми – оно засосало меня, я ни-

чего не мог с этим поделаться! – чуть ли не вскричал Глеб, бросив истерзанную салфетку на пол. – Ну правда, – неожиданно, резко сменив тон, спросил он меня молящим голосом, – что я должен был – идти в полицию? И объяснять, что у меня имеется воображаемый друг, который пожирает людей? Вы... ты сам-то почему не сказал им об этом, а? Я же вижу, по лицу вижу, – он сощурил глаза и уставился на мои дольше, чем мне хотелось бы, но потом опять переместил взор на стол, – ты видел что-то. И это что-то было страшное, жуткое и... и вместе с тем могущественное, дарующее силу. Как я мог отказаться, когда я уже был по уши в этой тряпине, она захлестывала меня, я захлебывался и... был рад. Да, Максим, я был рад! Иногда я тешил себя мыслью о том, что тех, кого мы... то есть оно убивало, могли быть плохими людьми, как... – он осекся, бросил на меня тревожный взгляд, нахмурился и продолжил: – Сам справиться с ним я не мог, не знал... Да может, и (тихо) не хотел... Я думал, что это он у меня на поводке, но... Но, наверное, это я был на поводке у него. Максим, может, теперь вы, то есть ты расскажешь мне свою часть... истории, мне станет... легче.

Мне было неприятно сидеть за одним столом с Глебом, но... За что я мог его упрекнуть? За то, что там, в пещере, он спас себя? А как бы поступил я? Очень хотелось бы верить, что более смело и благородно, но тьма... тьма – она засасывает. И еще я был в определенном долгу перед этим человеком (хотя причислять его к этой категории было противно):

он рассказал мне свою историю, и я, что было бы честно на мой взгляд, решил открыть собственную часть. Я начал с того, как возвращался однажды домой и в переходе наткнулся на женщину, она лежала в луже крови, и там, где должна была быть ее голова, ну... головы просто не было.

Долго продираясь сквозь жуткие лабиринты воспоминаний, я дошел-таки до конца своего рассказа и с облегчением выпил холодный кофе. Глеб все это время слушал меня, поддерживая голову за лоб указательными пальцами и прикрыв глаза.

– И ты думаешь, он мертв?.. – с противными нотками разочарования спросил он. Хотя мог ли Глеб относиться иначе к тому, что стало его второй кожей, сиамским близнецом, да еще и таким могущественным? Мне не хотелось размышлять на эту тему.

– Я, конечно, не могу быть уверен на все сто процентов, но мне показалось, да, мерзкая тварь покинула этот мир, и я очень, очень надеюсь, что мне никогда в жизни не придется больше встретиться ни с чем подобным. И мой тебе совет, Глеб. Не нарывайся и ты. Я думаю, того, что пережил ты, хватит с лихвой, чтобы гореть в аду не одну тысячу лет.

– Может, может, все может быть, – немного весело сказал он, – но не вам жал... не вам судить меня! Если бы Бог был – Он бы не допустил со мной такого, чтобы я стал... таким... Но спасибо вам, Максим, что не отказали мне. После моих излияний я могу догадаться, как вы ко мне относитесь, –

Глеб встал из-за стола, уткнулся в пол и тихо добавил: – Но мне и только мне жить с этим... или без этого...

Он стал рыться в кармане в поисках бумажника, но я остановил его, сказав, что сам заплачу. Глеб развернулся, что-то промямлив (наверное, «Прощайте!»), и пошел к дверям.

– А что мне было делать в деревне с названием Край? – почти у выхода бросил он мне с каким-то вызовом и, нервно открыв дверь, ушел-таки прочь.

После этого мы уже не встречались.

Я стоял в пещере, выхватывая светом фонарика причудливые силуэты на стенах и своде. Луч смело нырял во тьму, а я медленно погружался в воспоминания о прошедших событиях.

После того утра, когда мы с Глебом рассказали наши части истории, которая сплела нас вместе, я еще много думал об этом человеке, о том, что с ним произошло, жалея и презирая его одновременно, но беспрестанно спрашивая себя: «А ты бы как поступил?» И спотыкался всегда об один и тот же ответ: «Пока сам не вляпаешься, не узнаешь, чем пахнет».

Я стал подыскивать новую работу и вскорости нашел подходящую. И до весны все было хорошо, пока однажды меня не клюнуло: «Как он сказал, когда уходил? „Что мне еще оставалось делать в деревне с названием Край?“ Не может же это быть совпадением! Я не верю в совпадения, особенно такие и в таких делах. Как я мог раньше этого не заметить?

Наверно, был все еще потрясен его рассказом. А теперь, видимо, подсознание вытолкнуло это наружу – сколько оно еще могло это таить?»

Я полез в интернет и сверился с картой. Все так – рядом с деревней, куда я ездил повидать отца Афанасия, протекала речка Нежность. У меня живот свело от предчувствия чего-то: неспроста же такое совпадение! И начался зуд: мне нужно было попасть туда и найти эту чертову пещеру. Я уладил дела на работе и поехал снова в эту деревню, напрямиком к отцу Афанасию.

Опять был долгий переезд на поезде, потом в автобусе, где я задремал.

Мне снилось, что я еду вот так же: в престарелом электробусе, списанном из какого-то крупного города доживать свою вторую жизнь на этом маршруте. В салоне стоит гомон пассажиров, многие из них с детьми, которые дерутся друг с другом и орут. Я думал, когда же мы наконец-таки доедем? А так как мы уже подъезжали, я стал пробираться заранее к выходу, чтобы хоть чуть-чуть дистанцироваться от орущих детей. «Я убил тебя. Нет, я! Я! Пф-пф, та-дах!» – раздавались визгливые голоса мальчишек и подражающие звуки выстрелов различного оружия. Я смотрел вперед, страстно желая конца, то есть остановки, и, наверно, готов был выйти и толкать этот чертов автобус. Мимо проносились машины: то встречные, то попутные. Я с тоской провожал глазами тех, что обгоняли нас, и думал: «Счастливики!» Внезапно ехав-

ший по встрече грузовик вырулил на нашу полосу и пошел на таран. Я тут же взглянул на водителя, который, развернувшись, о чем-то беседовал с сидящим сзади пассажиром. Я чувствовал, что мой язык прилип ко дну рта, поэтому стал неистово тыкать в сторону лобового стекла, но водила только махнул на меня рукой. А я тем временем заметил, как с каждым мгновением перед нами разбухал силуэт грузовика. И за секунду до столкновения я вдруг увидел, что за рулем сидит вовсе не человек, а что-то черное: это был оборотень, и по тому, как тряслась его морда, я понял, что он смеялся. В следующий миг грузовик врезался в автобус... И я проснулся в мирно урчащем электробусе и без гвалта орущих детей. Где-то через полчаса я вышел на остановке вместе с другими пассажирами, которым тоже нужен был Край.

По дороге, которая смутно, но всплывала в памяти, я пошел в сторону церкви. На одном из перекрестков замедлил шаг, невольно вспомнив собак и ту жуткую сцену, свидетелем которой я стал. Желудок сонно забрыкался, пытаюсь выпихнуть этот неперевариваемый образ минувшего туда, откуда он и пришел: в жестокий внешний мир. Но мне удалось сдержать рвотные позывы. На всякий случай я осмотрелся вокруг, особое внимание уделяя поворотам, откуда, мне мнилось, вот-вот покажется оскалившаяся морда четвероногой бестии. Но, к моей великой радости, ни одной твари не показалось, и я без происшествий дошел до церкви, подставляя лицо теплым лучам клонящегося к закату солнца.

Я увидел отца Афанасия, удаляющегося от храма, и пришлось пробежаться, чтобы догнать его (не хотелось орать на всю улицу – само место располагало к тишине и безмятежности). Батюшка, видимо, услышав бегущие шаги, обернулся раньше, чем я настиг его. Он сначала смотрел на меня недоумевающе, но потом память, похоже, взяла вожжи в свои руки и покатила в нужном направлении, и священник меня признал.

Святой отец приветливо сказал:

– Я вас припоминаю, вы были у меня в том году, – и тут же с явным беспокойством в голосе добавил: – Зачем опять пожаловали? Я вам помог, чем мог, извините за тавтологию.

– Отец Афанасий, я тут по зову сердца, можно сказать.

– Неужто к Богу пришел? – его лицо расслабилось, и вновь наметилась улыбка в уголках глаз и губ.

– Не совсем, вернее – совсем нет, – замялся я, немного дискомфортно чувствуя себя от того, что обломал ожидания священника.

– Я так понимаю, тебе опять негде остановиться, – я закивал в ответ на вопрос батюшки. – Ну, пойдём ко мне. Там и расскажешь.

Вечером, спровадив матушку Анастасию на кухню, мы сели со святым отцом поговорить. Я долго ходил вокруг да около, задавал священнику вопросы, чтобы понять, не примет ли он меня за сумасшедшего. Но потом, взяв с него обещание не вызывать «бригаду добрых врачей», я решился-таки

на откровенный рассказ о том, что произошло с нашей прошлой встречи. «Я не буйный», – все же сказал я священнику и улыбнулся как можно приятнее. Отец Афанасий вроде бы согласился, но я заметил определенную настороженность в его позе и взгляде.

Я поведал продолжение своей истории, повторив на всякий случай первую ее часть, которую священник мог забыть за давностью времени. Но, видимо, он еще помнил, потому как, слушая, слегка кивал головой. Затем я перешел к истории Глеба, и по мере рассказа святой отец периодически менялся в лице: то глаза широко открывались и он слегка встряхивал головой, то брови хмурились и он все с большим недоверием поглядывал на меня.

– Да, Максим... – протянул батюшка после долгого молчания по завершении моего повествования.

– Я все понимаю, мне самому было тяжело в это поверить. Но после того, ЧТО со мной произошло, мне кажется, я могу поверить и в чертова серого человечка, – повысив голос под конец, ответил я и, тут же взяв себя в руки, извинился: – Простите меня, святой отец, но столько эмоций. И... и помните наш уговор, дайте мне уйти с миром, – я широко улыбнулся, показывая безобидность моих намерений.

– Ну пока ты не начал буйствовать, будь покоен, не стану звать санитаров. Но то, что ты... он...

– Глеб.

– ...да, то, что Глеб поведал, вот этому сложно поверить.

Твой рассказ... Ну, буду говорить открыто, и если что – у меня топорик под рукой, – батюшка похлопал по ручке топора, стоящего рядом с его стулом, – и я умею с ним обращаться, – он невольно усмехнулся, а я серьезно кивнул. – Так вот, твой рассказ смахивает на какой-нибудь бред, галлюцинацию там, не знаю. Но я знаю, что люди умерли страшной смертью и уже несколько месяцев о новых убийствах нет ни слова. Это заставляет задуматься, крепко задуматься. Но вот что я тебе скажу: эта история Глеба... Ты знаешь, у нас в деревне лет пять назад пропали два мальчика. И от этого становится жутко, вдруг эта история правдива? Вроде концы с концами начинают вязаться. Но как поверить в какую-то черную дрянь... Не знаю, не могу... – он вдруг взглянул на меня и спросил прищурившись: – А ты-то что хочешь, какой правды ищешь? Уж не трести бедных родителей собрался?

– Что вы, святой отец, не за этим я приехал, чтобы родителей вгонять в горе по второму кругу. Нет, вы знаете, все как-то, – я сплел пальцы и покрутил в разные стороны ладонями, – как вы сказали, «концы с концами начинают вязаться», это вы очень хорошо сказали. Мне показалось, это очень неслучайно, что я вас тут нашел, того, кто в итоге направил меня на путь, который привел к победе над этим отродьем. И вдумайтесь – Глеб! Глеб оказался из того же самого места – я понял, что мне необходимо, просто жизненно необходимо найти эту пещеру долбаную.

– Что, самому хочется взглянуть в пасть тьме?

– Не знаю, я об этом как-то не задумывался.

– А может, хочется ощутить ту власть, что дает темная сторона? – суровым тоном спросил служитель церкви и пристально посмотрел на меня, словно пытаюсь просветить рентгеновским взглядом мои помыслы.

– Не смешите меня, отец Афанасий, какую власть: убивать несчастных людей и быть заложником какой-то черной дряни? – мое лицо исказила гримаса презрения. Я невольно вспомнил Глеба и в очередной раз сказал себе, что он не выбирал – это тьма сама настигла его.

– Кто знает, что скрывается в темных уголочках человеческой душонки... – многозначительно отвесил священник.

– Но я чувствую, что должен попытаться найти эту пещеру. Кстати, вы ничего о ней не слышали?

– Нет, не доводилось слышать о пещерах поблизости.

– Я тогда буду искать, по крайней мере, я попытаюсь. Я не знаю зачем, может, для того чтобы убедиться, что откуда больше не вылезет никакая мерзость и не прикончит еще десятки мирных людей.

– Ты хочешь примерить на себя роль спасителя?

– Не знаю, может, и так, но я чувствую, что здесь что-то есть – я должен найти ее... или хотя бы попытаться... попытаться.

– Знаешь что, я буду искать с тобой. Если ты псих, то не помешает за тобой присмотреть (топорик я с собой возьму, не волнуйся). А если вдруг, в чем я, признаться, сильно со-

мневаюсь, но допустим, мы найдем ту пещеру. Может, помощь святого человека тебе и пригодится.

– Спасибо, отец Афанасий.

– Спасибо потом скажешь, а теперь идем поживать.

На следующее утро отец Афанасий пошел со мной искать пещеру. Битых три дня мы таскались впустую по берегам речки. Мне даже стало казаться, что батюшка как-то странно посматривает на свой топорик и на меня. Но я отгонял бредовые мысли, а священник не роптал, а только следовал за мной и помогал рассматривать берега речки Нежности.

Шел уже четвертый день, солнце начало клониться к закату. Я стал высчитывать, когда нам поворачивать, чтобы идти в обратный путь, как вдруг отец Афанасий окликнул меня, ушедшего вперед и задумавшегося о своем:

– Максим, что там?

Я приблизился к нему и взглянул в направлении, куда он указал. Там среди веток проглядывало что-то черное. Мы неспешно подошли и стали отодвигать ветки, складывалось такое впечатление, что кто-то специально когда-то давно укрыл вход, чтобы он был менее заметен.

Через некоторое время вход был очищен, и я спросил у святого отца:

– Ну что, как вы думаете – оно?

– Что-то как-то тревожно мне, все больше и больше концов вяжется во что-то... Сам не знаю во что, да, наверное, и не хотел бы знать, коли б не спутался с тобой.

– Тогда идем?

– Ну, давай, с богом! Только свети вперед фонариком.

Отец Афанасий поднял топор и опустился на колени, чтобы последовать за мной. Я уже полз вперед по мелким камушкам, устилающим проход в пещеру, раздвигая черную портьеру жалким световым мечом фонарика. Скоро свод начал подниматься, и мы зашли в просторное помещение. Я блуждал лучом фонарика по полу, и вдруг мое сердце замерло, приказав дыханию сделать то же самое, – я увидел остатки костра. Я посветил на лицо священника: оно было бледное, как плащаница (как наверняка и я сам), и приоткрытый рот скривился от ужаса. Бескровные губы его слабо зашептали:

– Нет, не может быть... Святый Боже... – топор безвольно висел в руке.

– Отец Афанасий, у вас святая вода с собой? – не своим, каким-то сухим голосом спросил я.

– Да, да, вот, вот она, – пробормотал священник и, уронив топор, вытащил дрожащими руками из рюкзака скляночку со святой водой.

– Ну что, идем дальше? Глеб говорил...

– Помню, помню, что он говорил, не напоминай, не сейчас... Давай так: глаза боятся, руки, ноги или что там – делают... Иди, Максим, свети – да пребудет с нами Бог Всемогуший.

Мы медленно пошли вперед маленькими шажками, я от

волнения резко водил фонарем туда-сюда и старался унять дрожь в своей руке. Внезапно луч света выхватил что-то из тьмы, и в тот же миг я услышал, как разбилась упавшая склянка со святой водой. В голове невесть откуда черной муреной пронеслись слова: «Это конец...»

Мой фонарик метнулся в сторону священника и обнаружил того с бледным лицом и широко раскрытыми глазами, его губы полупшепотом продребезжали:

– Ты видел это? Что это?

– Не успел рассмотреть: вы меня напугали. У вас есть еще святая вода? – священник мотнул головой в знак отрицания. Я неуверенно уточнил: – Думаете, нам следует продолжать? Ну, без нее?

– Давай посмотрим, что там, и потом уж решим.

Я повиновался и вновь направил луч фонарика в сторону успевшей сомкнуться тьмы. Снова свет выхватил что-то на полу пещеры. Я слышал частое, неровное дыхание отца Афанасия, оно резонировало с точно таким же прерывистым дыханием, вырывавшимся из моей груди. Луч фонарика высветил что-то голубое, из ткани, через мгновение я понял – это шорты, и рядом с ними, чуть позади, лежало что-то продолговатое коричнево-желтого цвета. Я направил свет на этот предмет и с ужасом разглядел труп ребенка, если судить по его размеру.

– Да что же это такое? – раздался позади меня голос святого отца, и в то же мгновение я почувствовал позывы рвоты

и ринулся в сторону выхода из пещеры.

Но добежать и тем более выбраться наружу мне не удалось, и я оросил содержимым утреннего рациона стены пещеры. Вдруг я ощутил, как моего плеча что-то коснулось, и, отскочив от неожиданности, ожидая увидеть тот самый желтоватый труп, я, весь сжавшись, развернулся и уставился в бледное и скорбное лицо отца Афанасия.

– Надо полицию вызвать, Максим, что-то мне подсказывает, что это один из мальчиков, которые пропали тогда... – тихо проговорил батюшка.

– Я полностью согласен, – промолвил я, жадно глотая воздух, – нужно передать бразды в руки закона. Идем на воздух, а то как-то тошно здесь.

Мы выползли из пещеры и, отойдя подальше, посоветовались и решили идти к участковому, которого отец Афанасий хорошо знал.

Худошавый участковый мгновенно посуровел, когда мы вошли с тревожными лицами в его кабинет.

– Отец Афанасий, что случилось? На вас, – он оценивающим взглядом прощупал меня, – на вас обоих лица нет. – Страж закона выскочил из-за своего стола и с озабоченным выражением вглядывался в лицо святого отца, положив свою руку тому на плечо.

– Михал Михалыч, ужасные новости! Помните, пять лет назад мальчики пропали?

– Ну, меня еще тут не было, но мне передал это дело мой

предыдущий коллега. К чему вы клоните, святой отец?

– Нам кажется, да-да, мы почти уверены в этом. Мы нашли одного из них.

– Так, ничего не понимаю, кто – вы, когда нашли? – участковый насупился. И внезапно спросил, прищурившись: – А вы не приняли на грудь?

– Да нет, что вы! Там, в пещере, мы с Максимом, – отец Афанасий кивнул в мою сторону. – Труп... это было страшно, такой маленький... За что же Ты, Боже, так с ним?.. Ведь он еще нагрешить-то не успел...

– Стоп, отец Афанасий, какая пещера? Вы говорите об одном, а второй мальчик жив?

– Нет... не знаем... мы лишь увидели одного... там тьма...

– Эта пещера далеко? Место людное? Кто еще знает?

– Да нет, это вдоль речки, километра три вниз по течению, сами еле нашли, вокруг ни души.

– Так, вы с Максимом ступайте к себе, я соберу ребят и заеду за вами, отец Афанасий, и съездим туда, глянем, что там такое.

Мы толком не успели зайти в дом, как в дверь постучались – это был Михаил Михайлович. Он увел с собой отца Афанасия, а мне строго приказал никуда не уходить и тем более не уезжать из деревни.

Я лежал на выделенной мне кровати и невольно возвращался к этим голубым шортам и тому, что могло случиться

в этой пещере, но сам не заметил, как потрясения этого дня измотали мой организм и спихнули его в омут сумбурных сновидений.

Поутру отец Афанасий поведал, как они вчера добрались до пещеры и что там, чуть поодаль, нашли тело еще одного мальчика.

– Я им не стал рассказывать про вашу историю с этим оборотнем и Глебом, надеюсь, вы сами им все поведаете, из первых уст, так сказать. Мне кажется, Глеб мог что-то знать. Эта история с пещерой, тьмой... мне она не нравилась с самого начала.

– Так что, нас допрашивать будут или что там?

– Я думаю, что да, мне Михал Михалыч сказал пока дома посидеть, мысли в порядок привести, чайку с мятой и ромашкой попить, – сказал священник. Через какое-то время он тяжело вздохнул и добавил: – Вызовут нас, в общем.

Под конец дня нас попросили-таки прийти к следователю. Мы с батюшкой перед этим договорились, что рассказывать про оборотня не будем, это крайне опрометчиво, поэтому сделали из всей нашей истории некий эрзац, приправленный правдоподобными ингредиентами.

Сопровождаемые лучами закатного солнца, мы вошли в здание ОВД.

В комнатке меня ожидали двое, причем, увидев одного, я остановился в замешательстве – его лицо мне было знакомо. И тот, взглянув на меня, сильно удивился и заговорил со

мною:

– А я вас где-то видел. М-м-м... Точно, вы тот свидетель, что нашел первую жертву неуловимого маньяка! – воскликнул мужчина и как-то обличающе указал на меня пальцем.

– Да, а вы следователь... – я замялся, вспоминая его фамилию. С одной стороны, я был рад тому, что мое замешательство относительно личности этого человека разрешилось, с другой – немного встревожен его обличительным жестом.

– Матросов, – напомнил он. – Немудрено, что забыли, память – она коротка, как известно, – и хитро так прищурился.

– Так, старые знакомые, мы сейчас по другому делу собрались, – вмешался другой следователь. – Я капитан Смуров. Присаживайтесь.

Он достал диктофон, включил его и открыл блокнот. Сделав какие-то пометки в нем, следователь обратился ко мне:

– Ну-с, начнем...

И я поведал, как мы с отцом Афанасием отыскивали пещеру и обнаружили там останки мальчика. Потом я перешел к рассказу о Глебе, сообщил, что тот был курьером, который отвозил как-то мой заказ. Вот пока оформляли бумажки, он и обмолвился о том, что однажды в детстве нашел пещеру, и упомянул название деревни. Меня это поразило, ведь относительно недавно я был там и искал просветления у местного священника – отца Афанасия. Будучи отчасти мистиком и полагая, что это совпадение не случайно, я отправился сюда,

как только выдалось время, и уговорил священника помочь найти эту пещеру. Намекнув, что, возможно, это было пристанище какого-нибудь пустытника.

В общем, следователь проглотил историю, и ничего в ней у него не вызвало подозрений. Поблагодарив меня, он попросил еще задержаться в деревне на пару дней, чтобы в случае необходимости меня можно было быстро найти.

Затем они вызвали для дачи показаний отца Афанасия, а я тем временем на улице вдыхал сочный воздух весны и деревни, не отягощенный городскими запахами. Где-то через полчаса вышел и священник. И мы пошли домой.

После ужина раздался стук. Мы переглянулись со святым отцом, и у каждого во взгляде читался немой вопрос: неужели опять по «делу»? На пороге появился следователь Матросов.

– Не кипишуйте, я не по делу пришел, – начал он, проходя к месту, на которое указал отец Афанасий, – ну, вернее, не совсем не по делу.

– Матушка, можешь пока заняться своими делами, – ненавязчиво выпроводил из комнаты супругу священник и закрыл за ней дверь.

– Что вас привело сюда? – обратился отец Афанасий к неожиданному гостю.

– Да вот, господа, – следователь окинул нас прищуренным взглядом, который, казалось, мог вскрыть черепушку и

вытащить оттуда все скелеты, которые не успели спрятаться в шкафу, – мне вся ваша история показалась неправдивой или, вернее сказать, не до конца правдивой. Я ума не приложу, зачем вам врать, но нюхом чую, – тут он поднял перст к кончику носа: то ли указывая на него, то ли намекая, что нам надлежит быть потише, – что-то вы утаили от моего, – он немного самодовольно усмехнулся, – не очень дальновидного коллеги. Предупреждаю: я на отдыхе, у меня отпуск, я приехал старушку-мать навестить, так что все сказанное здесь уйдет со мной в могилу, в остальном – пусть разбирается Смуров, я ему дела передал... давно уж.

Внезапно Матросов достал из-за пазухи бутылочку водки и, выставив ее на стол, продолжил:

– Мы люди тут простые, к тому ж не на работе, отдыхаем. Давайте немножечко выпьем и расставим все по своим местам. Оно ведь, знаете, как бывает: после рюмочки легче выговориться становится. Меня, кстати, Владимиром зовут.

Лично я был ошеломлен таким напором и с недоумением смотрел на отца Афанасия, который, на мой взгляд, немного нервически поглаживал бороду.

– Владимир, извините, но с чего вы взяли, что мы что-то утаили? – начал священник, косясь в сторону иконы, висевшей на стене, возможно, ища сил оставаться верным нашей «истории».

– Кто сказал, что утаили? Я сказал, что приврали. Но если вы уж сами признали, что утаили, наверняка какую-нибудь

мелочь, что-то несущественное, то... Вы поймите, я вас не виню, я лишь хочу... выпить, – Матросов приподнял бутылку и, вздохнув, продолжил: – Это дело с бедными мальчуганами было рыбьей костью, от которой я и сбежал отсюда, может быть. Сделайте доброе дело, святой отец, достаньте три рюмочки. И мы с вами выпьем и расскажем, что у каждого на сердце накипело.

– Господи, прости, – сказал святой отец и вышел на кухню.

Вернулся назад он уже с тремя рюмками, а через минуту зашла матушка и занесла закусь.

– Владимир, пути Господни неисповедимы, а за последнее время слишком уж много совпадений случилось, чтобы продолжать что-то скрывать, – нахмурившись, пробасил батюшка. – Видно, сам Всевышний подталкивает нас к тому, что мы должны быть до конца открыты, по крайней мере в этом тесном кругу.

– Верно, это лучше всего, – хлопнув себя по колену, обрадовался такому повороту Матросов, поднял рюмку и провозгласил тост: – За наш тесный круг!

Мы чокнулись и выпили.

– Ну, кто первый? Могу и я начать, – предложил Владимир, и мы с отцом Афанасием молча согласились с ним. – Как я уже и сказал, это дело выбило меня из колеи. Тогда, пять лет назад, мы потеряли мальчиков. «Мы» я говорю, потому что всегда чувствовал ответственность за то, что не смог найти их. Так вот, Петя и Леша...

– Как Петя и Леша?! – невольно перебил я.

– В смысле – как? Звали их так, Петр и Алексей, мать с отцом дали имена при рождении, – следовательно снова сощурил глаз. – Ну мы после это обсудим, а пока... Тогда родители были безутешны, и мы работали в авральном режиме, но поиски так ничего и не дали. Следы мальчиков вели к речке и там исчезали – собаки были в недоумении, мы тоже. Удочки, надо сказать, были на месте, парни пошли на утреннюю рыбалку и... Мы продолжали искать, искать и искать. До последнего надеялись, что они вот-вот выйдут-таки из долбаного леса, или с остановки, или еще откуда. Но нет. Потом уже оставалось лишь верить, что найдутся хоть тела. Но и тела не обнаружались. Через какое-то время поиски сошли на нет. А я не смог вынести груз ответственности и стал проситься, чтобы меня направили куда подальше от здешних мест, думал, так удастся отвязаться от мучивших мою душу угрызений. Понимаете... – Владимир на мгновение прервался и посмотрел сначала на священника, потом на меня, и, черт побери, мне показалось, его взгляд наполнился выражением полной безысходности. Затем он взял себя в руки и, перекатывая рюмку между пальцами, продолжил: – В голове словно блокнот, в котором красными буквами вырезано: «Петр и Алексей. Дело ОТКРЫТО». Я, может, еще юн тогда был, хотел, чтобы у меня все получалось, и тут такой удар по х... то есть самолюбию. Больно, больно зацепило и до сих пор не отпускает. Вы, господа, моя последняя

надежда.

– Но что вы хотите? – спросил я в некотором недоумении. – Ведь детей обнаружили. Вернее, их трупы... Разве вы не можете зачеркнуть в своем блокноте «открыто» и написать «закрото»?

– Я хочу правды, черт подери! – повысил голос следователь. – Я не сомневаюсь, что это не вы убили и изнасиловали несчастных детей, но хочу знать все, что знаете вы. И если будет возможность найти этого выродка, который затолкал трусы несчастных пацанят им в глотки и подрезал ахиллесово сухожилие, чтобы они не убежали, я хочу, чтобы ни одна крупица существенной информации не утекла мимо Смурова.

– Но всякой ли правде вы способны поверить?... – вставил отец Афанасий, лицо которого было хмуро и мрачно.

– Будьте покойны, мне по службе много чего приходилось выслушивать. Давайте за правду! – Матросов поднял рюмку, и мы, чокнувшись звонкими краями, опорожнили их разом.

Отец Афанасий начал медленно излагать свою часть трагедии, задумчиво оглядывая то меня, то Владимира:

– Наверно, основную историю расскажет Максим, моя роль в ней была, так скажем, побочна. Я жил и работал при этой нашей церкви Святителя Николая. И однажды ко мне постучал вот этот молодой человек и попросил помощи в очень странном деле. О нем он расскажет сам чуть позже, я надеюсь, – батюшка сделал паузу, они с Матросовым во-

просительно взглянули на меня, и я утвердительно уронил голову себе на грудь. – Ну, в общем, я помог, чем смог, но на тот момент я считал, что он слегка не в себе, – я изумленно поднял бровь, на что отец Афанасий развел руками и продолжил: – Я поделился с Максимом теми крупными данными информации, что смог откопать, ну а дальше он сам уже решил, как ту информацию понимать и что с ней делать. И как показывают события, вероятно, применил те знания должным образом и во благо человеку. Так вот, через несколько месяцев, вот то есть недавно, заявляется Максим снова. Я уже с порога было подумал, что все, слетел с катушек бедняга, но в душе захотел помочь ему хоть словом одним. И рассказал мне Максим свою историю, я, признаться, не верил ей, да и сейчас не могу до конца поверить, но уж больно много совпадений в этом деле. На всякий случай решил сопровождать парня в его поисках, чтобы приглядеть, так сказать. Ну, сами поймите, – батюшка извиняющимся взглядом посмотрел на меня, – пришел чужак, рассказал там всякого, да еще и пещеру надумал какую-то неведомую разыскать... Хорошо, что хоть очами бешено не вращал и пеной не брызгал, а то честно слово – позвонил бы куда следует, – священник слегка улыбнулся и подмигнул мне. – А потом мы нашли ее, то есть пещеру эту, и обнаруженное там пошатнуло меня до самых моих основ. После увиденного в том гроте кошмара я смотрю на историю Максима уже не так скептически. Хотя скажу, что каких-то фундаментальных подтверждений мне

не дано было, но сердце, сердце говорит, что не стоит воспринимать все в штыки, надо, как бы это выразить-то... поверить. Да, думаю, моя часть рассказа тут и закончится, ну и вам, Владимир, мое напутствие – откройте свое сердце, постарайтесь поверить.

– Ну, тогда за веру, – провозгласил Матросов, и вновь все емкости опустошились разом. – Максим, я весь обратился в слух и открыл свое сердце, – и он показал ладонями у груди, как это сделал. – И еще, Максим, вы меня извините, что я, ну тогда, когда вы звонили, нагрубил вам: меня начальство только-только пропесочило по полной, дело расползлось по швам, нервяк, напряжение – сами понимаете, а тут еще и вы со своими предположениями... Ну я и вскипел... А потом забылось как-то в суматохе... Вот... Ну теперь, я полагаю, вы можете начинать...

После всех излиятий и откровений моих собеседников мне как-то неловко было приступать к своей истории. Пока они рассказывали, в голове пару раз проносились тревожные сомнения: «Макс, Макс, а было ли то с тобой в реальности? Макс, оборотни, Макс, вдумайся – какие, на хрен, оборотни в нашем-то веке!» Но я вспоминал и свои кошмары, и ту финальную встречу, и тот ад, через который мне пришлось пройти. И говорил себе: «Ну убийства, убийства же кончились, значит, что-то было, значит, правда, не смей сомневаться в том, что ты видел, чувствовал, через что прошел. Иначе и они тебе не поверят, и никто тебе не поверит

никогда».

И набравшись решимости, я стал разматывать перед Матросовым клубок моих злключений и невероятных событий (особенно, я думаю, с точки зрения выдавшего виды следователя) вплоть до момента, когда мы все оказались тут, в доме священника.

Когда же я рассказывал о Глебе, опять не мог вспомнить его фамилию:

– Серебряков... Серединский...

– Сребринский? – подсказал следователь.

– Точно, а вы отку...

– Потом скажу, – замахал он на меня рукой. – Дальше продолжай.

И вот, когда я закончил, слово взял Владимир.

– Да уж, ваша история невероятна, но... Но смущает такое количество совпадений. Ну а теперь и у меня есть кое-что в эту копилочку... Я, признаться, готов был предположить, что это вы, Максим, каким-то образом убивали и водили нас за нос, но факты не вяжутся... И этот Сребринский, упомянутый вами. Да, занято... Месяца два назад мне позвонил товарищ и сообщил, что мой земляк покончил с собой. И еще прихмыкнул так... Чем возбудил во мне любопытство, а потом и предложил: «Заезжай поглядеть». Я заскочил, а он и спросил, не знаю ли я Глеба Сребринского, ну я ответил, что нет, тут коллега веер фотографий и разложил передо мной. В общем, этот ваш Глеб наложил на себя руки, да еще как

наложил: ушел, так сказать, с шиком... – следовательно многозначительно поднял вверх пустую вилку. – Короче, нашли его поутру прохожие, которые шли мимо стадиона. Он насадился глазами на шпиль забора, жуткое зрелище... – Владимир резко опустил вилку на помидор, который взорвался внутренностями по блюду: мы со священником как замороженные смотрели на месиво, а наш собеседник продолжал: – А потом этот товарищ мой показал предсмертную записку почившего чудака... Я вот даже все записал, зачем, правда, не знаю... – Матросов порылся в блокноте и зачитал нам: – «Я больше не могу видеть этой пустоты, мне все кажется, что там тьма, и она ждет меня». Ну в каком-то смысле она, тьма-то, его нагнала-таки.

Священник перекрестился и беззвучно задвигал губами, глядя в сторону иконы на стене. Следовательно что-то черкнул в своем блокноте.

– Отец Афанасий, Максим, – Матросов внимательно и серьезно посмотрел на нас, – больше, конечно, к тебе, Максим, обращаюсь. Твоя история невероятна, оборотни, тьма, пещера, изнасилованные дети. Надо, наверно, как-то пропустить это через себя, отфильтровать, выдержать время, чтобы отстоялось, и затем посмотреть на эту историю свежим взглядом и с открытым сердцем, как посоветовал отец Афанасий. Ночью гораздо легче верится таким вещам, да еще когда громкость вопящего здравого смысла приглушила водочка. Погляжу на это утром. Может, удастся увидеть все под

новым углом. А жаль, что эти убийства совершил какой-то оборотень, а не реальный Глеб, а то очередной висяк получился. Хм, смотрите-ка, я уже стал говорить, будто я это все на веру принял... – следовательно погрозил мне пальцем, слегка улыбаясь. – Ай-ай-ай, Максим, играть такие шутки с серьезными людьми. Ну, в общем, я хочу раскланяться. Премного благодарен вам за откровенность и... – он провел по губам двумя пальцами, – давайте не будем никому рассказывать ни саму историю, ни то, что мы с вами тут собирались и обсуждали все *это*... Ни к чему это... да.

Владимир встал, пожал нам руки, сердечно поблагодарил священника за гостеприимство и ушел.

А я остался, задержался даже больше, чем планировал. Хотел всего-то найти пещеру, а потом, после всех этих разговоров по душам, понял, что мне надо побыть тут, «на краю», на краю чего: моей жизни, моего здравого смысла, или просто на Краю?.. Не знаю. Я просто уговорил отца Афанасия дать мне пожить тут с ними какое-то время, вызвался помогать ему – по церкви там или по хозяйству. А он, поразмыслив немного и переговорив с матушкой Анастасией, согласился.

Через несколько недель, когда я красил ограду прихрамовой территории, отец Афанасий подошел ко мне и сказал:

– Я только что получил известие от нашего общего знакомого – Матросова. Он сообщил, что после того, как вернулся из отпуска, так, на всякий случай, попросил отправить дан-

ные ДНК Глеба капитану Смурову. Ну тот ничего не понял, но Владимир уговорил-таки его «для успокоения совести», как он сказал Смурову, сравнить ДНК Сребринского с образцами материалов, собранными в пещере и с тел мальчиков. Через несколько дней капитан перезвонил Матросову и сообщил о совпадении. И ему, Владимиру, легче стало. Он говорит: «Передай Максиму (я сказал, что ты у меня пока тут трудишься), что теперь я с чистой совестью заменил „открыто“ на „закрыто“ в своем ментальном блокноте». Один упырем, дескать, на свете меньше стало – туда ему и дорога. Но, говорит, насчет оборотней и тьмы он никак не может поверить, извиняется... Полиция же продолжает искать маньяка. Но Матросов считает, что тот засел на дно и могут пройти годы, пока преступник снова выйдет на тропу убийств. В общем, благодарность тебе от нашего сообщника-следователя, – священник даже улыбнулся своей остроте: мрачные события отпускали нас потихоньку, мы с отцом Афанасием все чаще улыбались и даже, страшно признаться, однажды смеялись до слез, – за то, что ты ему помог снять бремя с его совести. Вот такие пироги, Максим.

Я слушал и недоумевал, каким боком все вышло, хотя какая-то часть меня яростно закивала головой и произнесла где-то глубоко внутри: «Я же говорила, я знала, что в итоге так и обернется». Может, это была та самая злосчастная интуиция, которая вывела меня на «Гермес+» и перенесла мои кошмары из мира грез в реальность.

Мы с отцом Афанасием много беседовали о случившемся. Мне даже казалось, будто он специально разговаривал меня: может, надеялся, что я наконец осознаю, что все мне лишь привиделось, было именно галлюцинацией своего рода. Мы это обсуждали, и я сетовал, конечно, что никто, кроме меня, не видел оборотня, тьму. Ну, возможно, Глеб что-то и мог подтвердить, но он уже был недосыгаем, как мочка уха для языка. Поэтому нам с батюшкой оставались лишь разговоры.

Я стоял в пещере, той самой пещере, где Глеб... Луч фонарика метался по стенам и сводам.

– Зачем я пришел сюда? – тихо-тихо спросил я окружающую меня тьму.

Она схлопывала свои черные челюсти, стоило лучу света сдвинуться с места, но не отвечала мне.

– Как вы думаете, Бог специально нас свел с этим Глебом? – я снова проигрывал в памяти диалог со священником.

(– Не ведом нам замысел Божий, Максим, но кажется мне, что это все не просто так.

– А знаете, я подчас думаю, что Бог отвлекся, заигрался где-то в другом месте и случайно упустил из виду... ну вот нас, Глеба, этих детей: Петю и Лешу, ну, может, в первую очередь Глеба и детей, но упустил, а когда обратил свой взор на нас, было уже поздно...

– Максим, Бог не мог отвлечься, он всевидящ.

– Но тогда как?! Как?! У меня в голове не укладывается!

– У Бога был замысел, но нам, смертным, не дано его понять...

– А что если и тьма, и оборотень, и все, что было, это правда? Значит, Богу это тоже зачем-то нужно? Ну я знаю, вы склонны думать, что это галлюцинации, но если допустить, что это правда, тогда... тогда эта тьма реальна...)

– Та тьма, глебовская тьма, она реальна? – снова спросил я у темноты, нещадно рубая ее фонариком.

Я пошел в тот угол пещеры в какой-то отчаянной попытке все-таки увидеть, что да, эта трещина и тьма в ней – реальны, доказать самому себе, что все, что было со мной, реально, что я реален. Я водил рукой по каменистому полу и шершавым стенам пещеры – никакой трещины нигде не было...

«Но оборотень. Оборотень-то был, – рассуждал я. – И убийства были. И та боль, что я испытал в чертогах тьмы, была ой как реальна!» И вдруг мне привиделось, как все могло быть: Глеб, совершив ужасное злодеяние, не смог примириться с ним, может, где-то в его душе была искра человеческого существа, и эта искра сопротивлялась. Он не захотел поверить, что это сделал он, и выдумал, может, даже прямо здесь, когда в мальчиках еще не успела остыть кровь, эту тьму, что поглотила его. Хотя если абстрагироваться, тьма действительно поглотила Глеба, убила почти все человеческое в нем. И он натянул на себя эту личину и стал, да – оборотнем, обернулся не тем, кем являлся, – жертвой какой-то там тьмы. А потом каким-то образом эта тьма, копившаяся в

парне, прорвалась наружу, в наш реальный и благоразумный мир, где пропасть ничего не подозревающих, беззащитных людей.

Здесь, в темной пещере, такая фантастическая история казалась вполне правдоподобной. «Не ведом нам замысел Божий... но кажется мне, что это все не просто так», – пробубнил я.

– Да, не просто так, – ответила мне тьма, и я выронил свой фонарик от неожиданности.

Я увидел силуэт: фонарь светил в сторону, поэтому невозможно было разглядеть, кто же это был. Передо мной стоял некто в балахоне, скрывавшем лицо, в руке горела сигарета: красный сверкающий глаз в окружавшей ее тьме.

– Пойдем уже отсюда, – человек в балахоне сделал приглашающий жест рукой. Затем взял и воткнул сигарету в стену пещеры – раздался странный звук: крх... крх. Потом (этого не может быть!) окурок словно выжег кусок бугристых темных обоев, оклеивающих грот, открывая нечто переливающееся, похожее на перламутр (перламутр в стенах, да еще и волнующийся как кисель?!). И огненные всполохи обрамляли края этих шириющихся разрывов сияющего пространства. Фигура в балахоне шагнула в перламутр и растворилась в нем. Какое-то время разрывы увеличивались, но всполохи по краям угасли, и разрывы стали затягиваться, будто гигантские заживающие порезы (пространства?), медленно, но верно. Мешкать было нельзя, или проход (?) закроется (ну и

хрен с ним, чувак, у тебя глюки – тебе пора полечиться!), но меня звали (а куда?!)...

Пересилило «звали», и я, шагнув к стене пещеры, с закрытыми глазами погрузился... (в стену! в стену, мать ее, пещеры!) в неизведанное. На какой-то миг мне почудилось, что я пролетаю через комнату, погруженную в полумрак и освещаемую лишь настольной лампой.

Я открыл глаза, и в них ударил свет. Одновременно с тем, как зрение адаптировалось к сиянию, на меня обрушились воспоминания.

Мне явился образ Мишки, и этот Мишка отчего-то покрывался рябью. И что самое удивительное: то было мое воспоминание, которое почему-то вдруг стало другим. Затем я видел себя едущим в поезде и рассматривающим облака, а через мгновение перед глазами мелькнуло изумленное лицо старичка, и я услышал его возглас: «Едрить твою в качель!» Потом я уже летаю над родной планетой, и странная вещь – меня никто не замечал, как будто я был бесплотным призраком. Следом – как чуть не сгорел на солнце. А потом потерялся и разговаривал с борщом (!) в космосе. И летел куда-то, доверившись этому внеземному созданию (ну борщу или чем бы оно там ни было). И потом я оказался по ту сторону (чего – я и сам не знал, может, нашей Вселенной?). А на меня набросились, ну, вернее, сначала мило подплыли какие-то сферы, наполненные чем-то вроде тумана. А потом – они накинулись на меня, и я стал переноситься (этот про-

цесс невозможно передать!) в какие-то непонятные места, такое ощущение, что я переживал чьи-то жизни или вроде того. Вдруг мне каким-то чудом удалось вырваться из хватки мерзких шаров, но, будучи все еще запертым в их мире, я решил... решил на нечто страшное, но единственно возможное в тех условиях. Я несся со всей мочи к солнцу, а позади меня... за мной гнались сферы – множество алчущих моих эмоций сфер. Я подлетаю все ближе и ближе и знаю, что меня вот-вот, через мгновение, уже не будет.

Такие вот воспоминания наполняли меня, словно объемную амфору терпким душистым вином.

А еще одновременно от меня ускользали, будто пассажиры в проходящем поезде, какие-то лица, слова, ощущения, боль. Я видел все это, но лишь на какой-то миг, потом все смешивалось, спутывалось: какие-то моря крови, трещины с тьмой, выпрыгивающей на меня, Глеб (кем бы он ни был) висел на заборе и не шевелился, был еще какой-то матрос, который кружился в ураганном вальсе со священником, и был луч фонарика, разрывающий мрак пещерный, доисторический мрак.

А потом все это стерлось, и я, проморгавшись, увидел перед собой... глаза, небесно-голубые глаза. Они улыбались мне, и вдруг я понял: нет, это не глаза улыбались, я действительно видел улыбку...

Конец!

Часть 1,3 3 3 3 3 3 3 3 3 3

Наблюдая, как зачарованный, этот ритмичный бег пурпурных волн: снизу вверх, справа налево – все сливалось в бесконечную ленту, Максим слышит, как что-то из глубины снова шепчет ему:

– Рви когти, пока не поздно, дурак...

Он визуализирует руль и педали, и нога его тонет в пустоте, вдавливая мысленную педаль до упора. У него получается, и его сфера начинает набирать скорость. Максим всей душой надеется, что эти существа летают медленнее, чем он. Невольно вспыхивает мысль, затормаживая движение его сферы: умеют ли они мстить и пытаться. И тут же беря себя в руки, концентрируясь на скорости, Максим еще раз бросает беглый взгляд вниз. Он видит, что пока еще все спокойно, но через некоторое время замечает, как сферы поднимаются и, набирая скорость, движутся за ним. Никакого пурпура уже нет, только дым, темный дым.

– Хорошо. Положим, они не могут двигаться быстрее меня, но какая у меня альтернатива – летать вечно, спасаясь от них? – Максим задумчиво уставился прямо перед собой. Перед ним стремительно увеличивался диск голубого солнца, и тут ему со всей неприглядной очевидностью предстала страшная дилемма: или вечно быть безвольной марионеткой этих извечных сфер, или умереть не самым приятным образом – сгореть в галактической духовке.

Диск чужеземной звезды приближался, и Максим сам не заметил, как погрузился в воспоминания. Словно вращаясь

на дикой карусели, вокруг него проносятся друзья, девушки, родители, детство, юность, и все это движется с головокружительной скоростью, а он пытается забрать с собой (куда?) все эти воспоминания. Диск солнца заслоняет все пространство, насколько хватает глаз. Температура внутри растет, что отвлекает Максима от воспоминаний, – он бросает взгляд назад. О ужас! Ближайшие сферы почти настигли его, они тянутся к нему, как умеют, в отчаянной попытке схватить прежде, чем...

Жара обсасывает Максима, как ребенок фруктовый лед палящим солнечным днем. Нужно покончить со всем поскорее! Поэтому – педаль в пол. Псевдоавтомобиль делает финишный спурт, увлекая вместе с собой Максима в самое сердце пылающей звезды.

Часть 2

– Так ты все-таки настоящий? – проговорил изумленный улыбающийся рот, от которого не мог оторвать глаз Максим.

В голове его продолжалась круговерть, и он смутно понимал, что надо что-то сделать, но это что-то ускользало от него. Поэтому Макс лежал и тупо смотрел на улыбающееся лицо, окруженное ярким светом, идущим отовсюду. Вдруг улыбка стерлась с лица, и на нем возникло горькое разочарование, алые губы произнесли:

– Неужели эти шары промыли тебе мозги, выпили тебя досуха? А я было понадеялась, что у меня будет компания и...

Максим поднял руку и потрогал лицо, то лицо, что склонялось перед ним, оно было реально – это был не сон. Его рука скользнула чуть ниже, по шее, и коснулась груди. Он стал видеть прорисовывающуюся из яркого света стройную фигуру присевшей к нему девушки.

– Ты, ты реальна... или это опять они? Я снова попал в эти их видения?

Голубые глаза заискрились смехом:

– Ты говоришь! Ура!

Максим сел и обхватил голову руками, пытаясь утихомирить ураган в своей голове.

– Что со мной, где я? – спросил он у девушки. «Неужели

она таки реальна?! – пронеслась мысль. – Или мне не удалось удрать от этих долбанных сфер и опять все снова, блин?»

– Ты у меня в гостях, – прозвенела приятным голоском девушка. – Кстати, меня зовут Варвара, ну да что там, – премило махнув ручкой, она продолжила: – Можно просто Варя.

– Варя... – как-то невнятно пробормотал Максим, в его голове все никак не могли сложиться в пазл алчущие сферы и какие-то голубоглазые Вари. Нет, Ва-ря, она – одна, это было мимолетное задвоение образа. И Макс часто-часто заморгал, чтобы еще раз убедиться в этом и просушить скопившиеся у переносицы слезы.

– Ну да, я – Варя. Только не говори, что и тебя тоже зовут Варя, – потускневшим голосом сказала девушка – на ее чело легла тень сомнения. – Или все-таки шары промыли тебе мозги?

– Шары? Ну да, эти сферы... питались мной, – произнес Макс, и его передернуло при воспоминании. Потихоньку голова прояснялась. Он взглянул прямо в сияющие глаза девушки и сознался-таки: – Я Максим, кстати. Ну раз уж мы уже на короткой ноге, то Максом буду я для тебя, – и он расплылся в улыбке, то ли от своей шутки, то ли от вида этих восхитительных глаз.

– Слушай, Варя, а ты что-то сказала о гостях, – снова заговорил Макс. – Может, просветишь меня, где это мы, почему тут так ярко? И, к слову, о незваных гостях... Эти сферы... Я не хочу, чтобы они оказались вдруг здесь и устроили

со мной эту их содомию, – Максим тревожно осмотрелся вокруг, ожидая увидеть коварную сферу, хитро выглядывающую из-за угла и готовую броситься и безжалостно овладеть им. Но никаких углов не было заметно и сфер, кстати, тоже. Все пространство заливал ровный яркий свет.

– Это... Ну, наверно, можешь звать это моим домом, что ли... – сказала девушка. Ее лицо изменилось. Она, приблизившись к парню, уставилась своими прелестными глазками в его темные зрачки и прерывающимся голосом начала говорить, будто пытаясь вбить в него слова: – Максим, слушай... Мне пришла мысль... Ты единственный, кто мне встретился за все то долгое время, что я здесь... Может, у нас получится... У меня одной не вышло, но, – Варя с невыразимой мольбой заглянула, кажется, еще глубже в глаза гостя, – вдруг, Максим, вдруг у меня... то есть у нас... есть шанс выбраться отсюда...

– Ну я бы не сказал, что я против, но...

– Никаких но, Макс, мы должны... попытаться, – глаза Вари еще больше расширились, заливая парня своей умоляющей глубиной.

– Ну ты хоть в план меня посвятишь, а то если для открытия портала нужно заколоть девственницу и вызвать дьявола... Я прям даже не знаю, смогу ли я...

– Макс... Мне кажется, у нас есть шанс, я сама пробовала, но я не могу думать о двух вещах одновременно, а теперь, когда у меня есть ты... ты сможешь думать... как нам вы-

браться отсюда, а я, я воплощу это. Я могу, верь мне... Я многое могу здесь, – и Варя обвела рукой неопределенную бесконечность вокруг нее.

– Ты знаешь, все так внезапно... Думать, говоришь...

– О, Макс, не думай об *этом* сейчас... Я провела тут так много времени, что каждая минута на счету.

– То думай, то не думай, черт разберет вас, женщин, – с деланным недовольством произнес Макс.

– Нет, Макс, ты думай, думай, как нам выбраться отсюда.

– Ну хорошо, а о чем конкретно думать-то?

– Думай о нашем мире, думай о доме, думай и о том, как ты хочешь оказаться там!

– Хорошо, хорошо, только не смотри на меня так – а то мне кажется, твой взгляд раздавит меня как каток, – внезапно Максиму пришла в голову мысль, повергшая его в отчаянье, и он мрачно спросил у Варвары: – Слушай, а если мы вернемся туда?.. Ну в смысле прямо в космос. Что мы будем делать? Одни, посреди черт-те где...

– Мы умрем, – спокойно проговорила Варя, – я полагаю, наша смерть будет быстрой: холод, космос, отсутствие кислорода... Ну ты понял... Но, – оживилась она, – это будет лишь освобождением, поверь мне.

Макс припомнил, как и сам решился на отчаянный шаг, но в данный момент он жив, и желание жить влилось в него с новой силой. Гость попытался озвучить свои опасения хозяйке:

– Варя, я только-только заново родился, – руки парня невольно ощупывали тело, будто пытаюсь удостовериться, что все на месте, и с укором в голосе он продолжил: – А ты хочешь, чтобы я опять перешел черту и...

– Но Макс, – не дала ему закончить Варя, – сам подумай, мы будем торчать здесь долго, так долго, что ты и представить не можешь, не лучше ли не оттягивать то, что неизбежно будет ждать нас там? К тому же, Макс, надо надеяться! – и ее глаза заблестели детским восторгом. – Смерть будет лишь спасением, которого мы не достигнем здесь, но если... Верь мне, у меня есть хорошее предчувствие: если все обернется к лучшему, мы окажемся дома, в нашем мире, где, где все такое родное, такое... вещественное... О Макс, помоги мне! Без тебя мне не выбраться – я уже пыталась.

Максим колебался, но разумные доводы девушки стали склонять чашу весов в пользу ее предложения:

– Ну хорошо, я в деле, только, может, расскажешь мне – что, кто ты? И вообще...

– О Макс, какой ты глупый! Если мы погибнем – зачем тебе это знать? Если же нет, то там у нас будет время поговорить, – резонно заметила Варя. Улыбка девушки соперничала со светом, льющим со всех сторон, и Максиму передавалась ее уверенность в положительном исходе их предприятия.

– Ладно, я начну думать, но ты должна помнить об уговоре, – и он, сделав шутливо-грозное лицо, погрозил Варе

пальцем. – Ну, давай, твори свою... магию-шмагию.

– Макс, я верю, у нас все получится, и мы все узнаем друг о друге. А теперь думай, думай о доме, о родных местах, людях, обо всем, что тебе близко, словно оно рядом, стоит только отворить дверь...

И Максим стал яростно призывать все свои воспоминания о доме, планете, близких людях, обо всем, обо всем, что составляло его мир тогда, там – по ту сторону.

А Варя сконцентрировалась на вмещающем их пространстве, на себе, на Максе, на его мыслях, в какой-то момент она ощутила, что может словно потрогать образы руками, вокруг нее роились бесчисленные сияющие всполохи namного ярче лившегося отовсюду света. Девушка поняла, что сейчас самое время действовать, и, ухватившись руками за ткань окружавшего ее пространства, резким рывком свернула его, будто одеяло, укрывая себя, Макса и сияющие всполохи и перенося их вместе прочь из этого мира коварных сфер...

Макса и Варю окутала тьма: после яркого света, окружавшего их там, в другом «месте», глаза никак не могли адаптироваться ко мраку, наваливавшемуся со всех сторон. Они сидели на чем-то прохладном и землистом, напоминающем утрамбованную почву. Первой всполохи, появляющиеся из темноты, заметила Варя и радостно ахнула, но тут же осеклась, различив мрачное окружение. Всполохи расселись по сводам и стенам какого-то подземелья и источали тусклый свет, который позволял видеть на несколько шагов во-

круг. Максим протянул руку и коснулся коричневато-зеленого камня, местами покрытого мхом.

– Холодный, – зачем-то констатировал парень, тут же мысленно отругав себя за тупость.

– Где мы? – озвучила Варя вопрос, который волновал их обоих.

– Похоже на какое-то подземелье, катакомбы, канализацию, я не знаю, что еще там...

Глаза Вари уже не лучились тем светом и радостью, что Макс заметил в них по ту сторону. Он оторвался от них и стал осматриваться вокруг. Внезапно позади парень увидел нечто, что заставило его похолодеть на мгновение.

– Смотри туда, – он указал Варе на что-то движущееся в темноте, – что там?

– Я не знаю, но оно шевелится... – испуганно произнесла его спутница.

– Смотри, оно стоит на месте, там, у стены. Как ты думаешь, оно... оно живое?

– Не знаю, но мне жутковато.

Некоторое время они с тревогой наблюдали за чем-то шевелящимся на границе, где тьма поглощала все формы и куда уже не мог проникнуть взор. Максим постепенно успокоился: это *что-то* явно не имело никаких враждебных намерений, и любопытство взяло верх.

– Я пойду взгляну поближе, что там такое, – с деланным хладнокровием сказал новоиспеченный диггер и попытался

высвободить руку, которую девушка крепко стиснула ладонями мгновение назад.

– А ты уверен? – Варя не так быстро отходила от страха, обуявшего ее в этом темном склепе.

– Мне кажется, что если бы оно хотело съесть, убить или сотворить с нами еще более жуткие вещи, то уже сделало бы это. Звучит логично?

– Звучит-то, может, и логично, но если подумать, как мы здесь оказались, то с логикой это мало вяжется, – Варя попыталась улыбнуться. И совладав немного с собой, выпустила руку юноши из своих объятий.

– Если оно вдруг бросится на меня, беги туда, – и Максим указал в противоположную часть тоннеля, скрытую в зловещем мраке.

– Ага, и что *там* меня ждет? Может, там тварь еще похлеще скрывается.

Максим задумался над словами девушки и, решив, что она права, сказал:

– Ну ладно, жди здесь, а я – на разведку.

– Хорошо, но будь осторожен: я только встретила живого человека – было бы ужасно потерять тебя и остаться опять одной... тут, в этих катакомбах... – Варю передернуло от одной мысли о такой перспективе.

Максим направился вперед, к неизведанному: оно все так же зловеще двигалось во мраке. Парень уже подошел совсем близко, как вдруг несколько всполохов, перепорхнув, распо-

ложились рядом, и ему открылось то, что скрывала тьма.

– Варя, иди сюда. Это то, о чем я думаю?

– Это похоже на... – девушка прикрыла рот руками, ошеломленная увиденным.

– На тот самый портал, через который я попал туда, к сферам, только в разы меньше, – проговорил Макс, уставившись на стену, сложенную из камней. Но в этом месте была уже не стена, а словно живая темная субстанция, в которой плавали, то появляясь, то исчезая, красновато-белые прожилки. Оболочка, пульсируя, поднималась и опускалась, создавала волны, которые, разбегаясь к краям, терялись на периферии, и дальше шла своим чередом кладка: однообразная, унылая, древняя.

Максим задержал дыхание и, как зачарованный, всматривался в клокочущую тьму. Вдруг он услышал резкий вздох Вари, которая, очевидно, тоже забыла дышать, уставившись в гипнотическую черноту, и последовал ее примеру, глубоко вдохнув и оторвав наконец взгляд от портала.

– Макс, я... я дышу...

– Точно, мне это как-то в голову не пришло... Там я не помню, чтобы дышал вообще...

– С нами что-то произошло, Макс... Это первый шаг к...

– К чему?

– Я не знаю, но у меня есть это самое чувство... уверенности, что мы идем в правильном направлении...

– Но этот портал, мне кажется, он приведет нас обратно...

– Нет, я не о портале говорю, само это место, Макс, эти ка-
такомбы... Я не знаю, что это, но чувствую, если нам удастся
выбраться из них, то...

– То что?

– То будет хорошо, комильфо, Макс, так, как надо... Я не
знаю, как это передать тебе, но я верю, что это так.

– А этот портал? Откуда он взялся?

– Макс, ты шутишь?

– Ну да, извини, откуда тебе знать, ты ведь не строила
это... подземелье, – и парень обвел унылым взором мшистые
стены и земляной пол.

– Слушай, Макс, а может, это ты?

– Что я?

– Ну из-за тебя мы попали сюда, – Макс изумленно
стал смотреть на Варю, которая продолжала развивать свою
идею: – Ведь это ты, ты должен был думать о нашем мире,
доме, близких, Макс. А ты думал о какой-то... дурацкой ды-
ре, тут даже солнце не светит, Макс! – она обвела рукой про-
странство и с укоризной и разочарованием буравила взгля-
дом виновника их бед. – Блин, надо всего только было ду-
мать о правильном месте. Чего сложного-то?!

Максим обрел-таки дар речи после такого бесцеремонно-
го наезда и перешел к наступлению:

– С хера ли это я-то облажался? Варя, может, твоя «ма-
гия» нас не донесла, куда нужно? – по расширившимся гла-

зам своей спутницы он понял, что уколол, куда следовало, но тут же стал укорять себя за несдержанность: «Она все-таки девушка, ей позволительно, а тебе... эхе-хе...»

Тут Максима осенило, и, пока Варя собиралась с мыслями, чтобы плюнуть ядом побольнее, он подкинул идею:

– Варя, слушай, а может, тебе опять попробовать эту свою магию, может, нас перенесет куда поближе? Что думаешь?

– Ну, во-первых, я думаю, что ты засранец, а во-вторых, хорошая идея, жаль, что я до нее первая не додумалась.

Максим ехидно улыбнулся и добавил деланно обиженным тоном:

– А я, между прочим, думал о доме, отце, матери, а не об этих мрачных стенах, – и он злобно пнул землю.

– Ну, давай еще разок попробуем, только попытайся сосредоточиться гораздо сильнее.

– Хорошо, я постараюсь. Слушай, мы как-то отвлеклись...

– В смысле?

– В смысле портал, ну я подумал, может, нам через него нужно пройти и...

– Не-не-не, – запротестовала Варя, выставив руки перед собой, словно пытаясь отгородить себя стенкой от безумно-бездумной идеи, предложенной ее визави, – ни за какие коврижки, я туда ни на полпальца не залезу. Ты че, рехнулся? Мы же попадем *о-бра-тно*, – впечатала Максу в лоб каждый слог своим пальчиком его компаньонка, – к тем... чертовым сферам. Ну уж нет, с меня хватит и одного раза. Ты

взгляни на эту пузырящуюся мразь: тебе хочется туда возвратиться? Мне – нет! Так что – забудь о своей бредовой затее.

– А может, это... испытание, ну знаешь, как если ты боишься пауков – надо в банку с пауками сунуть...

– Я ничего никуда совать не буду! – повысила тон Варя. – Какие, на фиг, пауки, они куда хуже, суй сам туда, чего хочешь, но я пас!

– Ну я пытаюсь взглянуть на вещи со всех сторон, мне пришла в голову идея, я ее озвучил... Че ты так кипятишься?

– Покипятишься, блин, побыв в одиночестве с мое! Лучше помереть тут, в этих подземельях, чем там. Я все сказала.

– Ну тогда план А? Твори свою магию, а я буду стараться думать о доме.

– Давай попробуем. И лучше отойдем от этого портала, а то у меня мурашки от него, что ли: как-то не по себе.

Максим и Варя отошли подальше, несколько всполохов перелетели вслед за ними и осели уютненько на стенах катакомб. Максим опустился на землю, приложил ладони к вискам и стал напряженно думать о родной земле и людях. Он, наверное, сильно покраснел от усердия, и, когда Варе показалось, что парень уже достаточно сосредоточился: на лбу от натуги вздулась жилка, она принялась концентрироваться, как и в прошлый раз. Подняла руки вверх, схватилась за ткань пространства, рванула и... потеряв равновесие, рухнула на Максима, придавив ему лицо грудью. Ошеломленная

девушка лежала, с недоумением рассматривая свои руки, и не сразу поняла, что по ней кто-то стучит. А Максиму уже не хватало воздуха, и он начал чувствовать, что задыхается. Варя заглянула под себя, оторвав грудь от лица парня, и тому удалось сделать вдох, она тут же осознала проблему и перекадилась с Максима на землю, затем начала всхлипывать:

– Черт подери, почему... почему не получилось?

– Варя, успокойся! – Макс стал поглаживать ее по спине. – Хочешь, попробуем еще раз? – чтобы хоть как-то успокоить девушку, предложил он.

– А ты правда веришь, что у меня выйдет? – с надеждой в голосе спросила Варя.

Максим сомневался в этом, но хотел ободрить ее, поэтому придал своему голосу как можно больше уверенности и произнес:

– Давай еще раз, ты сможешь... я верю.

– О, конечно, давай! – воспрянула духом Варя.

Смахнув слезы с ресниц, она встала с земли и снова приготовилась воровать, а Максим принял задумчиво-сосредоточенное выражение. На всякий случай он все-таки стал думать о доме. Но опять никакого результата не последовало. Они попробовали еще несколько раз, но с каждым промахом Варя все больше утопала в отчаянии.

– Нет, я здесь ничего не могу, – пораженческим тоном призналась она и уселась на землю к Максиму, спиной к спине.

– Не расстраивайся, я и там ничего не мог, – попытался утешить ее товарищ по несчастью. – Кстати, че будем делать дальше?

У него уже была мысль начать наконец двигаться куда-нибудь отсюда: этот пяточок подземного пространства Макс у положительно осточертел. Но он хотел, чтобы Варя сама предложила это и тогда бы отвлеклась от своего провала.

– Вон там, – она махнула назад, – портал, можешь пойти и сунуть туда, что ты там хотел.

– Слушай, не злись, Варь. Ты же сказала мне раньше, что вот прям чувствуешь – мы выберемся из этих катакомб и все будет хорошо. Так?

– Ну да, так.

– Так вот, теперь послушай меня, Варь – верь, – Макс развернулся и мягко стискивал плечи девушки в такт последним словам, будто пытаясь накачать ее этой уверенностью. – Продолжай верить, что мы выберемся отсюда так или иначе.

– Наверно, ты прав, Макс, лучше верить и... Ну, пойдём, – резко сказала она, вспрыгнув на ноги. Посмотрев тревожно в направлении портала, Варя развернулась в противоположную сторону и решительно указала: – Туда! Не хочу я идти мимо этого мерзкого портала. Хватит на сегодня переживаний.

– Поддерживаю, всеми руками за.

И они двинулись потихоньку вперед, сопровождаемые всполохами, которые перелетали с места на место или кру-

жили вокруг них. Одна вспышка метнулась было назад и на секунду высветила волнующуюся поверхность портала, на которой надулся пузырь, будто что-то с «той стороны» пыталось прорваться наружу. А затем, проколов пузырь, на холодную землю опустилось нечто похожее на лапку насекомого... большого насекомого... черного тихого насекомого. Но всполох полетел вслед своим собратьям, а Макс и Варя не поворачивались и не могли увидеть, что показалось из портала, поэтому, одухотворенные, шагали вперед и верили.

– Варя, я до сих пор ничего не знаю о тебе, – спохватился Максим, погруженный до этого в свои мысли, – хотя такое ощущение, что провел с тобой много времени.

– Я бы могла упрекнуть тебя в том же. Я все шла и думала, что ты вот-вот начнешь рассказывать о себе, а ты... витал где-то, – девушка засмеялась, и ее смех на мгновение оживил мрачные тоннели переливистым эхом. Она сразу смолкла, видимо, ей тоже показался противоестественным смех в таком месте.

– Вообще-то я думал о доме, знаешь, по инерции, что ли, после все тех попыток, которые мы... – Максим взглянул на Варю и, увидев искажившую ее лицо гримасу, оставил фразу незаконченной. Ему пришла в голову мысль, что если девушка расскажет о себе, то это ее отвлечет. – Слушай, а у тебя ведь был дом? Ну конечно, был, извини, я не то хотел спросить... Может, расскажешь о себе, а то ты такая таинственная, аж жуть.

– Так, может, это и хорошо?

– Знаешь, жути мне сейчас достаточно, вон, глянь, во-круг. – Макс ткнул пальцем в непроглядную черноту впереди, окаймленную древними камнями и землей.

– И не напоминай мне об этом... Может, ты и прав, что мне стоит рассказать о себе, но с уговором, – Варя шутливо погрозила пальчиком, – что и ты тоже побалуешь меня историей о своей загадочной жизни, – она улыбнулась, глядя спутнику прямо в глаза, но не решаясь засмеяться на этот раз.

– Ну хорошо, договорились, а теперь я обратился в одно большое ухо, – и Макс развел руками, чтобы показать, насколько огромным оно было.

Варя ушла в себя, словно принялась рыться в сундуках воспоминаний, и начала свой рассказ:

– Ты знаешь, Макс, я почти не общалась со своими родителями... Понимаешь, как все вышло... Я, видимо, родилась. Ну это я могу заключить по тому, что... Как это там: я чувствую, значит, я существую. Или что-то в этом роде. Но мне не довелось пообщаться с родителями на эту тему и, так сказать, получить подтверждение со стороны... их стороны, людей, которые породили меня.

Максим наострил уши: Варя казалась ему все более загадочной.

– У меня есть какие-то первые отрывочные воспоминания, – продолжала девушка, временами потирая плечи, слов-

но ей было холодно. – Вот я сижу за столом, а мама пытается сунуть мне в рот ложку с какой-то отвратительной, как мне кажется, едой, и я выбиваю эту ложку своей пухлой ручонкой. Или как я скатываюсь со снежной горки, и папа ловит меня внизу, но поскользывается и падает. А мне смешно, и я хохочу. И вот потом, я это помню уже отчетливо, появился... голос. Я не помню точного времени, когда все произошло, но тот голос заморозил меня. Весь остальной мир перестал существовать, был лишь только этот голос. Я просыпалась, и первое, что слышала, был голос. Ложилась спать, и последнее, что провожало меня в мир снов, был этот же самый голос. Он рассказывал мне обо всем на свете, я не могла оторваться от него, не могла послушаться. Он так интересно, как мне казалось, рассказывал. Иногда я чуть отвлекалась от голоса, хотела сказать родителям о нем, чтобы они послушали вместе со мной этот чудесный голос. И в эти моменты я улавливала тревожные лица родителей, каких-то незнакомых дядей и тетей, зачастую в белых халатах. Я слышала, как произносились фразы: «доченька, Варечка, любимая», «отставание в развитии», «что же делать – аутизм», «больше внимания, терпения», «за что нам все это», звучали и прочие слова, до которых мне не было дела. Этот волшебный голос через мгновение снова увлекал меня в неведомые дали и вещал, и вещал, и вещал, а все другое смазывалось, уходило на второй план, скрывалось будто какой-то мутной занавеской. О, я помню, как однажды этот голос предложил

мне отправиться в место, где он обитал, и познакомиться с другими такими же, как он. Я помню, как меня, словно электрический ток, пронизал восторг, экстаз, который я никогда ранее не испытывала: мне сделали такое волшебное предложение – могла ли я отказаться от него? Я ни секунды не сомневалась и тотчас же согласилась. Помню, мне снова хотелось сообщить все родителям, но вокруг было только что-то белое... И голос опять завладел моим вниманием, и я потеряла интерес ко всему происходящему во внешнем мире.

Варя поджала губы и развела руками: мол, что поделать – бывает. И немного переведя дух, повела Максима дальше по закоулкам воспоминаний:

– В какой-то момент голос сказал: «Поздравляю тебя, мы почти у цели, остался лишь маленький шаг, и ты будешь у нас». Я огляделась вокруг и испугалась: я висела в воздухе в какой-то темной комнате. Присмотревшись, я поняла, что комната не совсем темна, а наполнена мерцающими точками со всех сторон, и до меня дошло, что я в космосе. Я испугалась еще сильнее: мне почему-то почудилось, что я сейчас непременно умру, а может, уже умерла, и все это... Но мысль мне не удалось закончить, так как я стала проваливаться в какую-то пульсирующую воронку, словно натянутую там, в пустоте космоса. Эта поверхность приняла и поглотила меня, скрыв мой мир позади и ослепив меня светом нового мира. Я оказалась, ну не знаю, на какой-то площади, что ли, если я вообще имею право применять земные понятия к тому,

что существовало там. А вокруг меня, будто стая насекомых, роились сферы в каком-то невероятном количестве.

Максим заметил, как Варя поморщилась от этого неприятного воспоминания, и у парня перед глазами всплыли подобные картины из его собственного прошлого, но он отогнал их и снова сосредоточился на рассказе девушки.

– Я поначалу была ошеломлена тем новым миром, куда попала, и мой страх, который я испытала перед переходом, стерся под натиском новых впечатлений, – глаза рассказчицы сверкнули, и голос чуть дрогнул: Варя вновь переживала те удивительные мгновения. – Ко мне стала подплывать одна из сфер, и мне до ужаса захотелось узнать, та ли это сущность, что беседовала со мной, с которой так интересно и захватывающе было проводить время. Я присмотрелась и обнаружила, что нахожусь в какой-то сфере, и мне стало от радно от мысли, что я такая же, как они, мне показалось, что они меня приняли, сделали частью своего общества. Меня переполняла радость. А потом эта сфера коснулась меня, вернее, того шара, что окружал меня, и... И мы слились... И я попала в какой-то другой мир, стала... Оказалась каким-то мужчиной, который был на грани самоубийства и страдал, очень страдал... Бр-р-р... Через какое-то время я снова оказалась в мире сфер, я кричала, мысленно просила своего «приятеля» ответить мне, что происходит... С меня еще не... сошло то переживание, ну из того мира, где я была этим несчастным мужчиной. И тут я снова увидела сферу,

которая приближалась ко мне, во мне разыгралась надежда, что вот сейчас-таки со мной поговорят, объяснят мне что-то, но эта сфера снова слилась со мной, и я опять оказалась в другом месте... мире... не знаю. Но я снова была не я. И потом все повторялось по кругу: сфера – другой мир – новая сфера. Не знаю, как долго это продолжалось, для меня все слилось в какой-то бешеный калейдоскоп людей, мыслей, переживаний. В какой-то момент мне показалось, что они используют меня для чего-то и... И я пожелала быть в другом месте, и, о чудо, я вдруг перенеслась на какое-то расстояние от сферы, которая готова была... войти в меня. Они быстро обнаружили, куда я подевалась, и ко мне начали приближаться другие – веришь, нет? – я чувствовала себя костью, за которой охотится свора изголодавшихся собак. Я снова пожелала быть подальше оттуда и опять перенеслась в новое место, и вновь ко мне со всех сторон понеслись эти шары. Так продолжалось довольно долго: я перемещалась, они преследовали, я вновь куда-то ускользала, они настигали меня и там. Вдруг мне пришла в голову мысль: а что если пожелать, чтобы сферы меня не достали? И я стала думать об этом, и вокруг меня начало шириться, словно мыльный пузырь, нечто, заполненное светом, я видела, как шары безуспешно бились о поверхность этого нечто. И впервые за долгое время спокойно вздохнула. А через какой-то срок я свыклась с тем, что это, – Варя непроизвольно обвела рукой внутренности подземелья, сама не осознавая того, – будет моим домом. Но как долго –

я не могла и представить.

Варя подняла взор на свод тоннеля, туда, где сидели вспо-
лохи. Будто бы они могли дать ответ на вопрос: «Как долго?»
Так и не получив ответа, она продолжила:

– Я потеряла счет времени, если... вообще оно там суще-
ствовало. Ты знаешь, Макс, я иногда задумывалась над этим
потом и не могла прийти ни к какому однозначному ответу.
То мне казалось, что время застыло и я, словно в мерзком,
протухшем желе, замерла вместе с ним, внутри него. То мне
чудилось, что оно несется с бешеной скоростью и я вижу, как
все люди на земле появляются на свет, вырастают, умирают в
мгновение ока, поколения сменяются поколениями и галак-
тики вертятся, словно бешеные карусели. То вдруг приходи-
ло ощущение, что время пошло вспять и я вот-вот увижу со-
творение мира, и мысль о том, что я буду наблюдать нечто
невообразимое, что было по ту сторону создания, наполня-
ла меня безотчетным ужасом. Ты знаешь, Макс, в какой-то
момент мне пришла идея попробовать свои силы. И оказа-
лось, что все, что я могла представить, захотеть, то и осу-
ществлялось в том мире. Единственное, что у меня не полу-
чалось, это уничтожить дурацкие шары или выбраться из той
враждебной вселенной. Мысль о том, что я своего рода бог
в том мире, какое-то время тешила меня. И я развлекалась
как могла: появлялась за пределами дома, в то же мгновение
шары летели, чтобы поглотить меня, но в самый последний
момент – пшик, я оказывалась в безопасности своего жили-

ща; или играла в своего рода боулинг, направляя свой дом в самую гущу сфер и наблюдая, как они отскакивали от соударения с ним; или строила различные причудливые фигуры из этих сфер – в общем, развлекалась как могла. А потом мне пришла в голову идея создавать свои миры и наблюдать их со стороны, ну как будто ты смотришь фильм, что ли. И я отдалась этому увлечению. Представляешь мое удивление, когда один из персонажей моего кино перестал подчиняться моим приказам, моим желаниям. Это возбудило во мне колоссальное любопытство, я стала наблюдать за тобой. И вдруг там, в пещере, мне пришла в голову умопомрачительная идея: а что если мне удастся вытащить тебя туда, в тот мир, тогда у меня была бы компания. Я знаю, это звучит эгоистично, но попробуй понять меня... А когда, когда я увидела тебя там, в моей обители... Мне кажется, я сошла с ума от радости – человек, рядом со мной, живой... И знаешь, я так устала быть... жить в том мире, что меня сразу осенило попробовать удрать оттуда с помощью тебя. Ну вот такая история... А дальше ты все знаешь и сам.

Максим был под впечатлением.

– Это просто невероятно – еще некоторое время назад я бы точно не поверил ни единому твоему слову, – воскликнул впечатленный слушатель. – А теперь эта фантастичность, она... как-то даже сближает нас. Раз уж мы начали – у меня тоже есть что рассказать тебе.

И Максим начал долгое повествование о своей жизни и

приключениях, которые произошли с ним по пути в мир сфер, а затем и в самой этой загадочной и жуткой вселенной.

– Ну вот так... Это все, что я знаю и помню, – завершил свою историю Макс. – Знаешь, чего мне жалко? Тот мир, ну что ты создала и из которого меня вытащила...

Варя кивнула головой.

– Так вот, у меня все стерлось из памяти, что было там со мной. А ты знаешь, ну... не знаю, как объяснить... Все-таки я прожил там какую-то жизнь, оставил частичку себя и не помню ничего... Как-то это неправильно, мне хочется помнить, ну хоть бы даже и с твоих слов...

– Ну, конечно, Макс, я тебе расскажу как-нибудь, что-то мне подсказывает, что нас ждет долгая до... – девушка осеклась и указала вперед. – Смотри, Макс, там, кажется, развилка.

Впереди ход подземелья раздваивался, и левый придаток нырял куда-то в сумрак под прямым углом. Макс и Варя остановились.

– Как ты думаешь, что там? – с тревогой в голосе произнесла девушка.

– Там тоннель раз-два-яйца, – попробовал пошутить Макс, чтобы снять напряжение.

– А в какой мы пойдём? Направо или налево? – поинтересовалась спутница, совершенно проигнорировав шутку.

– Я предлагаю разделиться, – шпионским тоном проговорил Макс.

– Макс! Я серьезно! – не выдержала Варвара.

– Если серьезно, то... – натянув на себя важный вид, Макс высказал очевидную для него идею: – Пойдем ближе и посмотрим, что к чему, и если не обнаружим каких-то указателей, то двинемся налево: все какое-то разнообразие.

– Хорошо, ты иди впереди. Мне так спокойнее, – Варя посмотрела на спонтанного гида своими ясными глазами, и он, пожав плечами, пошел к развилке.

Теперь они стояли на распутье, и два совершенно одинаковых тоннеля скрывали свои внутренности во тьме, сгущавшейся впереди них.

– Ну по крайней мере, у нас есть план, – сказал Макс, кивая в левый проход.

Они двинулись туда, но, пройдя несколько шагов, увидели, что подземелье оканчивается стеной. Приблизившись, Максим и Варя разглядели, что это не просто стена: из нее торчали четыре водопроводных крана.

– Мдя... тупик, – констатировала девушка.

– Ну что же, у нас есть еще план Б, – напомнил неудавшийся провожатый. – Ну или, на худой конец, мы всегда можем вернуться и посмотреть, что там, в другой стороне: за порталом.

– Не-не-не, плохой план, мне он не нравится, лучше план Б. Пошли, – и Варя потянула Макса за собой.

– Ты не находишь странным... эти краны? – сказал Макс, когда они снова оказались на развилке и сворачивали в дру-

гой проход.

– Да, мне как-то не по себе стало там – вот я и ушла оттуда поскорее.

– Опа, смотри, впереди.

Перед ними из сумрака выплыла еще одна стена, перегородившая проход, но в этой стене была дверь. Подойдя, они прочли над дверью: «Запасный выход». Надпись была сделана распылительной краской красного цвета. Некоторые буквы подтекли, и у обоих путников пробежали мурашки по телу от неприятных ассоциаций. Ниже, на самой двери была надпись «Посторонним проход воспрещен». И значок перечеркнутого человечка.

– Ты знаешь, мне кажется, он не перечеркнут, а разрезан, словно гильотиной, – озвучила мысли Макса Варя, – вон как отстоит верхняя часть туловища – будто сейчас отвалится.

– Не бери в голову, Варь. Наверно, рабочий, который рисовал, плохо наложил трафарет – вот и все дела.

– Все равно выглядит жутко, – Варю передернуло, – бррр.

– Смотри, ручки нет, – озадаченно прокомментировал Макс, – петель тоже. Интересно, она вообще открывается?

– Может, ее толкнуть нужно и она откроется?

– Слушай, мысль! – Макс пихнул дверь. С тем же успехом он мог бы пнуть Эверест.

Испуг затуманил светлые глаза Вари, когда парень, разочарованный неудачей, посмотрел на нее. Он тут же решил успокоить ее:

– Не волнуйся, сейчас выломаю эту негодницу.

И Макс разбежался, а Варя с тревожным выражением на лице следила за его безуспешными попытками выломать дверь. Несколько раз он разгонялся и со всей мочи толкал плечом в дверь, но вскоре его дыхание сбилось, неудачливый взломщик уставал, и все слабее и слабее были его удары. Вдруг во время очередной попытки он остушился и с разлету стукнулся головой о дверь. Тут же на пол потекла алая кровь, а Варя, вскрикнув, подбежала к нему. Голова Макса была рассечена, и кровь струилась из нее отвратительным темным ручейком. Девушка была в замешательстве – что делать? Она оторвала кусок ткани от своей блузки и приложила к ране Макса. Он от боли очнулся.

– Блин, какой я неуклюжий.

– Макс, тише, тише, не двигайся. Прижми вот ткань по сильнее, надо остановить кровь, – нервно затараторила Варя. Она было растерялась, но тут ей в голову пришла идея, и девушка с воодушевлением воскликнула: – Я сейчас, сбегая проверю краны – надо обмыть тебе лицо и рану.

– Стой, Варя, там же тем...

Но Варвара уже скрывалась в сумраке, а с ней рядом вилась часть всполохов, освещающая мрачные коридоры подземелья.

Девушка в мгновение ока добежала до поворота и повернула в сторону другого тупика. Она оказалась перед кранами и, недолго думая, открыла один из средних. Поднимаю-

щиеся откуда-то из глубины, слышались звуки воды, которые сливались в какую-то протяжную глухую ноту. Через мгновение из крана показалась вода. И Варя ахнула и замерла в недоумении. Вода вместо того, чтобы привычно стекать вниз, на землю подземелья, облизывая кромку крана, а потом отрываясь от него самого, устремилась наверх, на потолок. Все отличалось с точностью до наоборот от того, к чему Варя привыкла. Вода достигала потолка и, разбиваясь хрустальными каплями, в которых искрились мерцания всполохов, исчезала в трещинах свода.

– Варя!!!

Оклик Макса вывел девушку из ступора: что-то в его голосе звенело тревогой. Она вспомнила, зачем сюда явилась. Варвара оторвала еще кусок своей блузки и сунула под воду, закусив губу на всякий случай. Она втайне ожидала чего угодно, от воды-то, текущей наверх, но жидкость оказалась обычной холодной водой и прекрасно смочила кусок ткани. Через мгновение Варя вернулась к Максиму, который сидел поодаль от двери, прижимая окровавленную ткань к голове с выпученными глазами.

– Макс, что с тобой, тебе плохо?

– Варя, ты мне не поверишь...

– Что, что случилось? Макс, ты пугаешь меня! И дай я протру тебе рану.

Она склонилась к Максиму и стала протирать ссадину, пока Макс поведал, что произошло.

– Варя, я сидел, прислонившись к двери, и вдруг... Не сочти меня помешавшимся, мне показалось, что дверь вздохнула, что ли. Я не знаю, как тебе это описать. Я только услышал вот этот звук и сразу почувствовал это...

– Ой!

– Что такое?!

– Твоя рана... ее... нет.

Варя еще раз протерла горе-взломщику лоб, но, кроме разводов от пропитавшейся кровью ткани, на голове Макса ничего не было. Он ощупал себя, голову, плечо.

– Черт возьми, какие-то тревожные дела тут творятся. Уже ничего не болит, хотя только что и голова раскалывалась, и плечо добавляло от себя. Не то чтобы я не был рад, но как-то не по себе.

– Не по себе? Пойдем со мной, я тебе покажу, что такое не по себе.

Варя встала первой и поманила Макса за собой. Он с любопытством и не очень хорошим предчувствием посмотрел в прекрасные глаза девушки, легко поднялся и прошествовал вслед за ней.

– Что за дерьмо? – только и услышала Варя позади себя, когда из темноты стала проступать стена с четырьмя кранами на ней. – Варя, ты видишь ту же противоестественную хрень, что и я?

– Ну да, только, как истинная леди, я бы не стала употреблять слово «дерьмо». Но оно очень точно живописует то

ощущение, когда видишь это в первый раз.

– А это обычная вода? – спросил Максим, недоверчиво косясь на кран.

– Вполне – можешь сам сунуть руку в струю. Это вода, просто холодная вода.

Максим тронул поток пальцем, затем протянул ладонь и покрутил ее, замороженно наблюдая, как вода, рассыпаясь брызгами и омывая его руку, устремляется вверх.

– Но этого же не может быть, – сообщил Макс то ли воде, то ли своей спутнице.

– Как видишь, может, а также может быть почти мгновенное исцеление ран на голове, – и Варя указала пальцем на лоб Максима. Он непроизвольно потер указанное место, пребывая в полном замешательстве.

– Ты знаешь, Варя, что меня тревожит?

– Конечно, нет, зато я знаю, что тревожит меня, но раз уж ты первый начал – давай, просвети меня.

– А вдруг... – Максим заговорил с некоторой опаской, которая нитью пронзала бусины его слов, – это все мне снится... Или – еще хуже, эти сферы... Может, это какой-то трюк, который они сыграли со мной, – он вдруг с недоверчивостью поглядел на Варю.

– Да-да, я главная сфера и заманила тебя сюда, чтобы... – она подошла к усомнившемуся поближе и внезапно ударила ногой по его икре.

– Черт, больно! Ау, – воскликнул Макс, потирая ушиб-

ленное место, – за что?!

– Во-первых, чтобы ты перестал нести всякую ересь, а во-вторых, чтобы проверить, что это не сон. Знаешь, ты своими словами заронил зерно сомнения и в меня.

– Слушай, Варь, а ты пробовала другие краны?

– Нет, когда бы я успела? Я так спешила к тебе, что забыла закрыть и этот-то кран.

– Как думаешь, стоит попробовать другие?

– Мне кажется, вреда не должно быть, давай рискнем.

Варя стала откручивать левый кран, Максим – тот, что был справа от уже открытого. Снова зашумела где-то в утробе подземелья вода, зазвучала своей протяжной нотой и полилась наверх, навстречу своду. Максим открыл последний кран, и история повторилась. Вода шумела, и звуки, издаваемые ею, сливались в какое-то звонкое многоголосие, но ни Варю, ни Максиму не пришло озарение – что же это такое и что все это значит.

– Ну и что нам с этим делать? – с надеждой в голосе проговорила Варя, хотя догадывалась, что у Макса, скорее всего, не найдется ответа на этот вопрос.

– Не имею ни малейшего понятия. Может, стоит подождать, пока кончится вода в кранах? Вдруг оттуда появится джинн и исполнит все наши желания?

Варя посмотрела на шутника с укоризной и нахмурила брови.

– Это место, конечно, загадочное, но давай все же попы-

таемся быть реалистами, – сердито посоветовала она, оглядываясь по сторонам: то ли ища поддержки у молчаливых стен, то ли в поисках пресловутого реализма.

– Еще смешнее то, что это звучит от женщины, которая перенесла нас сюда с помощью своей магии.

– Не магии, а... Ну не знаю чего, но не магии. Назови это силой мысли, что ли.

– Ладно, давай не будем препираться, лучше подумаем, что дальше делать.

И Максим с Варей уселись напротив кранов, из которых вода, подчиняясь странным велениям этого мира, устремлялась вверх. Они долго сидели, Макс периодически ходил к двери и пытался одолеть ее грубой, физической силой, но плачевный безрезультат заставлял его возвращаться к Варе с понурым видом и дежурной фразой: «Она почти поддалась, я знаю, в следующий раз я ее доконаю». А Варя сидела и все медитировала, уставившись на текущую вверх воду. Иногда она подходила к крану, выключала или меняла напор, а потом опять отходила и усаживалась напротив. Время тянулось медленно и однообразно, словно вращалось по мановению ветра колесо обозрения в заброшенном парке развлечений. Максиму все сильнее хотелось покончить с этим, и он все более склонялся к идее, чтобы предложить Варе возвратиться и попытать счастья в другой стороне.

– Варя, мы уже провели тут черт-те сколько времени, может, вернемся? – доведенный до отчаяния своими бесплод-

ными попытками предложил Макс.

Варя сидела неподвижно, уставившись на воду. Макса охватил безотчетный страх, и внутри него как будто что-то тяжелое оторвалось и покатилося по нутру, наполняя тело леденящими звуками, от которых все сжималось.

– Варя, Варя, – паникуя, затряс ее за плечо Максим.

– Ай, что ты делаешь? – вышла из ступора девушка.

– Как что? Ты мне не отвечала и сидела с этим остекленевшим взглядом, уставившись вперед, я со страху подумал, что ты...

– Что?

– Ну ты знаешь, это место очень тревожное, тут творятся такие вещи... Я и испугался, что с тобой произошло что-то ужасное.

– Не, я вроде в порядке. Как дверь?

– Вот за этим я к тебе и обратился.

– Извини, я ушла в себя. Ты знаешь, я смотрю на эту воду и слушаю эти звуки и... Это ощущение, когда что-то скользит по границе сознания, готовое прорваться наружу, и оно словно прикрыто каким-то покрывалом. Ты чувствуешь, что что-то совсем рядом, какая-то мысль или идея, стоит только подтолкнуть ее к себе и сдернуть это чертово покрывало, чтобы она предстала перед тобой, – Максим утвердительно закивал, – но я все тянусь, тянусь, а не могу дотянуться до этой идеи, что бы там ни было.

– Варь, я бы рад помочь, но, боюсь, не смогу. Залезть в

твою голову мне не под силу.

– Я знаю, – разочарованно вздохнула она.

– Ну, не вздыхай так горько. Может, в другой стороне нам повезет больше? Как думаешь?

– Не хочется мне возвращаться, но раз у нас нет других вариантов... Слушай, – внезапно осеклась она, поднимаясь с пола, – а ты говорил, что слышал, как... дверь вздохнула, что ли...

– Ну да, мне так почудилось, но, знаешь, у меня была голова... ну это самое, повреждена, может, этот какой-то остаточный эффект или что там...

– Может, может, – отозвалась Варя, погруженная в свои мысли, и, оживившись, продолжила: – Я тоже хочу это... почувствовать.

– Но как я уже сказал, я не увер...

– Макс! Мы можем попробовать, и все. Если это был эффект от твоей травмы – ну что ж, я, думаю, переживу это. Просто у меня снова предчувствие, кажется, мы смотрим в нужном направлении.

– Ну, пойдём.

Они вернулись к двери. Варя посмотрела на дверь и спросила:

– Ты... просто сидел, опершись на нее?

– Да.

Девушка опустилась вниз и прижалась спиной к двери:

– Вот так?

– Да.

– Я ничего не чувствую... и не слышу.

Макс подсел рядом:

– Да, я тоже ничего не ощущаю. Я был прав, видишь, это была, видимо, реакция на травму...

– Стой-стой, а что ты делал, когда... ну почувствовал это?

– Да ничего, сидел у двери и прижимал тряпку к голове.

Потом я услышал этот звук – как потекла вода. Я еще подумал: «Хорошо, что вода идет». И тут вдруг ощутил, как сзади... ну словно вздохнуло что-то. Я сразу отполз, думая, что это... это нечто живое и... и я... испугался. Отползши туда, я взглянул на дверь... уж не зная, чего ожидать. Но дверь была как дверь... И тут подошла ты... В общем, я списал это на свою травму.

– Слушай, ты говоришь, что ощутил это когда появился звук воды, то есть когда я открыла кран.

– Ну примерно... думаю, да.

– Максик, давай ты сейчас сходишь туда, а потом откроешь... кран, хорошо?

– Да не вопрос, а ты думаешь...

– Ш-ш-ш, Макс, просто сделай, а мы потом посмотрим.

Макс удалился, размышляя, что же из этого выйдет. Он подошел к кранам и выключил их.

– Ну как, есть что? – спросил парень на всякий случай.

– Глухо, – отозвался из темноты Варин голос.

– Я включаю!

– Давай!

Макс отвернул вентиль, и вода вновь зажурчала наверх. В то же мгновение раздался возглас Вари, в котором смешались и радость, и замешательство.

– Есть! Я это тоже почувствовала.

Макс подбежал к девушке и увидел ее восторженные глаза.

– Я же говорила... Слушай, Макс, это получается... дверь как-то связана с этими кранами, водой... Макс, давай попробуем открывать их один за одним, я хочу посмотреть, что из этого выйдет.

– Хорошо, только держи меня в курсе и зови, если... Ну не знаю, зови, что бы ни случилось.

– Договорились, – Варя утешительно положила ладонь на его руку, – не волнуйся, я не сбегу без тебя.

И Максим снова удалился к тупику поодаль.

– Включаю! – прокричал он, отвинчивая другой кран, перекрыв предыдущий.

Через некоторое время Варя проголосила:

– Врубай другой!

– Принято!

Вдруг, когда парень открыл очередной кран, он услышал возглас:

– Ой, Макс, Макс, скорее сюда!

Он что было сил рванул к Варе, не зная, чего уже и ожидать, и застал ее, уставившуюся на дверь. Максим проследил

за взглядом девушки, но ничего не заметил.

– Макс, я... Я только что видела... Но это уже исчезло... Мне показалось, я видела, как нечто появилось тут, – она указала на левую сторону двери, – что-то такое размытое, словно кусок тумана, я толком и не рассмотрела. Я испугалась – это было так неожиданно... Знаешь, Макс, оно мелькнуло, как только ты включил кран: я стояла на коленях, прижав ладони к двери, и тут уловила, как возникло что-то. Я отскочила в испуге... Но теперь, теперь этого нет. Макс, иди и включи этот кран, а я буду смотреть – может, это появится снова.

Макс повторил все, о чем просила его Варя.

– Точно, там что-то есть. Макс, поменяй напор.

– Сильнее или слабее?

– Неважно, просто меняй.

Макс начал плавно крутить ручку то в одну, то в другую сторону. Внезапно раздался крик.

– Все, стой. Не крути. И иди сюда скорее.

Макс вернулся и, подходя к сияющей Варе, начал:

– Что такое, ты... – но не успел договорить, как увидел сам, – петли?

Варя весело и оживленно закивала головой.

– Но их же там не было раньше, – недоумевая продолжал Макс.

Варя только развела руками:

– Сам видишь, они тут.

– Но как?

– Когда ты открывал кран, мне показалось, что что-то проступило... Как я и говорила, какой-то туман или что-то вроде, на мгновение мне привиделось, что у него стали более четкими границы, и я попросила тебя поменять напор и – вуаля. Петли!

– Да... Все загадочнее и загадочнее.

– Я думаю, нам нужно поиграться таким же образом и с другими кранами.

– После такого – я всеми руками за!

– Тогда вперед, нечего задерживаться тут. И так уже надоело.

Макс пошел в загадочный тупик с кранами и стал исполнять указания Вари, говорившей ему, когда остановиться. В конце концов она позвала его:

– Макс, кажется все.

С надеждой в сердце направился он в тупик с дверью. Подходя ближе, юноша на секунду остановился, не веря своим глазам: на двери теперь присутствовали, помимо петель, еще ручка, скважина и самое главное – вставленный в скважину ключ.

– Каково, Макс! – радостная Варя подбежала к нему и, заглядывая в глаза, таинственно произнесла: – А знаешь еще что?

– Нет, удиви меня.

– Пойдем!

Она подошла к двери и, взяв руку спутника, приложила к ней. Максим такого не ожидал и отдернул было ладонь, но Варя упорно прижимала ее к двери.

– Не бойся, Макс. Ты чувствуешь?

– Да, будто бьется пульс или сердце там, что-то такое.

– Да. И чувствуешь – она теплая, словно живое существо...

– Даже не знаю, радоваться этому или начинать бояться.

– Нет, бояться не нужно, – Варя провела рукой по двери и ощутила словно едва уловимую вибрацию. Как будто дверь ее чувствовала и отвечала как могла.

– Ну что, идем? – прервал идиллию Макс.

– Да, давай, пошли.

Варя отошла от двери, а Макс осторожно нажал на ручку и дернул дверь на себя – ничего не произошло. Из Макса вырвался стон отчаянья.

– Макс, ключ... Я понимаю, хочется побыстрее свалить отсюда, – она положила руку ему на плечо и взглянула пристально в глаза. – У нас все получится...

И он взял ключ и легко прокрутил его в скважине, затем нажал на ручку и распахнул дверь, которая бесшумно провернулась на петлях. За дверью Варю и Максима встречали такие же катакомбы, и они оба огорченно вздохнули и посмотрели друг на друга.

– В конце концов, чего ты ожидал? Зеленого лужочка, по которому весело прыгают барашки? – разочарованно заклю-

чила Варвара.

– Ну, может, не лужочка, но чего-то другого... выхода, например.

– Ладно уже брюзжать, идем дальше, – Варя слегка подтолкнула компаньона в направлении прохода.

Они вошли один за другим через дверь, которая бесшумно закрылась за ними.

Что-то в темном углу, где сходились стена и свод тупика с кранами, зашевелилось, и тьму осветил призрачный кроваво-красный свет, испускаемый двумя только что открытыми глазами. Вода, касаясь его тела, мгновенно испарялась, окружая клубами пара это существо, еще мгновение – и оно закрыло глаза и слилось с окружавшей его тьмой.

Максим и Варя шли по однообразному тоннелю и постепенно чувствовали, как угасал в них оптимизм, вызванный тем, что им удалось открыть-таки эту дверь.

– Варя, как ты думаешь, что это было?

– В смысле?

– Ну там, с дверью? Зачем вообще все это? Дверь, эти сложности, загадки... Не знаю, как обозвать эту всю муть с водой и кранами.

– Да, у меня создалось впечатление, что кто-то или что-то хочет помешать нам выбраться отсюда.

– А зачем мы вообще попали сюда?

– Я думала над этим... Мне кажется, это своего рода переход...

Внезапно они услышали какое-то урчание. И остановились как вкопанные, не зная, чего ожидать дальше, стали оглядываться по сторонам, но тьма скрывала от них все, что могло издавать эти звуки, за своей уютной темной вуалью. Вдруг урчание повторилось, и Варя посмотрела на дружок и рассмеялась.

– Макс, по-моему, это ты, – и она со смехом указала на его живот.

И точно, прислушавшись к своим ощущениям, Макс понял, что голоден. Он улыбнулся:

– Ну слава богу, это я, а то уж чего только в голову мне не пришло в то мгновение, когда послышался этот звук.

И они пошли дальше, подшучивая друг над другом. В скором времени и у Вари заурчало в животе – она почувствовала, что тоже голодна.

– Слушай, ты не находишь это странным?

– О чем ты, Макс?

– Ну там, в том мире, нам не надо было ни дышать, ни есть, ни спать... а тут...

– Нет, Макс, мне кажется это даже в каком-то роде естественным. Знаешь, я чувствую себя так, как будто рождаюсь заново. Приятно снова ощущать... даже этот голод.

Максим и Варя шли и шли и сначала оживленно болтали о том, как выйдут отсюда, но по мере того, как усиливались голод и жажда, они становились все мрачнее, и все реже перебрасывались репликами. Каждый, поглядывая на стены,

своды и пол катакомб, невольно приходил к одному вопросу: где взять пищу и воду?

Вдруг из тьмы стали прорисовываться очертания очередного тупика и двери, аккуратно расположенной посередине стены и выглядевшей точной копией предыдущей двери.

Спутники было воспрянули духом, подбежали ближе, но, как и на прошлой двери, на этой вначале тоже не обнаружили ни петель, ни ручки. Только надписи, информирующие о том, что это выход и что он не для всех. А рядом опять знак с перечеркнутым человечком – вот и все, чем могла похвастаться эта безликая дверь.

На всякий случай Макс толкнул дверь, не ожидая от этого ничего, – так и вышло, она ни на йоту не поддавалась. Горевзломщик было отошел, чтобы с разбегу одолеть дверь, но Варя остановила его:

– Макс, ты уже забыл, сколько пытался выбить ту дверь? Это бесполезно. Побереги силы. Мы... мы должны опять отгадать загадку.

– Но какую загадку?! Тут даже нет другого прохода, как около той двери.

– А какие варианты: долбиться в эту дверь пока не кончатся силы? Ты же знаешь, это ни к чему не приведет, она закрыта... Хочешь, назови это своего рода магией. Нам нужно решить загадку. Вот только какую?

– Тогда давай искать! – воодушевился Максим. – Одну мы уже разгадали, думаю, и другую сможем.

И они стали методично осматривать стены и дверь в поисках хоть какой-нибудь зацепки. Дело продвигалось медленно. То Максим, то Варвара утомлялись и подолгу отдыхали, облокотившись на стены мрачного подземелья.

– Макс, я больше не могу, я так голодна, что готова есть землю, и меня донимает жажда. Я пойду вернусь к той двери и напьюсь... хотя бы...

Бедняга, изнеможенный, едва пошевелил распухшими и потрескавшимися губами и полупшепотом ответил:

– Отличная идея, я сразу за тобой, – и повесил изнуренно голову.

Варя поднялась по стеночке и сбивающимся шагом пошла обратно к кранам, предвкушая удовольствие от того, что вот-вот выпьет сочной, прохладной, благословенной воды, и по-минутно облизывалась наждачной бумагой языка.

Макс встрепенулся, услышав вопль отчаянья.

– Варя, что с тобой?! – испуганно крикнул он.

Изможденный, попытался резко встать, но у него закружилась голова, и он снова осел и стал всматриваться в темноту. Оттуда раздавался плач Вари.

– Нет! Нет! Не может быть... Тут должен быть проход, – причитала девушка.

Макс пополз в сторону Вари и через некоторое время, почувствовав себя чуточку лучше, встал и, держась за стену, пошел на ее всхлипы. Подойдя ближе, он тут же понял причину отчаяния девушки: тоннель перекрывала глухая сте-

на. Ни единого намека на дверь. Максом овладело чувство безнадежности, и он опустился рядом с Варей. Товарищ по несчастью положил было руку ей на плечо, чтобы утешить, но девушка нервно сбросила ее и поползла обратно к двери. Добравшись до нее, Варя, тратя понапрасну те ничтожные крупички сил, что сохранились еще в ее теле, принялась неистово колотить холодный металл, крича не своим голосом. Макс, увидев эту истерику, поспешил как мог к ней. Он тщетно пытался успокоить Варю, но наконец ему удалось оттащить ослабевшую девушку от двери, и они оба рухнули на землю. Варя, плача, уткнулась в плечо Макса и что-то неразборчиво причитала. Через какое-то время истерика истощилась, и бедняжка просто уставилась в стену напротив. Так тянулись часы. Тяжело дыша, страдая от голода и жажды, они сидели и ждали, сами не зная чего.

Внезапно Варя ломанулась, спотыкаясь, к противоположной стене. У Макса не было сил даже подумать, откуда у нее взялась эта энергия и чего это вдруг она так подорвалась. А Варя подбежала к месту, где смыкались стена и пол и... ухватила пальцами воздух. Несколько секунд она смотрела недоумевающими глазами на свои пустые руки и потом начала подвывать.

– Варя, не надо... не надо, – тяжело проговорил Максим. Горло жгло от каждого произнесенного слова. – Хочешь, уйдем?

– Куда уйдем?! – истерично бросила она.

Макс указал пальцем на границу, где сумрак сгустился в непроглядную тьму. Варя взглянула туда и похолодела: словно живое существо, на нее пялился ненавистный портал.

– Как? Откуда? Он же остался за предыдущей дверью.

– Я давно его заметил... Не хотел расстраивать тебя...

Мне кажется, он подползает... Но, наверное, это только мое воображение.

– Макс, я так измучилась. Может, и правда нам...

– Думаю, портал никуда не денется, и, если мы не загнемся раньше, мы всегда сможем свалить туда, – и лицо Макса исказила кривая улыбка.

– Ты прав, Макс, давай пытаться, пока еще у нас есть силы... Вот только отдохну немного. А чуть позже гляну вон в том углу, кажется, мы еще не смотрели там... А знаешь, Макс, я видела крысу, такую жирную крысу с выпотрошенными внутренностями... Но я подбежала, а там... там ничего не было, – Варя всхлипнула. – И знаешь что, Макс, даже если бы там и была эта крыса... Я бы тебе ничего не дала, все сама бы съела, – страждущая как-то злобно и с вызовом посмотрела на него. – Правда, я сука? А, Макс? Я бы тебе не дала... – она засмеялась каким-то лающим смехом, который быстро иссяк.

– Как скажешь, Варь... как скажешь... – вяло ответил Макс. У него не было сил спорить или возмущаться. Он тупо смотрел в пол и ждал... хоть чего-нибудь.

Он уже туго соображал. После передряги с работорговцами его челноку досталось. Отсек с провизией пошел на корм вечно голодному космосу. Бортовой компьютер приказал долго жить после пары точных попаданий корабля противника. Ему чудом удалось вырваться от них. И теперь он выпрыгнул из гиперпространства черт знает где, и без навигации он может прыгать так сколь угодно долго. Хотя сколь угодно долго не получится: он уже испытывал страшный голод и жажду. А пополнить запасы было негде. Но надежда не покидала его, и он в очередной раз совершил прыжок и относительно близко увидел планету, которая могла быть обитаема. Теперь она маячила перед ним громадным зелено-голубым шаром, и это вновь вселяло в его угасающее сознание надежду. Он попробовал нащупать радиосигналы, но было глухо. Он решил сделать облет – быть может, удастся увидеть какие-нибудь признаки живых людей, и тогда... Он не старался загадывать на будущее. Он мог сдохнуть в любой момент, его тело поддерживало жизнь на последних парах. И он начал спускаться в атмосферу. Под ним покрывал необъятный простор океан, а впереди желтел континент, куда он и направил свой звездолет. Вскоре внизу понеслись пески, а он стал пристальнее вглядываться в расстилавшийся по сторонам пейзаж в надежде увидеть хоть что-то. Внезапно его накрыла тьма, и мир вокруг перестал существовать. Какая-то неловкая мысль вроде безликого «ну вот и все» исчезла в темной глубине, не успев толком и оформиться.

– Эй, эй. Ты живой? – какой-то до чрезвычайности приятный голос звал его из темноты.

Что-то внутри подсказало ему открыть глаза, и он с невероятным усилием приподнял одно веко: второе никак не хотело разлипаться.

– Охо, точно живой! – прожурчал милый голосок.

Он увидел смуглое лицо девушки с золотыми волосами, которая заглядывала через разбитое стекло. Она пропала, но через некоторое время появилась с чем-то в руках и выбила остатки стекла, чтобы пробраться внутрь кабины.

– Пить, – слабо прошептал он.

– Да, у него было... Сейчас вернусь...

И она выбралась обратно, а затем вернулась с кожаной флягой и поднесла ее к страждущим губам. Ему, изможденному, эта влага показалась божественным нектаром.

– Как тебя зовут?

– Варя, – ответила незнакомка.

– Я Максим. Где я?

– Мы зовем эту местность Нахир.

– Нет, а планету?

– Нова-Земля.

У него пошла голова кругом – неужели он наткнулся на них... Но он оставил эту мысль на потом. Сейчас его занимало другое обстоятельство.

– Варя, есть еда?

– У того убудка, – она мотнула головой куда-то наружу, –

должна была быть... Ща, я мигом.

Через несколько минут Варя явилась с сумкой, порывшись в которой выудила кусок вяленого мяса. У Максима призывно заурчал живот, и Варя, рассмеявшись, поднесла ему еду – он жадно проглотил весь кусок и принялся тщательно разжевывать. Это было райское наслаждение.

– Ты как себя чувствуешь? Идти сможешь? – Варя оценивающе посмотрела на него.

Максим подвигал руками и ногами.

– Вроде цел, – неуверенно ответил он. – Ты меня покормила... теперь, наверно, смогу... но не быстро... я еще очень слаб... я долго был без еды и воды.

– Это хорошо, что ты можешь идти, нам нужно двигаться быстрее. Сейчас сезон учгере.

Максим посмотрел на нее непонимающим взглядом.

– Ну это когда пески поднимаются в воздух, – стала пояснять девушка, – и несколько дней или даже недель невозможно находиться снаружи.

Максиму стало не по себе.

– А что будет, если мы... попадем в эту уч...

– Учгере, – подсказала Варя и улыбнулась. – Тогда мы сольемся в окончательном экстазе с матерью-природой, – говоря это, Варя поднесла руки к промежности, прижала их там, лицо ее отобразило неземное сладострастие, затем она оторвала ладони оттуда и, разведя в стороны, описала круг. Затем на личико вернулось обычное выражение.

«Натурэксессусы – точно они!» – пронеслось в голове у Максима, и снова мысли его приняли другое направление:

– И тебя не смущает, что мы можем погибнуть в этой уч-гере?

– Нет. Это ведь так чудесно – вернуться в лоно матери природы.

– То есть ты хочешь умереть? – спросил Макс, а сам стал выбираться из кресла, почувствовав некоторый прилив сил.

– Нет, я люблю жизнь и хочу жить, но смерть – это так прекрасно, что я не бегу от нее. Я готова принять ее в любой момент.

– Понятно, – неопределенно отозвался Макс. – Помоги мне, пожалуйста, я еще недостаточно силен.

Варвара подошла к нему, и они вместе заковыляли к выходу из челнока.

Снаружи Макса ожидало кровавое зрелище и палящее солнце. Он с ужасом уставился на первое и спросил свою спутницу:

– Что это?

– О, да, я забыла рассказать! Ты мой спаситель! – Макс недоуменно посмотрел на нее, а она продолжила: – Вот это Миха. Ну был Миха, пока ты не снес ему башку своим кораблем.

– Челноком, – поправил Максим по привычке.

– Ну как скажешь. Вон там, в клетке, осталась половина Тани. В принципе, поделом ей, та еще сучка была. А Рох-

лю, – лицо Вари выразило искреннюю печаль, и она указала на окровавленное существо, напоминавшее смесь верблюда с ящерицей, – жалко. И к тому же мы бы могли ехать на нем гораздо быстрее.

– Слушай, я думал, ты любишь всех и вся. Ну природа, все дела.

– Нет, я люблю мать-природу, а некоторые ее проявления... Почему я должна любить их? – и она плюнула на останки Михи. – Ты же не отсюда, тебе не понять.

– Ну да, куда уж мне.

– Слушай, до деревни нам не добраться.

– Ты хочешь сказать, что мы обречены?

– Нет ничего прекраснее слиться вновь в экстазе с... – Вара осеклась, заметив хмурый взгляд Максима. – Не смотри на меня так, у нас есть шанс, я просто не договорила. Нам нужно отыскать скрытую землянку.

– Что еще за скрытая землянка?

– Это как дом, устроенный моим отцом на случай, если кто из нашей семьи будет застигнут здесь, в Нахире, во время учере.

– Клево. И ты знаешь, где он? – Максим отчаявшимся взором обвел бескрайние пески.

– Нет, но сейчас узнаю.

Она присела, поднесла руки к промежности, а затем положила ладони на песок. И Максим, наблюдавший за этим действием, ощутил, как через все тело пробежал какой-то ток,

он невольно вздрогнул. Варя зашевелила губами и на некоторое время впала будто в транс.

– Нам туда, – весело сказала девушка, внезапно очнувшись и указывая в направлении однообразных желтых песков.

Взяв, что можно было, у Миши, она подошла к Максиму, предложила ему свою помощь. Он оперся на ее плечо, и путники медленно пошли в сторону скрытой землянки.

Варя рассказала, как ее из родной деревни похитил Миша, чтобы потом продать в рабство.

– Это было жутко: они ворвались ночью во многие дома, похитили женщин и, пока мужчины не успели опомниться, разбежались в разные стороны со своей добычей, – возмущенным голосом вещала девушка. – Миша привел меня к этой клетке. Ну ты видел там. Таня уже была в ней, спала. Он грубо забросил меня прямо на Таню, я еще не знала, что ее так зовут... И погнал Рохлю со всей дури. К утру только сбавил ход. Он все смотрел на нас и мечтал о том, сколько за нас выручит. Не стесняясь говорил, что нас ждет и как он рад, что ему достался такой хороший товар. Так он нас «развлекал» пятый день. В какой-то момент Таня не выдержала, стала с ним ругаться, а он было ответил сначала, а потом засмеялся своим мерзких хохотом, как вдруг... Я лежала на дне клетки и пыталась подремать. И тут я услышала какой-то шелест. Не успела я поднять голову и... Что-то большое проскочило надо мной, срубив часть клетки, Тани и Ми-

хи с Рохлей... Это был ты в своей штуковине. Как ты ее назвал... в челноке. Я сначала бешено перепугалась, но, придя в себя, поняла, что спасена. Я стала безмерно благодарна моему спасителю и решила проверить, не нужна ли моя помощь, ибо было видно, что произошло что-то плохое с твоим челноком.

– Варя, а тебя не испугал вид моего челнока?

– Нет, нам рассказывали, как наши предки прибыли сюда на похожих штуковинах, даже есть рисунки этих кораблей. Так что после первого шока я перестала бояться... Вообще, ты знаешь, я думала, что это один из предков вернулся, чтобы спасти меня... Мне почему-то так показалось. И там я увидела тебя, совершенно худого и с закрытыми глазами, я решила, что ты мертв. И какова же была моя радость, когда ты открыл глаза, – я сразу поняла, что могу помочь тебе, отплатить тебе за то неожиданное спасение, что ты уготовил мне.

Они долго шли и разговаривали, узнавая новое друг о друге. Максим рассказывал Варе о себе и своем мире, она в свою очередь о собственной жизни и здешних нравах.

Внезапно девушка остановилась и в ужасе обернулась.

– Слышишь?

Максим прислушался.

– Нет... Хотя вроде какой-то рокот, – настороженно произнес он и поднял недоуменные глаза на Варю.

– Учгере... Мы можем не успеть, – шепнула она, улыбнувшись.

– Не начинай про свой вечный экстаз... Я попробую идти быстрее, – он снова оперся на спасительницу и как мог быстро пошел, увлекаемый ею.

Через несколько часов первые удары песка настигли несчастных путников.

– Уже скоро... Вон там! – Варя указала на возвышающуюся дюну, а может, и куда подальше.

Ветер усиливался, и их все жестче хлестали плети песка в спину.

«Слава богу, мы идем не навстречу этому аду», – думал Максим.

– Все, пришли! – прокричала Варя.

Ветер безжалостно унес слова девушки, едва они покинули ее губы, но Максим догадался, что сказала Варя. Он стоял, а его спутница шарилась в песке. Вдруг земля под ногами Максима пропала, и он решил, что настал его конец, так как мир вокруг окутал мрак. Парень ощутил, что лежит на чем-то твердом, а в следующее мгновение на него приземлилось что-то мягкое и живое. Это что-то радостно провозгласило голосом Вари:

– Ура, мы сделали это! Мы успели!

– Так, значит, я все еще жив...

– Ну конечно, а что ты думал?

– Знаешь, когда земля у тебя уходит из-под ног и вокруг темно... Я думал, что опять вырубился или в худшем случае умер.

– Да, здесь темновато. Сейчас исправим.

Через некоторое время Макс заметил, что тьма будто зашевелилась, а затем увидел, что по сторонам от него зажглись маленькие искорки. До Макса вдруг дошло, что это какие-то светящиеся насекомые. Они побежали по стенам, заползли на потолок, и над головой Вари и Максима засверкало звездное небо из множества этих мелких фосфоресцирующих букашек. В некоторых местах они скопились и образовали светящиеся свисающие гроздья, источающие зеленоватый свет. От увиденного великолепия Макс даже открыл рот.

– Эй, Максим, – окликнула спасенного Варя, смотревшая на это с тем же живым интересом, что и он, – красота, правда?

– Я никогда не видел ничего подобного...

– Наш мир полон удивительных вещей. Наверное, так же, как и ваш. И побывай я в нем, тоже поражалась бы всему непривычному, – девушка немного грустно вздохнула.

– Варь, а долго нам тут сидеть? – поинтересовался Макс, течение мыслей сменилось с эстетически-созерцательного на более приземленно-утробное – одними огонечками сыт не будешь.

– Несколько дней или недель – как выйдет. Никто не знает, когда учгере утихомирится.

– А что мы будем есть и пить, когда закончится то, что мы взяли у Михи?

– Успокойся, – Варя лукаво улыбнулась, – мать-природа позаботится о нас.

Она совершила очередное ритуальное прикосновение где-то меж чресл, затем подошла к стенам землянки, которые были усеяны различными по размеру норами животных. Приложив ладони к стене, Варя зашевелила губами, словно произнося какую-то молитву. Через несколько часов из некоторых нор выпало нечто, что напугало Максима своей внезапностью. Но Варя смело подошла и подняла с пола это нечто, пока Макс тревожным взглядом следил за существом, сверкнувшим глазами из темной норки и скрывшимся в ту же секунду.

– Попробуй, это куммиса, очень вкусно, – сказала Варя, протягивая гостю какой-то корень, сочившийся желтой дрянью.

Превозмогая себя, Макс попробовал эту гадость, чтобы не обидеть свою спасительницу, и каково же было его удивление, когда гадость оказалась не гадостью вовсе, а чем-то съедобным и сочным, словно тропический фрукт с его родной Земли.

– М-м-м, ну теперь я уверен: мы с голоду не умрем, если... эти... кто бы там ни был, будут доставлять нам такие штуковины, – проговорил парень и расплылся в улыбке, соответствующей наслаждению, которое он испытывал.

Варя от души рассмеялась. И потекли долгие часы ожидания момента, когда прекратит свирепствовать учгере.

– Варя, а ты знаешь, что ты очень красивая? – слова соскользнули с уст Макса как-то совсем естественно.

После всех долгих дней вдвоем, когда они предавались продолжительным рассказам о себе, о своих мыслях, делах и надеждах, невольный пленник воспринимал ее как родную сестру или... еще ближе.

– Знаешь, когда ты так делаешь, да-да, вот как сейчас, – он указал пальцем на Варю, в зеленоватом сумраке землянки совершающую свои ритуальные прижатия, чтобы пополнить запасы куммисы, – у меня внутри все закипает... я... я...

Варя лукаво и игриво улыбнулась его смущению.

– Ты тоже притягательный мужчина, Макс. Ты знаешь, м-м-м, – она сладострастно закатила глаза и откинула голову назад, – я... я тоже желаю тебя.

Глаза Вари еще не успели сомкнуться, а одежда упасть, как Макс оказался подле нее, весь в горячем, клокочущем трепете страсти. Он чувствовал, как из него наружу прет что-то дикое, животное, но оно как-то гармонично вписывалось и сливалось с окружающей атмосферой. Его движения были и резки, и нежны одновременно, ему казалось, он скользил по какому-то краю, но вот что удивительно: он был там не один. Его держала за руку и вела за собой Варя, внимая каждому его движению, ступая в такт с ним, резвясь и извиваясь согласно своим ощущениям, которые заражали Максима и отдавались нарастающей пульсацией во всех клеточках тела. Он вдруг открыл глаза и обнаружил, что отовсюду из нор

на него смотрят угольки чьих-то глаз. Макс на мгновение стало не по себе, но Варя, словно ощущая по его едва сбившимся движениям, что что-то случилось, прикинула к нему, погружая его во всеобъемлющую бездну своей любви, отсекая все происходящее вокруг него вуалью томных постановлений и плавных волнений. Так же внезапно Максим наполнился каким-то внутренним чувством гармонии – его больше не беспокоили эти глаза. Ему казалось, что так и надо, так и должно быть, что существа, созданные матерью-природой, просто смотрят, как два других таких же существа слились в экстазе, и эти наблюдатели чувствуют себя частью пронзительного наслаждения, разделяют его с ними, добавляют к нему частичку своего зрительского упоения. Максим танцевал с Варей на кончике иглы, их танец кружил головы не меньше, чем тела, он длился, длился и длился. Потом разорвался, словно мыльный пузырь, не выдержавший давления мельчайшей пылинки, и Максу почудилось, что на него сверху сыпятся звезды... его засасывает расслабляющее темное блаженство, сливающееся с подвыванием учгере снаружи и стоном содрогающейся Вари рядом с ним.

Через пару дней звук за пределами землянки вроде бы начал стихать.

– Я пойду завтра гляну, как там обстановка: есть шанс, что мы скоро выйдем, – сказала Варя, глядя своими глубокими глазами прямо в душу Максима.

На следующий день девушка вернулась из разведки и со-

общила:

– Утихает помаленьку...

– Чего нельзя сказать о моем желании, – радостно произнес Максим, которому уже нравилось их вынужденное заточение.

– ...но выходить еще рано, на мой взгляд, – продолжила свою мысль Варя, лукаво и призывно улыбнувшись: страсть металась у нее внутри, как стая голодных волков. Максиму не страшны были никакие волки – он умел находить с ними общий язык.

На следующий день Макс еще дремал, когда услышал, как Варя встала и вновь пошла на разведку. Внезапно он услышал грубый голос:

– Держи сучку!

И крик Вари:

– А-а-а, Макс, спаси меня!

Парень мгновенно вскочил, пополз по проходу. Песок сыпался в глаза, и последнее, что Максим успел уловить, было испуганное лицо Вари и рука, еще мгновение державшаяся за край прохода и так же быстро пропавшая из виду.

– Варя!

– Макс, спаси меня! Помоги мне!

Песок нещадно хлестал Максима в лицо, забивая глаза и затуманивая зрение.

Макс резко распахнул веки: все вокруг рябило спросонья,

но постепенно он смог сфокусироваться... Смутно, как будто издали, все еще слышался возглас:

– Макс, помоги, а-а-а!

Сморенный, повернул тяжелую голову в поисках источника звука и вдруг увидел, как что-то большое и черное утаскивает его спутницу в дверь («Как она открылась?» – невольно пронеслось у Макса в мыслях). Варя отчаянно кричала и билась, но существо, очевидно, обладало громадной силой, и справиться с измученной голодом женщиной ему не составляло труда. Адреналин взбодрил Макса – он рванулся к двери. Но было уже поздно. Она закрылась перед самым его носом, и до него лишь донесся неведомый ему голос:

– Отступись, Макс, отступи-и-и-и-сь-сь-сь... – зашипело под конец, словно кислота, выплеснутая на металл.

– Нет! Варя! – захрипел парень. Откуда-то взявшиеся в его истощенных резервах силы позволили ему какое-то время колотить в дверь, но безуспешно. И Максиму оставалось лишь сипло кричать: – Варя! Верни ее! Сучий потрох! Я тебя убью, сволочь! Я тебя вытащу оттуда, и ты заплатишься, гребаный ублюдок!

С каждым ударом в невозмутимую дверь энергии у Максима становилось все меньше и меньше: заряд, что придал ему всплеск адреналина, растворялся в его бесплодных попытках пробиться за неподдающуюся преграду. В конце концов он, обессиленный, упал рядом с дверью. Переполненный отчаяньем, несчастный в безотчетной злобе, погружал паль-

цы в землю ненавистных катакомб и судорожно скреб ее. Он лежал лицом в пол с закрытыми глазами и тяжело дышал. «Вот перед нами лежит голубой Эльдорадо...» – издеваясь, носилась в его голове, словно безумный мотоциклист в шаре, строчка слышанной когда-то песни. Наконец Макс открыл глаза, поднял голову и тут же отдернул руку и отпрянул назад, насколько позволяли силы. Он изумленно и озадаченно смотрел на происходящее перед ним. Там, где его пальцы прорыли борозды в земле, нечто подлетало вверх тоненькими струями, словно пыль, играющая в солнечном свете. Максим присмотрелся – под слоем земли виднелся мелкий желтый песок.

– Не может быть... песок... сыплющийся... вверх.

Но тут другая мысль пришла ему в голову. Не так давно он своими глазами видел, как вверх устремлялась вода из крапов. Это было словно щелчок по носу, и Макс стал действовать, повинувшись какому-то инстинкту. Его пальцы принялись разгребать, вспарывать и отбрасывать землю, открывая все большую площадь с песком, скрытым под ней. И, о чудо, маленькие струйки песка превратились в крупные водопады, переливающиеся желтым цветом и увлекаемые ввысь словно незримыми воздушными потоками. Через какое-то время Макс взглянул на своды землянки и вновь поразился увиденному. Песок не исчезал где-то под потолком, а будто набирался в невидимый сосуд цилиндрической формы. Верх емкости кончался примерно на высоте двух метров от по-

ла. Максиму очень странно было видеть этот песочный блин, маячивший в воздухе, словно какое-то НЛО. Он отодвинулся чуть в сторону и стал заворожено наблюдать, как заполняется невидимый сосуд.

Через некоторое время стало заметно, что форма емкости начала сужаться. Максиму было жутко любопытно, что из этого выйдет: он смутно представлял, что находится на правильном пути. Но вот что ждет его впереди? Вскоре струи иссякли, и перед Максимом маячила словно перевернутая бутылка с очень узким горлышком. Юноша смотрел на нее и недоумевал, что же делать дальше. Он подполз к оставшемуся на земле песку и попробовал всшебуршить его рукой. Но тот проявил неслыханную дерзость и остался лежать как самый обыкновенный песок, сколько бы Макс ни водил по нему ладонями и ни подбрасывал вверх. В отчаянии парень сгреб полные горсти песка, выбросил руки вверх, рассыпая крупички во все стороны золотистыми облачками и в неистовой злобе проклиная чертово подземелье с его загадками. Его правая рука задела песчаный сосуд, висящий в воздухе, боль пронзила запястье Макса, и он в ярости двумя кулаками ударил ненавистную бутылку, парящую над землей. Та вдруг зашаталась, словно закрепленная на невидимой оси. Злоба Макса начала затихать, и он с интересом уставился на покачивающуюся штуковину в воздухе. Парень медленно поднялся, придерживаясь рукой за стену. Он вперил взгляд в песчаный сосуд, словно это был его заклятый вражина, и

пхнул его, как в детстве пинал противника во время школьной разборки. Бутылка наклонилась и снова начала колебаться, но уже с большей амплитудой. Макс из последних сил стал методически раскачивать ее. И вот, дойдя до какой-то точки невозврата, сосуд повернулся на невидимой оси, а Макс полетел на пол, проклиная свою неуклюжесть. Бросив взгляд на емкость, он в очередной раз распахнул глаза от удивления. Песок из нижней части сосуда стал тоненькой струйкой сыпаться вверх, и под потолком постепенно вырисовывались цилиндрические очертания. Макс смотрел на проявляющиеся формы, и вдруг ему пришла в голову идея, что это все похоже на...

– Песочные часы? – недоуменно спросил Макс у поросших мхом стен.

В голове у него зароились мысли: «Что мне с ними делать? Сколько еще раз их вертеть? А вдруг с последней взлетевшей песчинкой я двину кони? А если ничего не произойдет? Я сойду с ума! Как там Варя? Жива ли еще? Может, ее сейчас пожирает... Нет, нельзя отчаиваться. Варя сказала, что все получится, она верила, и мне надо... верить».

Долгое время Максим наблюдал, как из одной половинки сосуда песок перетекает в другую. Он был теперь уверен, что это песочные часы, и с нетерпением ждал момента, когда песок закончится, – что будет тогда? Вот в нижней части уже почти ничего не осталось, и Макс с замиранием сердца следил за каждой вспорхнувшей пылинкой. Наконец поднялась

последняя, и... ничего не случилось.

– Ну а чего ты ожидал, что откроются врата в рай? – произнес он вслух и тревожно посмотрел в сторону маячившего портала. – Вон одни ворота под боком так и манят!

Макс в сердцах сплюнул одним воздухом. И тоскливо поглядел на дверь. Ни ручек, ни петель – ничего не появилось на ней. Он уже хотел отвести взгляд, как вдруг увидел какое-то пятно, где-то на уровне его глаз. Бедняга было подумал, что ему почудилось. Мотанул головой и снова посмотрел: пятно увеличилось и напоминало экскременты, размазанные по кругу рукой какого-то идиота (Макс иногда видел такие «шедевры» в туалетах). Потом ему показалось, что оно еще расширилось и стало больше похоже на что-то рыхлое.

– Будто... она заржавела, – недоуменно сказал Максим невидимому собеседнику. И тут же луч надежды воссиял в его душе, и он с замиранием сердца стал смотреть, как это *что-то* распространялось по двери. Завороженный зритель хотел и боялся прикоснуться к этому нечто, думая, что может каким-то образом помешать процессу (каким бы он ни был). Вскоре дверь вся покрылась этим налетом, и вдруг сверху посыпались коричневые хлопья, отделявшиеся от двери. Максим жадным взором радостно смотрел, как дверь рассыпается в прах. И в короткое время все было кончено, он сидел напротив открытого прохода, и глаза его дрожали, слез не было: обезвоженные лишены этой милости.

Макс медленно пополз вперед. По ту сторону его ждал та-

кой же проход, единственное отличие было в том, что его стены оплетали не то какие-то растения, не то корни толщиной с большой палец. Макс глянул на них и подумал: «А какая, в сущности, разница: сдохнуть от голода или отравиться этими непонятными штуками...» Он подполз к стене и попробовал оторвать себе кусок корня. Но его ослабленные руки не могли ничего сделать. Парень облизнул свои распухшие губы и, пожав плечами, решился – впился зубами в ближайшее к нему растение. В то же мгновение рот его наполнился сочной влагой. Он оторвался от корня и засмеялся, как ребенок, потом снова припал к нему и пил, пил и пил, пока не отвалился и не упал без сил, тут же заснув.

Проснувшись, Максим долго не мог понять, где же находится и не снится ли ему все это. Он потрогал стены, пол, корни – все казалось реальным. После освежающего сна к нему вернулись силы. Отшельник поневоле встал, осмотрелся вокруг и прошептал:

– Варя... Где же ты?

В обе стороны от него уходил тоннель, увитый загадочными растениями, которые спасли его от голода и жажды. «Странно, я ведь не отползал далеко от стены с дверью, – подумал Максим, – куда же она делась? Испарилась? Смылась?» Но никто не пришел на помощь ему с ответами на эти вопросы. Он прошел в левую сторону, туда, где, по его предположению, должна была быть стена с дверью, через некоторое время он заметил портал, зиявший черной раной на теле

стены.

– Тьфу ты, только тебя не хватало! – рассердился Макс, увидев старого знакомого, которого он предпочел бы вообще не встречать.

И парень направился в противоположную сторону.

Он шел, шел и шел, иногда задумываясь о времени, проведенном в этих катакомбах. Максим радовался тому, что не видел круговорота солнца. Ему страшно было представить, сколько прошло дней его бесконечной ходьбы, прерываемой только для того, чтобы насытиться растениями или провалиться в сны, которые стали донимать парня все чаще и чаще. Эти корни были единственным, что отвлекало Макса от пути. На вкус они напоминали курицу, пропущенную через желудок кошки, но были съедобные, и через какое-то время странник привык к этой своеобразной пище. Чтобы отвлечь себя от мыслей о том, что ему никогда не удастся вернуть Варю, он отщеплял небольшие кусочки растений, рассматривая их ячеистую текстуру.

А эти кошмарные сны... В них Максим медленно погружался в какое-то черное болото, и ему было так тошно от смрада, удушавшего его, что он желал поскорее умереть, лишь бы прекратить эту пытку. Но чаще Макс просыпался, когда только-только уходил под воду. И в редкие, особо ужасные моменты ему не удавалось пробудиться вовремя, и тогда, тогда он видел, что ждало его по ту сторону, и в невыразимом страхе наконец просыпался, и этот страх долго еще

держал его в своих ледяных объятьях.

Максим уже толком не помнил, зачем он идет. У него в голове осталась только идея, что за какой-то дверью он найдет то, что ищет. И ему непременно надо отыскать эту дверь. Там ждет что-то важное. Иногда, просыпаясь, Макс видел портал, своим боком высунувшийся из окружающего сумрака. Максиму казалось, что портал следовал за ним словно варан, поджидающий, терпеливый. Тому нужен был только шанс, и он раскрыл бы свою черную пасть и проглотил бы Макса целиком.

Максим все чаще стал поглядывать в его сторону, образ двери с чем-то скрытым позади нее все больше стирался из его сознания, а вот портал – он был реален. Он манил его.

Тогда Макс специально подходил к нему и всматривался в его черно-красную переливающуюся утробу и спрашивал себя, что такого страшного он находил в этом портале. Почему бы не сунуть туда свою руку, может, ногу, и вообще, почему бы не пролезть туда? Но что-то внутри его заставляло остерегаться этого портала. Пока это работало, Макс внимал своему внутреннему голосу. И он часто засыпал, глядя в черную колышущуюся вуаль.

Он пристально всматривался в карту города.

– Куда же ты направилась, Варвара?

Когда-то давно он называл ее просто сучкой. Тогда ему только дали задание: найти эту женщину и убрать без лиш-

них проблем. Потом, когда не получилось с наскока поймать ее, он вдруг зауважал беглянку – она стала Варвара Степановна. Хитрая бестия – она бросила ему вызов своей неуловимостью. Это зажгло в нем настоящий азарт охотника. Такого с ним еще не бывало, чтобы его оставляли с носом. Он дважды был близок к тому, чтобы прикончить ее, но плутовке удавалось уйти. А потом... Он помнил это, словно это было сейчас. Он таки достал ее в ресторане: на кураже взял и присел к ней за столик в надежде напугать. Чтобы упиться тем страхом, что должен был наполнить ее при виде незнакомца. Он думал, что это будет достаточная компенсация за то унижение (ушла два раза из-под самого носа!), которое ему пришлось испытать. Но она едва подняла взгляд от своего салата. Кивнула ему и указала пальцем на рот – мол, ем я, не беспокой меня.

– Так это вы? Я полагаю, это *вас* послал Упырь, чтобы... м-м-м... разобраться со мной, – произнесла она упоительным голосом и, небрежно взяв бокал вина, стала рассматривать блики на кроваво-красной пьянящей жидкости, отпивая ее неспешными глотками.

Она была очаровательна – в тыщу миллионов раз лучше вблизи, вживую, чем на той фотографии, которую ему дали для выполнения задания. Ему нравилось в ней все, и он поплыл. Сам не зная как, он стал рассказывать о себе, и она, удивительное дело, отвечала ему тем же, приоткрывая книгу своей жизни и забавляя его отдельными иллюстрациями из

нее.

Он, словно хищный зверь, пригласил ее к себе в номер гостиницы, думая, что она откажется, но женщина дерзко приняла его предложение, чем удивила и восхитила его.

Они провели жаркую ночь в жарком курортном городе. Сотни и сотни мотыльков и бабочек летели ко все разгорающемуся огню их страсти и все до единого гибли в этом бушующем пламени. Сама луна стыдливо одергивала им занавеску, когда ураган их страсти неприлично вздымал занавесь, приоткрывая их очерченные сумраком тени: ее волнующуюся форму и его резкие, порывистые всплески.

Максим лежал на кровати с Варварой и, думая, что же делать с ней дальше, не заметил, как реальный мир сменился миром снов. А с утра женщины уже не было рядом. Он бросился разыскивать ее, переломал пару носов, вздумавших дерзить ему, но все тщетно. Максиму остались лишь те яркие моменты, наполнявшие прошлую ночь.

И он вновь бросился в погоню за ней, уже не Варварой Степановной, а Варей. Он даже не отдавал себе отчет в том, что с ней сделает, когда найдет: убьет или... Ему важно было отыскать ее. К тому же у Максима в голове билась тревожная мысль: он уже очень долго охотится за Варей, его клиент мог разочароваться в нем и послать еще наемников по ее следу. Максиму нужно было найти беглянку первым. Шли дни, а он все не мог нащупать ни единой зацепки. Но тут подвернулась эта старушка, которая сказала, что видела женщину,

похожую на Варю.

И Максим стал ждать в подъезде, забившись в темный угол, словно коварный тигр, подстерегающий свою нежную добычу, чтобы сцапать ее. Как неистово начинало биться его сердце, когда где-то открывалась дверь и... выходил то дед, то какой-нибудь парень... не она. И Макс резко отворачивался в свой угол и яростно высасывал сигарету, в надежде успокоить беснующееся сердце. Но вот в очередной раз отворилась дверь, и вышла она. Где-то внутри Максима что-то надломилось, что-то задрезжалось, что-то заколебалось туда-сюда, туда-сюда.

Он стоял, прикованный к своей тьме, а Варя прошла мимо, будто не замечая его. Но вдруг обернулась и сверкнула на Макса своими блестящими глазами:

– Я вот все гадала, пойдешь ли ты дальше или, удовлетворившись той ночью, считаешь, что мы квиты?.. Ну вроде как отпустишь меня...

– Так что, это все было напускное, фикция? – Максим был обескуражен, что-то лопалось внутри него с нарастающей скоростью и обламывалось и хрустело.

– А ты думал... – и она попыталась засмеяться, но смех получился неестественным, и в глазах ее задрезжались слезинки.

В памяти Вари пронеслись все дни, что она провела в воспоминаниях о той жаркой, губельной ночи. Это ее состояние не ускользнуло от пронизательного взора Максима, у кото-

рого все чувства сейчас словно обострились. Он из тени, в которой скрывался, просто протянул к Варе руку с раскрытой ладонью. «Возьмет или не возьмет?» – вертелась чертова рулетка в его голове. Макс готов был полжизни отдать, чтобы заранее знать ответ на этот вопрос.

Внизу хлопнула дверь, и вдруг Варя, словно патрон, вставленный в обойму, скользнула в объятия Максима и прижалась к нему, и отрадные рыдания, рвавшие ей грудь, ложились ангельской музыкой на его слух. Рулетка остановилась. Все было хорошо. Он жадно затянулся сигаретой и выпустил облако сизого дыма, которое смешалось с окружающим его сумраком и скрыло плотоядно-торжествующе-блаженную улыбку Максима.

И они помчались прочь на его машине. Вдвоем, словно беглецы. Что, наверно, было и правдой: Максим подвел своего клиента, теперь охотники ищут не только Варин, но и его след. Это добавляло азарта, и Макс, хищно улыбаясь, подгонял нажатием на педаль газа ретивый автомобиль, который, повинувшись хозяину, с ревом поглощал километры стремительными рывками.

Рядом, скомкавшись в кресле, спала Варя, и он чувствовал себя счастливейшим человеком на земле и раскатывал туда-сюда сигарету уголком улыбающегося рта.

Вот впереди мелькнул знак бензоколонки, и Максим глянул на приборную панель. Оранжевая лампочка недвусмысленно намекала ему, что надо бы подзаправиться, а то на од-

ном кураже далеко не уедешь, и хитро подмигивала ему.

Медленно, чтобы не разбудить Варю, он свернул на АЗС и остановился у колонки.

– Не кури на заправке, – Варя ошеломила Максима внезапной репликой. Он с виноватым видом вытащил сигарету изо рта и положил за ухо.

– Я думал, ты спишь, – отозвался Макс.

– Я и спала, но ты так осторожно заруливал, что я решила – ты вздумал потихоньку от меня смыться.

Она вдруг припала к нему и ухватила за руку.

– От меня не свалишь. Теперь ты мой, – хищно произнесла Варя, и ее улыбка стала такой же плотоядной, как у Макса. – Только через мой труп, – она навела на него палец и спустила невидимый курок, – или твой.

– Я уже через это проходил, – сказал Максим, а затем поцеловал руку Вари и в три поцелуя добрался до ее губ, на которых красноречиво запечатлел свои чувства.

– Принеси мне кофе, – попросила Варя, – а я пока в дамскую комнату наведаюсь.

Она отцепилась от Макса с явной неохотой. И вышла из машины.

Макс вылез следом и направился к колонке, чтобы вставить пистолет в бензобак. Справившись с этим нехитрым делом, он уверенным шагом пошел за кофе. Стоя перед кассиром, пожилым мужичком, и оплачивая покупки, Максим периодически косился на улицу и вот увидел, как Варя вышла

из-за угла, за которым была уборная, и пружинящей улыбкой одарила обоих мужчин, проходя мимо витрины. По пути она изобразила, будто подносит ко рту чашку, намекая на кофе, и Макс поднял стакан с дымящимся напитком, как бы показывая, что все путем. Но все было нехорошо. Вдруг кровь прилила к его мозгу, на волне адреналина неслась клочущая, бушующая мысль: «Какого хрена делает там этот черный фургон?» Он рванул с места, но было уже поздно: дверь фургона открылась и четыре сильные руки схватили Варю и стали втаскивать ее внутрь. Максим выскочил из павильона, успев лишь услышать визг нещадно стираемых покрышек уносящейся машины и вопли Вари:

– Макс! Спаси! Ма-а-а-а-а-кс!

Он достал пистолет и принялся стрелять по колесам. Весь мир для него сжался в колесо, одно колесо, большое колесо, черное колесо, которое вращалось... нет, оно не вращалось... оно колыхалось, и его прорезали красноватые нити.

Он открыл глаза и отшатнулся от черного колыхающегося пятна, маячившего в нескольких сантиметрах перед его носом. Максима словно обдали холодной водой воспоминаний.

– Варя! Варя! Я иду! – кричал он, четко зная свою цель – во что бы то ни стало следовать за ней.

Через несколько шагов Макс увидел моргающий вдали свет. Он с удвоенной энергией поспешил ему навстречу. Подходя ближе, парень увидел, что мигает табличка над две-

рюю на стене, перегораживающей тоннель, как всегда. Откуда-то из свода пробивался тонкий луч света, но Максим не обращал на него внимания. Он как замороженный смотрел на мерцающую табличку с надписью «Выход» на красно-сером фоне. Последние метры Максим бежал, летел, мчался. плечо вперед, уверенный, что никаких препятствий в мире для него не существует. И с криком «Ва-а-а-ря!» он наткнулся на суровую реальность непробиваемой двери – как и в прошлых случаях. Плечо отозвалось дикой болью. Макс упал, но пораженный больше душевной болью, нежели физической. Его воздушный замок надежд раскололся о тончайший хрусталь непреклонности злополучной двери.

Максимом овладела безотчетная ярость, и он сбил руки в кровь, в исступлении колотя по двери. Его кровь и безысходность смешивались в диких узорах, оставляемых им на поверхности бесчувственной двери.

Макс вымотался и уснул на полу рядом с окровавленной дверью. Когда он очнулся, в голове пульсировала безнадежная мысль: «А сколько еще будет таких дверей позади этой?» Максим невольно бросил взгляд назад – и да, вот он, портал, черной кляксой таранился на понурого парня, подманивая его к себе своими тошнотными колыханиями.

– Соberись, тряпка, – процедил Максим и шлепнул себя по щеке ладонью с запекшейся кровью, оставив небольшие бурые хлопья на лице, – тебя ждет Варя!

Несчастный вызвал в памяти ее образ, смутно сознавая,

что если этого не сделать, то он снова начнет забывать Варю, а там... А там притягательность портала станет лишь усиливаться, и что если он не сможет однажды совладать с собой?

– Лучше об этом не думать, – вслух сказал Макс, отвернулся и стал вспоминать Варю с ее живыми глазами и звенящей смехом улыбкой.

Это придало ему сил, он сел, собрался с мыслями и стал изучать окрестность в надежде уловить хоть что-то, похожее на подсказку: что же от него требовалось на этот раз? Макс взъерошил земляной пол, осмотрел стены – ничего. Потом уставился на мерцающий знак «Выход» над дверью.

– Какого хера ты там делаешь? И если с тобой что-то надо сделать, то что, мать твою? – злобно воскликнул Максим.

Он сидел перед дверью и смотрел как зомбированный на этот моргающий указатель. Через некоторое время парень встал и подошел к нему.

– Ну, что там у тебя внутри? – Макс потянулся к табло и ухватился за него.

Крышка не поддалась. Он применил силу и тут же очутился на заднице вместе с оторванной крышкой в руках. Теперь ему моргала в глаза лампочка накаливания с отражателем вокруг нее. Максим долго рассматривал со всех сторон крышку, беспрестанно вопрошая и умоляя:

– Ну же, ну же, давай-давай, что там? Ну хоть намек какой? Свету бы побольше...

И он встал и подошел к центру тоннеля – туда, где сверху

пробивался луч света. Парень повертел крышку там, но, не увидев разницы, поднял голову, чтобы посмотреть, куда падает свет, потом опять опустил, взглянул на крышку и тут же резко поднял снова, недоуменно всматриваясь в потолок...

– Так... Что-то тут не то... – пробормотал Макс.

Луч света, отделяясь от отверстия в своде, не шел прямо вниз, как должен был, а загибался и падал на поверхность свода поодаль.

– Твою мать... Опять какая-то хрень... – озадаченно пробубнил парень.

Макс продолжал обходить луч со всех сторон, силясь проникнуть в его тайну. Крышка от табло больше не занимала его и болталась в руке как нечто лишнее. Через какое-то время парню надоело безрезультатно ходить, и он вспомнил о крышке. Максим взглянул на нее и нахмурился. Вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он подбросил крышку в воздух. Та, завертевшись, пересекла луч и... плюхнулась с пластмассовым грохотом рядом с ним.

– Вот черт... Не сработало... Эх, Варя, Варя, как мне тебя не хватает, – Максим тоскливо вздохнул, – может, ты бы придумала что-нибудь...

Он пнул крышку и уселся на пол, мрачно оглядывая то лампочку над дверью, то кривой луч света, изо всех сил напрягая свой мозг и пытаясь распутать этот гордиев узел. Через несколько часов бесплодных поисков решения головоломки Макс соскользнул в сумбурный сон, очнувшись от ко-

торого почувствовал очередной прилив апатии.

– Давай, давай, соберись, – подбадривал себя Максим, закусив кореньями.

Ничего не изменилось: луч все так же изгибался, не подчиняясь законам физики, а лампочка продолжала помигивать.

– Ладно, что у нас здесь? – Макс подошел к лампочке и уставился на нее, щурясь в такт ее мерцаниям. – Что мы можем с тобой сделать? Выкрутить или вкрутить – как я до этого раньше не догадался, может... – и он, воодушевленный, потянулся к лампочке и стал ее вращать. – М-м-м, холодная...

Парень докрутил ее до упора – она продолжала мерцать. Тогда он стал выкручивать ее, и только она оказалась у него в руках, как отражатель с патроном вывалились из стены. Максим уставился туда, где только что была лампочка. На этом месте находилась небольшая впадина, в которой, очевидно, и помещалась вся конструкция, но... никаких проводов (и да, он ожидал увидеть хоть кабель, уходящий куда-то туда – за стену). Он посмотрел на лампочку, она вздрогнула светом несколько раз, словно язвительно посмеялась над ним, и потухла. Юноша потряс ее – безрезультатно.

Долгое время он изучал все доставшиеся ему предметы, раскладывал, ввинчивал, развинчивал. Пробовал опять установить на место – все вываливалось, словно раньше и не стояло там никогда! Максим бесился и несколько раз уже по-

рывался все разбить вдребезги, но что-то его удерживало. Это был образ Вари, и он вновь подходил к двери и бешено колотил в нее или прислушивался к чему-то позади. А портал, портал жил своей жизнью и подтекал все ближе, ближе и ближе. В любой момент готовый протянуть руку всепоглощающей помощи и вобрать в себя отчаявшегося субъекта.

В очередной раз Максим возвращался к разбросанным у стены деталям указателя. Вдруг его взгляд упал на хромированную поверхность отражателя, и парень уловил какое-то движение. Он инстинктивно повернулся и с тревогой огляделся. Все было тихо и спокойно, ничто не нарушало гармонии мрачного тоннеля. Макс снова взглянул на отражатель и стал приближаться к нему, вглядываясь в его зеркальную поверхность. Вдруг он понял, что за движение уловил. Это был луч – когда Макс менял свое положение и направление взгляда, луч начинал двигаться. Парень поднес отражатель ближе к лицу и стал всматриваться в сферическую поверхность, которая, казалось, искажала все окружающее пространство, кроме луча. Он выпрямился, и чем сильнее вглядывался Макс в отражатель, тем четче становился луч. Внезапно Макс услышал звук вроде шипения и резко повернулся в ту сторону, откуда он исходил. На двери, которая только недавно была идеальна, появилось пятно, словно на бумагу навели луч солнца, сфокусированный лупой, и она начала обугливаться.

– Вот оно! – вскричал радостный Макс, почувствовав ско-

рое разрешение ситуации, и с энтузиазмом принялся всматриваться в заполненную смазанными деталями поверхность, концентрируясь на луче.

Вновь послышалось шипение, и вскоре запахло горячим металлом.

Через некоторое время, когда шипение уменьшилось, Макс оторвался от отражателя и обернулся к двери. Теперь в ней прямо посередине зияла дыра, очерченная красными краями раскаленного металла.

Максим решительно направился к дыре, но вдруг заметил нечто и обернулся. Лежавшая на полу лампочка истерично заморгала, Макс ошеломленно смотрел на нее, внезапно она с оглушительным грохотом взорвалась, и потолок тоннеля начал обваливаться, камни больно ударяли Максима. Он, опомнившись, бросился в дыру, словно в нору, и... полетел вниз, вниз, вниз.

Вдруг он почувствовал, как что-то прервало его движение. Макс огляделся и увидел, что лежит в центре гигантской паутины, натянутой в каком-то земляном колодце. Внезапно его голова закружилась, и верх и низ поменялись местами: теперь парень висел на обратной стороне паутины, а под ним зияла черная темнота, и лишь липкие нити удерживали его от того, чтобы упасть. Темнота внизу зашевелилась, и от краев к колодцу пошли темные волны, из центра черной желчью с красными прожилками вытекло нечто. Через секунду Макс понял, что это портал, и он висел над ним, готовый сорвать-

ся туда в любое мгновение. Его охватил панический ужас. Неожиданно от одного из краев отделилось нечто темное, и Макс закричал... Нет, это кричал не он. Парень дернул голову влево от себя и увидел кокон, болтающийся на расстоянии от него. У кокона были глаза Вари.

– Варя!!! – закричал Макс, забыв про страх и нечто злое, надвигающееся из бездны. Сейчас он был счастлив видеть Варю.

– Макс, там эта... тварина.

– Варя, как ты?

– Макс, спасайся!!! Она хочет убить нас обоих! У тебя еще есть шанс, а мне отсюда не выбраться. Вон там есть выход! – Варя мотнула головой куда-то позади Макса, но он даже не посмотрел в ту сторону.

Нечто добралось до края паутины, и нити завибрировали, озвучивая нечеловеческий голос неведомого существа:

– А-а-а, Максим. Ну вот и ты здесь. Что ж, я давал тебе шанс, там, в катакомбах, но ты им не воспользовался.

Существо подползло ближе, и Макс с ужасом увидел, что к ним приближается нечто, напоминавшее смесь отвратительного паука с хвостом чудовищного скорпиона и головой мерзкой крысы, из которой торчали страшные змеиные зубы.

Макс похолодел от ужаса. А Варя, хоть и не первый раз видевшая этого монстра, вновь переполнилась отвращением и смертным страхом.

– Теперь уже поздно, – ехидно проговорило нитями суще-

ство, подползая к Варя, и занесло над ней свой смертоносный хвост. – Ну, Макс, что? Что ты теперь готов сделать, чтобы я не... убивал Варю? Ха-ха-ха! – отвратительный звериный смех наполнил колодец.

– Назови это! Я сделаю все ради нее! – закричал Максим.

– О-хо-хо, как благородно! Но где же ты был, когда я говорил тебе «отступись»?

– Кем бы ты ни был, я сделаю все, что хочешь, только опусти ее, – умолял Макс.

Его сердце обливалось кровью в предчувствии незаслуженной и такой преждевременной смерти Вари. Он чувствовал, что она – единственное важное, что весь мир может идти ко всем чертям, но Варя, Варя должна жить, чего бы это ни потребовало. Любая жертва казалась Максиму ничтожной, лишь бы она могла продлить хоть на миг бесценную жизнь девушки. Он метался, силясь вырваться из липких объятий паутины.

– Но ты облажался, Макс, ты упустил свой шанс, и теперь уже поздно, – молвила тварь, и ее ядовитый хвост, метнувшись молнией, вонзился в спину Вари, которая только и успела, что вскрикнуть в последний раз.

– Нет, сволочь! Я до тебя доберусь и убью тебя. Варя! Варя!

– Ха-ха, мне нравится твоя ненависть, а ты знаешь что – я теперь опущу тебя!

– Что?!

Макс в то же мгновение почувствовал, как цепкая паутина стала опускаться его, и, чтобы не упасть в мерзкий портал, он ухватился за нити и повис. Через секунду несчастный уже карабкался по паутине к Варе в надежде... В надежде на что – он и сам не знал, просто мчался что есть мочи. Добравшись до ее кокона, Максим втянул его на паутину и стал рвать нити, опутывавшие лицо девушки. Оно уже начинало чернеть, на нем стали проступать мерзкие красные жилки. Но парень глядел на это лицо и понимал, что Варя – самое дорогое, самое ценное, что у него было.

– Ха-ха-ха, ну, каково сознавать теперь, что все – *поздно*, уже ничего не вернешь? Да, да, больше горя, больше, больше печали... Да, да, мне это нравится, – верещал паук и словно распухал, питаясь скорбью, которой обливалось сердце Максима.

– Любить... любить никогда не поздно, – прошептал Максим покрывающемуся тьмой телу Вари. И прижал ее к своей груди, поцеловал в губы.

– Макс, как ты сказал? – едва выдохнула Варя черными от яда губами.

– Варя, Варя, любимая. Я люблю тебя, ты жива!

– Нет, суки, вам не... – проревело чудовище: сзади Вари и Макса, слившихся в поцелуе, в смертельном прыжке и с убийственным жалом наготове несея паук – всего несколько шажков отделяло его от влюбленных, обретших друг друга, и он был уверен в своей победе.

Макса и Варю одновременно пронзило жаром... Пламя любви и страсти расцветало в них, окружало и кружило.

За миллиметр до того, как смертоносное жало коснулось тела Максима, находившегося спиной к торжествующему монстру (такая замечательная позиция и цель не движется!), паука обожгло огнем, и он мгновенно отпрянул, не в силах вынести этого. От людей распространялось пламя, которое испепеляло нити паутины и вот уже перекинулось на него самого. Существо издало дикий вопль боли и ярости. Но нити под ним уже лопнули, и оно стремительно падало в черную бездну, откуда и выползло.

А Макс и Варя еще мгновение держались на паутине, нити которой перегорали и сверкающими искорками опадали вниз. Так и они вслед за искрами понеслись в пропасть. Все ближе и ближе к черной волнистой массе, расчерченной красными прожилками.

Влюбленные прижимались друг к другу, сливаясь в поцелуе – последнем, что они почувствуют в этом мире. Черная поверхность была все ближе, и Варя, находящаяся сверху Максима, закрыла глаза. Масса уже не колыхалась, а застыла, словно черное стекло, отражая двух падающих влюбленных. Еще мгновение, и их тела коснулись черной поверхности, и она взорвалась мириадами стеклянных брызг, которые рассыпались в пыль и в последний момент вспыхивали, как звездочки. Макса окружило это искрящееся мельтешение, и он невольно зажмурил глаза.

Вдруг откуда-то раздался голос, до боли знакомый Макс:

– Ну, молодежь! Вы бы хоть прикрылись! А то замерли тут, как, прости господи, Адам и Ева!

Макс открыл глаза и недоуменно огляделся. Они стояли с Варей, обнявшись в чем мать родила, посреди мастерской. Отцовской мастерской. И отец сидел напротив холста и заливался краской, что было видно по его краснеющим ушам.

– Па?!

– Ну а кто? И я серьезно – идите оденьтесь. Я все понимаю, современные нравы, но пожалейте расшатанную психику старого художника. А потом расскажешь мне, зачем вы втихую сюда пробрались и обнимаетесь нагишом, – и, не поворачиваясь, указывая кистью в сторону Максима, отец добавил: – И да, познакомишь меня со своей пассией.

Он сидел в своей сумрачной комнате и прижимал руку к голове, словно пытаясь удержать что-то внутри или, наоборот, силясь вырвать что-то оттуда.

При тусклом свете настольной лампы Лев Николаевич Простой склонился над столом и пустым взглядом смотрел на исписанный блокнот, содержащий полет его фантазии, переплетенный с полувековым житейским опытом. Ночь прошла, но зимнее темное утро спорило с ней по интенсивности черных красок.

Его мечты осуществлялись, с кухни слышалось приятное шкварчание яичницы (яишенки, как он ласково называл ее),

через некоторое время дверь в комнату отворилась, и женщина с седыми волосами и достаточно заурядной внешностью немного боязливо прошептала:

– Мой бог и царь, твои вожаделенные яйца, в смысле яство, готовы.

– Ты можешь поверить, у меня такое ощущение, что эта чертова муза увела моего персонажа. Что со мной творится?

У нее отлегло от сердца: муж был хоть и недоволен, но не находился в одном из его «никудашных» настроений, как она их про себя называла. Тогда он был невыносим. Но сейчас его что-то тревожило, и по опыту женщина знала, что лучше помолчать и дать супругу самому выговориться, если он того хочет.

Лев Николаевич тяжело поднялся, прошел на кухню и сел у заботливо поставленной тарелки с яичницей, искусно украшенной зеленью. Он улыбнулся.

– М-м-м, яишенка, – довольно протянул писатель и отправил кусочек себе в рот с нескрываемым наслаждением, которое только оттеняло его тревожные мысли.

Жена сидела напротив и изредка поднимала взгляд, пытаясь уловить любое желание горячо любимого мужа. Но он молчал. Он перебирал в памяти, что произошло с ним в эту ночь, и не мог прийти к однозначному мнению.

В какой-то момент, ночью, он переключился на нового персонажа.

– Как бишь его звали, черт побери, все вылетело из голо-

вы, – пробубнил Лев Николаевич больше сам себе, нежели жене, внимательно ловившей каждое его слово.

Все развивалось по обычной схеме в голове писателя: герой попадал в различные ситуации и переживал спектр разнообразных эмоций. А он, автор, сидел в кустах с биноклем и присматривался к своему персонажу: хорошо ли тому, пошла ли та или иная ситуация, в пору ли ему этакая-то эмоция, по мерке ли пришелся характер. Чтобы, когда тот напереживает сотни жизней и историй, выйти из своих кустов и вытащить на свет божий настоящего человека, вернее, нет – персонажа для своей будущей книги. Да, иногда на него находит, и он... стирает, что ли, негодного для него героя. Но *он* сам, своей волей. А тут... Лев Николаевич недоуменно взглянул на жену, словно она могла справиться с его неразрешимой задачкой, и тут же снова углубился в свои мысли. «Я чувствовал это... вдохновение, ко мне пришла муза. Я даже записал это, – писатель припомнил, как потом рассматривал свои заметки на бумаге, сохранившей его мысли, – у меня получался отличный персонаж. А потом – фьють, это все исчезло: и муза, и персонаж. Словно их и не было в моей голове. Остались только записи, и если бы и их не было, то тогда что? Они были там – и оп! В следующий миг их уже нет, словно они сбежали от меня». И тут же его закрутило: «А куда они сбежали? А что с ними сейчас? А кто вообще они? Надо пойти перечитать еще раз записи». Неслышным хлопком лопнула лампочка на письменном столе, и искры

рассыпались по нему. Жадные до еды, они набросились на сухую бумагу, и вмиг блокнот занялся веселым пылающим огнем.

Максим, одевшись сам и найдя кой-что приличествующее Варе, вернулся вместе с ней к отцу в мастерскую. Он сел в кресло и, попивая чай, стал рассказывать отцу о своих приключениях. Варя устроилась на подоконнике и смотрела на улицу, любуясь природой за окном. И в то же время она внимательно слушала Максима. Ей нравился его приятный тембр, и у нее по телу разливалась приятная истома. «Он сказал, что любит...» – про себя повторяла девушка, и ей хотелось как-то укутаться в эту мысль, раствориться в ней.

А Макс рассказывал и рассказывал, изредка поднимая глаза на отца, на лице которого читались полнейшее недоумение и отчетливый вопрос: «Ты че, разыгрываешь меня?» Но сын рассказывал с такой серьезностью, что тот не решался произнести свой вопрос вслух. А Макс периодически бросал взгляд на картину отца, когда возникала пауза и ему нужно было собраться с мыслями. Он невольно думал: «Как же талантливо у него получается изображать детали. Вот, скажем, этот старик. Уж не знаю, кто он, может, писатель какой-то или еще кто. Как ловко отцу удалось передать игру света, теней, кажется, что он, тот старик, действительно пишет и будто ручка легко скользит по бумаге... и про что он там пишет... занятно, да...»